

ВАНИС **КОНАН**

КОНАН И СВАТИЛИЩЕ ПИКТОВ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН
И ЧЕТЫРЕ
СТИХИИ
1	КОНАН
И БОГИ
ТЪМЫ
2	КОНАН
И МЕЧ
КОДДУНА
3	КОНАН
БРОСАЕТ
ВЫЗОВ
4	КОНАН
И ПОВЕЛИТЕЛИ
ПЕЩЕР
5	КОНАН
И ПЕСНЯ
СНЕГОВ
6
КОНАН
И НЕБЕСНАЯ
СЕКИРА
7	КОНАН
НА ДОРОГЕ
КОРОЛЕЙ
8	КОНАН
ПРИНИМАЕТ
БОЙ
9	КОНАН
И КАРУСЕЛЬ
БОГОВ
10	КОНАН
И ДАР
МИТРЫ
11	КОНАН
И НОЧНЫЕ
КАИНКИ
12
КОНАН
И ПРОТ
ДАЙОМЫ
13	КОНАН
И ЗЕРКАЛО
ПРЯДУЩЕГО
14	КОНАН
И ВРЕМЯ
ЖАЛЯЩИХ
СТРЕЛ
15	КОНАН
И ПСЫ
ВОЙНЫ
(НЕ ИЗДАНО)
16	КОНАН
И ТАЛИСМАН
ЗЛА
(НЕ ИЗДАНО)
17	КОНАН
И БИЧ
НЕРТАЛА
18
КОНАН
И ГОРОДА
ПЛАЧУЩИХ
ДУШ
19	КОНАН
И ИСТОЧНИК
СУДЕБ
20	КОНАН
И СЕРДЦЕ
АРИМАНА
21	КОНАН
И БАГРОВОЕ
ОКО
22	КОНАН
И ПРИЗРАКИ
ПРОШЛОГО
23	КОНАН
И ВОИНСТВО
МРАКА
24
КОНАН
ВАРТАР ИЗ
КИММЕРИИ
25	КОНАН
И РЫЖИЙ
ЯСТРЕБ
26	КОНАН
И ПЛЕННИКИ
БЕЗДНЫ
27	КОНАН
И ЗАГОВОР
ТЕНЕЙ
28	КОНАН
И КОПЬЕ
КРОМА
29	КОНАН
И ВРАТА
ВЕЧНОСТИ
30

Великий

КОНАН

И СВЯТИЛИЩЕ ПИКТОВ

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Санкт-Петербург • Москва • 2000

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО

УДК 820 (73)
84.7 (США)
К 64

*Серия основана в 1993 году.
Серийное оформление Дмитрия Вяземского.*

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее
части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К64 Конан и святилище пиктов: Роман и рассказы. —
М.: СПб.: «Северо-Запад Пресс», ООО «Издательство
АСТ», 2000. — 416 с.

ISBN 5-93698-018-9 («Северо-Запад Пресс»)
ISBN 5-17-001061-3 (ООО «Издательство АСТ»)

К 8200000000

УДК 820(73)
84.7(США)

© Ken Kelly, обложка, 1992
© Д. Вяземский, серийное
оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2000

Глава первая

У даже в самый яркий, сиянием Митры пронизанный день сырой полусумрак продолжает таиться под тяжелыми черными ветвями, покрытыми темно-зеленой хвоей. Ходят предания, от коих стынет в жилах кровь даже у взрослых людей, а дети с криком просыпаются в своих постелях, едва лишь образы из тех легенд подобно вздыбленной тьме проникают в их сны.

Предания эти гласят, будто глубины бескрайних глухих лесов есть обиталище древнего племени Всевидающих.

Тех, кого не видел никто, а если и случилось иному несчастному узреть их не людские и не звериные лики, то он платил за это дорогой ценой, утрачивая память, и речь, и волю, и вечно обречен был скитаться, как безумная тень, среди прочих людей, пока не погибал от неведомой тоски, высасывающей ему сердце. А то, что ос-

тавалось от несчастного, будто бы не было даже телом, но пустой оболочкой, подобной покинутому кокону насекомого. И сторонились люди тех лесов с их странным народом, и непроходимыми чащобами, и вечным мраком.

Путь варвара-киммерийца в Ландхааген, куда, согласно данной девочкой Мангельдой клятве, принятой им на себя, должен был он доставить украденную вероломным Гориллой Грином вечно зеленую ветвь маттенсаи, пролегал по самой границе этих странных и жутких лесов.

Первая часть клятвы была им исполнена.

Мерзкая обезьяна испустила дух в своем обиталище, Желтой Башне. И там же пал, защищая своего спутника, шемит Иава, оказавший немалую помощь киммерийцу в его битве с Гринсвельдом — преданный друг, сумку с записями которого Конан должен вернуть Халане, тщетно ожидающей своего возлюбленного странника.

Теперь варвар вновь остался один; однако спеша исполнить и вторую часть клятвы Мангельды, возвратить вечно зеленую ветвь последним выжившим из рода антархов — двум детям, коим суждено вдохнуть жизнь в умирающий Ландхааген, он не задумывался о собственной судьбе. Ибо великая, благородная цель гнала киммерийца вперед, и он, ведомый ею, не был склонен к бесплодному унынию и сомнениям.

В одном из селений, именуемом Туонелла, он решил прервать свой нелегкий путь, чтобы утолить голод и жажду и укрыться от ночного промозглого мрака.

Однако место это показалось ему весьма странным, словно покинутым людьми.

Конан проходил по единственной в Туонелле улице, лишь изредка слыша короткий злобный лай цепных псов из-за высоких изгородей и ощущая на себе настороженные взгляды, но ни один местный житель не попался ему навстречу, чтобы хоть из любопытства поближе рассмотреть черноволосого чужака.

Привычно сжимая в огромном кулаке рукоять меча, варвар наконец остановился возле строения, показавшегося ему менее убогим, нежели прочие покосившиеся и словно вросшие в землю до самых крыш дома. Он окликнул хозяев — но ответом ему была прежняя напряженная тишина; однако за мутным окном мелькнула и тут же исчезла чья-то тень.

Во все более сгущающихся влажных сумерках это видение производило особенно странное и неприятное впечатление, но киммерийцу недосуг было предаваться особой озабоченности по поводу местного гостеприимства, и он, не тратя больше сил и голоса на безответные призывы, с размаху врезал ногой по деревянной двери, ведущей внутрь строения.

Очевидно, такого усилия не требовалось, ибо дверь оказалась незапертой; несомненно, в доме кто-то жил, во всяком случае, характерных для покинутого обиталища запахов затхлости и запустения Конан не почуял.

Только серые тени, словно прячущиеся по темным, освещенным лишь неверным кодышу-

щимся светом едва теплящегося очага углам, продолжали свою безмолвную пляску, и варвар ощутил, что к сосущему чувству голода примешивается противный липкий холодок необъяснимой тревоги.

— Эй, хозяева,— рявкнул он, разгоняя настоленную тишину, нарушаемую лишь сухим потрескиванием дров в очаге,— передохли тут все, что ли?! Если нет, так за подобное отношение к путнику, нуждающемуся в пище и крыше над головой, вас уж точно следует отправить бродить по Серым Равнинам! Верно, они вам больше по душе, чем мир живых людей!

— Не ори понапрасну, чужак,— медленный скрипучий голос заставил киммерийца резко обернуться в ту сторону, откуда он раздавался.— Никто не звал тебя, ты явился непрошеным гостем, но требуешь себе милости и внимания. Подумай, благоразумной ли это?

Конан увидел перед собой женщину, возраст которой было трудно определить — седые длинные космы тонкими, точно паутина, прядями свисали ниже плеч, и, судя по ним, она была старухой; но на самом дне ее тусклых, словно пеплом присыпанных глаз плескалось темное пламя. В них не было страха — скорее, странная насмешка, такая же, что стлыла в уголках серых, в тонкую нить сжатых губ. И этот взгляд, тяжелый и неподвижный, и таинственная саркастическая полуулыбка наводили оцепенение и желание развернуться и бежать со всех ног, как можно скорее покидая это явно проклятое богами

место. Однако киммериец был не из тех, что готовы, подобно испуганному зверю, делать ноги, едва почуяв опасность.

Он привык встречать врага лицом к лицу и сражаться, если есть в том необходимость, а столкнувшись с тайной либо загадкой, находить ответ на нее либо вырывать таковой силой. Тем более что слова женщины показались ему весьма оскорбительными: как она смеет полагать, будто он просит о некоей милости?

Разве он приبلудный шелудивый пес, униженно подползающий к чужом огню?! Конан решительно шагнул к наглой обитательнице странного жилища, но та и не подумала отступить. Только недоуменно изогнулись все еще темные, не тронутые сединой стрелки бровей да презрительно дернулась верхняя губа, на миг обнажая идеальные белоснежные зеркальца зубов, выдающих отнюдь не старческий возраст.

И прежде, чем варвар успел открыть рот для решительной отповеди нахалке, осмелившейся столь неуважительно обращаться с гостем, женщина вновь заговорила:

— Не буди ненужный гнев в своем гордом сердце, чужак, и побереги ненависть для более достойного противника, нежели слабая женщина. Не могу предложить тебе войти и быть в моем доме гостем, ты и так уже сделал это. Однако если есть на то твоя воля, раздели трапезу со мной и моей семьей, только прежде назови себя: трудно говорить с тем, к кому не знаешь, как обращаться.

— Ты-то сама кто такая? — проворчал киммериец, исподлбывая с неприязнью продолжая разглядывать хозяйку, изменения в голосе которой не могли его обмануть, и опускаясь на стоящую вдоль стены низкую скамью.

— Я — Линн, женщина старейшины Туонелла и мать его детей, — ответила она. — Мой муж и повелитель должен сейчас возвратиться домой после охоты, но пока я заменяю его, ибо, когда он отсутствует, я — глава Туонелла.

— Что же, у вас нет мужчин, способных заменить твоего господина? — не понял Конан.

— Мой Бриккриу и я — одно целое, — возразила Линн, — лишь я могу исполнять его волю как свою собственную; таков закон.

В ответ на это объяснение варвар наконец назвал ей собственное имя, и не успел еще умолкнуть звук его голоса, как массивная дверь отворилась с тяжелым скрежетом, и его взору предстали еще трое людей.

Одним из них был неимоверно высокий, ростом едва ли уступающий самому киммерийцу, но худой, точно жердь, горбоносый мужчина потрясающей воображение наружности. Он выглядел точно порождение морских глубин, куда не достигает сияние благого ока Митры, — с совершенно прозрачной бесцветной кожей, сквозь которую проступали голубоватые нити сосудов, словно даже кровь его была не красной, а синеватой; бесцветными были и глаза, словно лишённые радужной оболочки, отчего расширенные в полумраке зрачки казались единственными тем-

ными точками среди пустыни этого неподвижного лица; белесые ресницы и брови тоже производили впечатление отсутствующих, а длинные, столь же светлые прямые волосы были гладко зачесаны назад и схвачены в хвост на затылке.

Альбиноса сопровождали две женщины, обе — зеркальное отражение Линн и столь же неопределенного возраста. Киммериец понял, что мужчина этот и есть, очевидно, Бриккриу, старейшина вымирающего Туонелла, а две безмолвные особы — порождения его и Линн.

Назвать их человеческим словом «дочери» язык бы не повернулся, почему-то казалось, они вышли из взрастившей их утробы уже такими, каковы были сейчас, и с тех пор не менялись, не росли, как все нормальные дети.

Линн, склонившись в низком поклоне перед мужем, затем представила Бриккриу чужака, на что варвар угрюмо кивнул, а старейшина оглядел его с ног до головы, и лишь после этого сделал ответный жест, пригласив разделить с ними трапезу.

Наверное, человеку с более слабыми нервами кусок не полез бы в горло в подобной компании, однако киммериец не отказывался от пищи, будь она предложена хоть хвостатым порождением Нергала либо демоном, при условии, что тот продемонстрировал бы на собственном примере, что она не отравлена.

Однако сейчас даже он, вгрызаясь крепкими зубами в великолепно прожаренное мясо дикого кабана, почти не ощущал его вкуса, словно при-

сутствие семейства Бриккриу лишало все, окружающее этих четверых, естественных природных качеств — запаха, цвета, насыщенности звуков и прелести вкуса в том числе.

Между собой они почти не общались и не задавали никаких вопросов Конану, соответственно делая совершенно неуместным и выступать с ответными вопросами.

И ведь вроде бы впечатление все четверо производили скорее людей, чем нежити с демонической сущностью, а все ж таки было в них что-то непреодолимо жуткое и отталкивающее — в их точных, осторожных и тихих движениях, в том, как сталкиваясь взглядом друг с другом, они отводили глаза, словно объединенные некоей постыдной и мерзкой тайной.

Между тем наступила ночь, и Бриккриу, словно с трудом разомкнув губы, сделал киммерийцу предложение провести ее под их кровом, словно это не подразумевалось само собой. Конан вновь кивнул в ответ, бросив на стол несколько монет как плату за еду и ночлег.

Излишняя разговорчивость отнюдь не была присуща киммерийцу, а эти люди вообще словно воды в рот набрали. Причем обильные возлияния — ни Бриккриу, ни его женщины вовсе не гнушались имевшимся в изобилии пивом, очевидно, среди всеобщего запустения семейство жило в достатке, — кажется, не производили на них обычного воздействия, все четверо пили, не пьянея, и каждый из них становился еще более замкнутым и молчаливым.

Барвар чувствовал, что его веки наливаются свинцом. Многодневный тяжелый переход, сытая трапеза и изрядное количество поглощенного пива... кроме того, все еще давала о себе знать рана, нанесенная ему Гориллой Гринем в Желтой Башне... Однако проведя ночь в этом доме, можно ведь, пожалуй, и не проснуться, вдруг мелькнуло у него в голове.

Демоны ведают, на что способны столь странные люди! Из коротких обрывков полужагов, которыми хозяева обменивались между собой, он узнал, что двух сопровождавших Бриккриу женщин зовут Дана и Ериу.

Их потрясающее сходство все-таки не исключало некоторых различий, пожалуй, Дана была младше своей сестры. От Линн именно она унаследовала хоть какую-то окраску, ее волосы, ресницы и брови были скорее рыжеватыми, чем уж вовсе бесцветными, как у отца, и глаза не прозрачными, а светло-зелеными, и в них время от времени вспыхивала беглая искра интереса к киммерийцу. Словно Дана хотела что-то сказать ему, но в присутствии остальных не смела этого сделать. Но все же не она, а Линн совершила над собой столь огромное усилие, чтобы проговорить, словно прочтя мысли киммерийца:

— Ты будешь в безопасности. Не жди с нашей стороны нападения. Утром ты сможешь продолжить свой путь, чужеземец, ибо в Туонелле никого не удерживают силой и не убивают спящих. Просто мы не любим посторонних глаз и ушей, предпочитая жить сами по себе.

— Верно, вам есть что скрывать,— заметил Конан.— Но я в ваши дела не лезу, своих хватаю, живите как хотите. На рассвете я покину ваш кров.

У него все же хватило здравого смысла не оставаться в доме, а предпочесть общество лошадей. Жизнь никогда не была особенно благоклонна к варвару, и излишней доверчивостью он не отличался, а уж в столь странных ситуациях и подавно.

Однако он напрасно ждал неких непредсказуемых действий по отношению к себе со стороны семейства Бриккриу. Кажется, он их на самом деле нисколько не интересовал, и вскоре киммериец погрузился в чуткий сон, каким спят хищники, в любую секунду готовые отразить внезапное нападение.

* * *

Сновидения редко посещали Конана, но на сей раз в порядке исключения ему представлялось, будто он окружен полуволками-полулюдьми, которые однако не бросаются на него, а сидят, задрав морды к беззвездному мрачному небу, и не то воют, не то совершенно по-человечески кричат, объятые безумной тоской и неведомой запредельной болью.

Во сне сердце варвара сжалось в тугую комок, и он пробудился, словно от толчка, отирая со лба ледяную испарину, выступившую от этих звуков. Самым странным однако было то, что кошмар и не подумал исчезнуть.

Крик-вой все длился и длился, изредка прерываясь и возобновляясь с новой силой. Он шел словно откуда-то из-под земли и был сильно приглушен, но от этого не делался менее жутким и невыносимым. Жеребец и кобыла в своих стойлах прядали ушами и встревоженно фыркали, тоже обеспокоенные происходящим.

Киммериец выбрался из своего укрытия, вполголоса извещая богов обо всем, что он думает по этому поводу, а мнение это было весьма нелестным, и покинул его с явным намерением разобраться, что творится в Туонелле.

Оказавшись во дворе, он однако был остановлен метнувшейся к нему тенью, словно возникшей из сгустка мрака. Конан выхватил клинок, готовый вонзиться в это нечто, чем бы оно ни было, но тут понял, что это всего лишь Дана, одна из дочерей Бриккриу и Линн.

— Остановись, киммериец, не ходи туда,— лихорадочно прошептала она, сопровождая свои слова умоляющим жестом, прижимая к груди тонкие руки,— иначе ты в лучшем случае найдешь свою смерть, а в худшем разделишь участь несчастного Алеу!

Со смертью варвара доводилось перемигиваться не раз, и хотя он вовсе не стремился как можно скорее попасть на Серые Равнины, но и отступать, там паче из-за угроз какой-то белесой, как белая крыса, бабы, показалось ему делом весьма позорным.

Тем более, что вой и не думал смолкнуть, проникая словно в самую кровь и разрывая душу.

Конан слегка оттолкнул Дану, от чего та отлетела в сторону, и устремился вперед, однако женщина, не тратя времени на то, чтобы подняться, на четвереньках, но с проворством животного настигла его и все с тем же лихорадочным шепотом: «Нет! О нет, киммериец!» — всей тяжестью повисла на его ногах, решившись, кажется, скорее умереть от удара, нежели допустить, чтобы он двигался дальше.

— Ты не должен вмешиваться, Конан! Судьба Алеу никого не касается, кроме нашей семьи!..

— Пошла прочь, — рявкнул варвар, отрывая ее от себя словно летучую мышь и встряхивая так, что слышно было, как лязгнули зубы, — и никогда не становись на пути мужчины, рыба крови!

Тогда Дана метнулась в сторону, освобождая заходящегося свирепым лаем огромного лохматого цепного пса неведомой породы, и тот, почуввав возможность проявить себя, бросился на чужака, когда киммерийцу оставалось уже совсем немного до входа в проклятую дверь, в которую его по несчастной случайности занесло прошлым вечером.

Гигантские клыки уже готовы были вонзиться в горло варвара, но тот поймал собаку еще в прыжке и с хрустом свернул ей шею. Отбросив бездыханное, все еще слабо подергивающееся в последних конвульсиях тело животного, он ворвался в дом и устремился к подполу, откуда, собственно, и доносился разбудивший его вой. Выворачивающий внутренности смрад ударил в

ноздри, но Конан, лишь на миг отшатнувшись, с клинком в руке скатился вниз по каменным ступеням.

Зрелище, представшее его взору в свете воткнутого в землю факела, было отталкивающим.

Прежде всего киммериец увидел Бриккриу, Линн и их вторую дочь — Дана осталась снаружи; их лица, обращенные к нему в немом изумлении, были, как и одежда, забрызганы кровью, причем свежей, еще не успевшей свернуться, и напоминали маски вампиров. Особенно у Ериу, у которой были перемазаны кровью губы и нижняя часть лица.

Бриккриу стоял, сжимая в руке длинный, змеящийся по полу бич, и по его лицу струился пот. В руках у его жены и дочери были широкие короткие клинки; возле же стены варвар увидел четвертого участника жуткого действия — некое существо, мало чем напоминавшее человека. И все же это был человек, совершенно обнаженный и прикованный за руки к покрытым зеленоватой плесенью сырým камням стены — он почти висел на перехваченных металлических обручами запястьях, потому что, хотя его ноги касались земли, они уже не удерживали веса истерзанного тела, на котором не оставалось, кажется, живого места. Оно было покрыто гноящимися язвами и свежими, только что полученными шрамами от бича, клинков и, очевидно, зубов... Неимоверно жестокое истязание, которому он подвергался, как было ясно, не впервые, однако не лишило несчастного рассудка. Он с ог-

ным усилием поднял безвольно свесившуюся на грудь голову и взглянул заплавленными, гноющимися глазами на ворвавшегося в подземелье Конана; разбитые губы шевельнулись в последней мольбе о помощи, но исход дела решили не слова, а именно взгляд.

Киммериец, сам сполна испивший в ранней юности чашу унижений и познавший участь раба, не мог остаться безучастным свидетелем подобного издевательства, будь оно жертвоприношением, древним диким обрядом или чем угодно еще.

С яростным воплем он бросился на Бриккриу, не обращая пока внимания на женщин, хотя те и пытались ему помешать — клинок Линн взвился в воздухе, но варвар перехватил ее руку и легко, точно сухую ветку, переломил тонкое запястье, после чего женщина не пыталась более оказывать сопротивление. Ее дочь с истерическими криками отползла в сторону и сидела, скорчившись и закрывая голову руками, у противоположной стены.

Бриккриу однако оказался достойным соперником. Его жилистое тело было достаточно ловким и сильным, человек этот являлся воином и охотником, выносливым, крепким и неутомимым, и справиться с ним Конану удалось не сразу. Прежде всего старейшина Туонелла пустил в ход бич, намереваясь воспользоваться этим грозным в опытной руке оружием, чтобы ослепить противника, выхлестнув ему глаза, но варвар сумел увернуться и занять более удобную пози-

цию. Поймав конец бича и намотав его на руку, он резко дернул противника на себя и тут же, не дожидаясь, пока тот восстановит равновесие, обрушил мощный удар кулака на его голову.

Такого удара хватило бы, пожалуй, чтобы уложить быка, и Бриккриу молча рухнул к его ногам. Однако в этот момент хриплый стон прикованного к стене человека: «Сзади, берегись!» заставил киммерийца пригнуться и отскочить в сторону — и вовремя: иначе остро отточенный кол, нацеленный в его спину рукой Даны, мог решить исход поединка отнюдь не в пользу варвара: стоило ему упасть, и три белесые фурии наверняка постарались бы растерзать его, пустив в ход клинки.

Они и так, увидев поверженным главу семейства, дружно взвыли и, вместо того, чтобы, как положено женщинам, впасть в панику, принялись тремя взбесившимися суками бросаться на своего врага, даже Линн, которая владела теперь только одной рукой.

Разумеется, долго вести ближний бой в ограниченном пространстве каменного мешка с гигантом-киммерийцем им было явно не под силу, и вскоре он выволок двух из них по тем же ступеням за волосы наверх, в дом, и швырнул бесчувственные тела на пол; следом за ними отправилась и третья.

Но они еще дышали, и Конан пока не стал их убивать, лишь связал всю троицу так, чтобы они не могли сдвинуться с места. После чего вернулся в подземелье и освободил их пленника, мечом

перерубив цепи, приковывающие несчастного к стене. Ноги варвара скользили в крови и нечистотах — видимо, человек, которого он спасал, в течение длительного времени находился в прикованном положении, вынужденный тут же испражняться и не имея возможности ни лечь, ни сесть.

Тяжелое тело его мешком повисло на руках киммерийца, но тот, по счастью, не отличался особой брезгливостью и вынес его следом за тремя фуриями, оставив без внимания лишь труп Бриккриу.

— Ты — Алеу? — спросил варвар, вспомнив слова Даны и обращаясь к несчастному.

— Да, — выдавил тот, теряя сознание.

За мутным окном уже занимался серый расцвет.

Взглянув на связанных женщин, Конан встретился с глазами Линн — в них пылала такая ненависть, что если бы взглядом можно было убивать, киммериец был бы уже мертв по меньшей мере трижды.

— Твари, отрыжка Нергала, что все это значит?! — рявкнул варвар, вновь хватая Линн за волосы и поворачивая лицом к распростертому на полу телу Алеу. — Что должен был совершить этот человек, чтобы подвергаться подобным пыткам? Кто он и что вам сделал?!

Женщина молчала. Более того, она попыталась извернуться и вместо ответа плюнуть варвару в лицо, но у нее ничего не вышло — тот с силой отшвырнул ее от себя; оглушенная, она на

какое-то время вновь затихла. Взгляд Конана остановился на Дане, которая, не дожидаясь вопроса, обреченно выдохнула:

— Алеу — наш брат.

Подобное заявление могло сбить с толку кого угодно. Нет, киммерийцу и прежде доводилось сталкиваться с примерами неимоверной жестокости, он знал и племена дикарей-каннибалов, да и от его собственной руки полегло множество разных существ, людей, чудовищ и демонов.

Однако всякий род жив тем, что все-таки не стремится уничтожать собственных кровных родственников, тут же творилось, выходит, нечто вовсе уж переходящее границы разумения и не имеющее никаких оправданий.

— Говори! — приказал он, пнув Дану ногой.

* * *

...Восемнадцать зим минуло с тех пор, когда ворвавшиеся в Туонелл люди лесов из племени Всевидающих похитили и увели с собою в топи молодую жену Бриккриу и двух его малолетних дочерей. Такова была их месть за то, что охотник, забавляясь, пустил стрелу во встреченную им на окраине леса женщину, которую, как он оправдывался, принял за оборотня-волчицу. Одной стрелой Бриккриу прикончил двоих, ибо та носила во чреве нерожденного сына, дитя Всевидающих, племени, живущего скрытно и по своим законам, но никогда не приносящего вреда людям равнин, если те сами не нарушали их покой. То было племя древних магов, способных, по

слухам, предсказывать будущее и определять по виду человека, долго ли тому еще топтать землю пред очами Митры. Еще Всевидящие владел тайной общения с душами тех, кто уже отпавился бродить по Серым Равнинам.

Молодой охотник Бриkkриу был невероятно честолюбив и одержим мечтой овладеть их знанием. Много раз, рискуя жизнью, он в одиночку отправлялся в самую глушь лесов в поисках Всевидящих, дабы те приняли его и обучили своим магическим законам.

Но они отвергли его. Древний старец, глава их рода, сказал, что подобное оружие нельзя давать в руки человеку, желающему обратить его во зло и укрепить свою власть над соплеменниками с помощью чар колдовства. В ярости, вне себя от гнева и унижения возвратился Бриkkриу в Туонелл, и вскоре после этого отомстил Всевидящим, убив их женщину.

А нужно сказать, что продолжательницами рода они дорожили особо, потому что таковые появлялись у них отчего-то весьма редко — на десять мужчин приходилась едва ли одна женщина. Бриkkриу прекрасно знал об этом. Знал он и ту, которую отправил бродить по Серым Равнинам; он заведомо лгал, рассказывая, будто принял ее за оборотня.

Ведь охотник прожил бок о бок со Всевидящими три луны, успел изучить их обычаи и нравы, а эта несчастная, презрев почитание, коим окружали ее соплеменники, на беду именно ему отдала свое сердце. Когда же охотник покинул их,

красавица Кимбаета, умирая от тоски по нему, решилась выйти из лесов, чтобы еще раз увидеть своего возлюбленного.

Он встретился с нею и спросил, согласна ли она передать ему то знание, в котором ему отказал глава рода Всевидящих. Кимбаета готова была отдать Бриkkриу даже собственную жизнь и выцедить ради него всю кровь капля за каплей, но предать свято хранимые тайны отказалась.

— Что ж, — крикнул ей альбинос, — тогда убирайся прочь, нежить, ступай назад в свое проклятое болото!

Плача, Кимбаета повернулась к нему спиной, и Бриkkриу, не зная, как еще утолить kloкочущую в его сердце ненависть, сорвал с плеча лук и пустил вслед ей стрелу.

Дитя, которое несчастная носила под сердцем, было не от Бриkkриу.

Женщины Всевидящих не имели мужей, дабы не было споров меж членами рода о праве обладания детьми. Они принадлежали всем сразу и никому в отдельности.

Каждую луну шестеро избранных совершали священный обряд совокупления с теми из них, кто не был на тот момент вместилищем будущей жизни, и неизвестно было, кто из шестерых является отцом ребенка, если таковой родится. Так гласил их закон. Женщины и дети принадлежали всему племени; шестеро избранных всякий раз менялись, и в их число мог войти каждый, достигший тринадцати зим.

Убив Кимбаету, Бриккриу погубил дитя рода Всевидящих, и те отомстили ему.

Причем, в их собственных глазах совершенное вовсе не было мстью, до которой они себя никогда не унижали. Похитив его женщину, Линн, они совокупились с нею, поставив справедливое условие: если в результате появится дочь, она отдаст ребенка их племени, искупив тем самым вину своего мужа и возвратив то, что он у них отнял.

Если же сын — то она будет вправе как оставить его себе, так и вернуть Всевидящим. Подобное действие они хотели проделать с Даной и Ериу, но сочли все же, что те слишком малы для священного обряда — одной из девочек было всего лишь семь, другой девять зим, и их не тронули.

Однако обе присутствовали во время обряда, в котором участвовала их мать, — совокупление для Всевидящих было делом прекрасным, как все естественное, и все члены племени обыкновенно наблюдали за совершаемым. Но Линн кричала и билась, будто ее резали на части, точно в душу ее вселились все демоны разом, и, кажется, вовсе не воспринимала обряд как великую честь и дар, а ее малолетние дочери плакали, трясясь от страха и закрывая руками лица, чтобы не видеть позора своей матери.

...Но только сама Линн могла бы поведать о том, что произошло с нею на самом деле. Да, в тот момент, когда чужие сильные руки схватили ее и куда-то поволокли, она смертельно ис-

пугалась. Но тихий, хотя и властный голос сказал ей: «Не бойся. Мы не сделаем ничего плохого ни тебе, ни твоим дочерям».

Эти слова были последними, которые она услышала перед тем, как потерять сознание, — и первыми, вновь повторившимися, когда пришла в себя. Перед нею стоял очень красивый мужчина, почти ничем не отличающийся от обычных людей, вот только все тело его, за исключением лица, было, точно мехом, покрыто короткими волосами.

Чем дольше он смотрел на нее, тем больше Линн успокаивалась. Покой и умиротворение наполняли душу ее, и еще непонятная, совершенно неуместная радость. Не испытывала она ничего, похожего на ужас, и тогда, когда ее привели на серебристую в лунном свете поляну, хотя уже знала, что с нею должно произойти.

Шестеро мужчин, двое из которых показались ей совсем юными, почти мальчиками, приблизились к ней.

Они были очень похожи друг на друга, и хотя их тела были, как и ее собственное, полностью обнажены, но из-за в точности такого же, как и у первого мужчины, подобного шерсти покрова казались целомудренно прикрытыми — хотя он ничуть не скрывал недюжинную мощь этих мускулистых тел.

Один из шестерых подошел к Линн и обнял с такою бережной нежностью, словно она могла рассыпаться от более резкого и грубого прикосновения; и женщина вдруг заплакала от внезап-

но переполнившего сердце счастья. Но когда он вошел в нее, и Линн, начисто позабыв о существовании не только Бриккриу, но и всего остального на свете, со всею страстью ему отдавалась, испытывая ни с чем не сравнимое, небывалое наслаждение, он вдруг прошептал: «Руки! Дай мне руки! Скорее!»

Линн так и сделала... и отрезвление было немедленным и жестоким.

Он прижал к ее ладоням свои — и тут через пальцы в нее потек жидкий огонь. Линн, закричав от страшной боли, затрясла руками — и вновь потеряла сознание.

Мужчина с изумлением и в полнейшем недоумении отпрянул от нее — но сам уже не мог остановиться.

Остальные пятеро в тревоге смотрели на женщину, бьющуюся в конвульсиях на серебристой траве, точно выброшенная на берег рыба. Когда Линн затихла, а первый из шестерых оставил ее, все они повернулись к присутствующему здесь главе рода Всевидящих, который стоял, склонив голову в глубокой печали, ожидая от него объяснений столь непонятному поведению человеческой женщины.

— Дети мои,— проговорил тот,— вот объяснение, почему наши мужчины никогда не бывают с человеческими женщинами. Наш огонь, которым мы обмениваемся, когда любим, заставляет их испытывать страдание... и может даже убить. Завершите начатое, но не прикасайтесь больше к ее рукам. Помните, как она слаба.

...Когда Линн поднялась и посмотрела на свои руки, на кончике каждого пальца было по три углубления с оплавленными краями.

Исчезли они спустя трое суток, не оставив никакого следа.

Вернувшись затем к Бриккриу, Линн обо всем рассказала мужу и сама вложила нож в его руку, умоляя лишить ее жизни. Но охотник рассудил иначе, запретив жене рассказывать кому-либо о том, что с нею произошло.

Бриккриу, во-первых, решил, что в лице ребенка, который родится у Линн от Всевидящих, получит великолепный объект для своей неутоленной мести; или же, как знать, вдруг это дитя будет от рождения наделено крупицами их тайного знания — тогда он, Бриккриу, постарается получить от него то, что они не дали ему добровольно, ту власть, которой от так жаждал.

Поэтому он не изгнал Линн из своего дома, и ни тогда, ни позже, когда был избран старейшиной Туонелла, ни разу не пожалел об этом.

Линн была ему под стать, столь же умна, сильна и властна, к тому же в благодарность за доверие верна ему, как собака. Что касается Всевидящих, то она ненавидела их за свое унижение всем сердцем. И в то же время... в глубине души мечтала хоть раз еще испытать то самое всепоглощающее счастье, которое они, несмотря на перенесенную боль, сумели ей подарить.

Она в самом деле родила от них дитя.

Это был сын; случись иначе, Всевидящие постарались бы заставить ее исполнить обет и от-

дать девочку им. Относительно мальчика право решения оставалось за нею. Дитя родилось покрытым мягкой шерстью, словно маленькое животное, и очень крупным.

Через несколько лун шерсть эта совершенно исчезла, и ребенок стал выглядеть, как все нормальные дети.

Несмотря ни на что, поначалу Линн любила его, только старалась не выказывать своих чувств перед Бриккриу, холодно и злобно поглядывавшим на «звереныша». Но однажды ночью женщины было видение.

Ей явился некто, огромный настолько, что голова его касалась неба, закрывая солнце, и с лицом, словно высеченным из черного камня, и его жуткий голос едва не оглушил Линн. «Прокляты ты будешь за то, что позволяешь себе любить отродье лесных чудовищ. Не пристало человеческой женщине вступать в связь со зверями», — сказал он, словно вынося приговор, и неумолимый холодный взгляд проник в самое сердце несчастной...

И в тот же миг робкая любовь ее к сыну сменилась ненавистью, и сама Линн не была уже больше человеком, а постепенно превращалась в подлинного демона в обличье женщины.

Дитя же, названное обычным именем Алеу, стало расти в семье Бриккриу, который внимательно наблюдал за ним и ждал, когда же в проклятом мальчишке начнут проявляться необычные задатки. Но время шло, а ничего особенного не происходило. Ребенок этот был, единствен-

но, очень красив, с темными волосами, зелеными, иногда словно теплым янтарем отливающими глазами и нормального, в отличие от альбиноса Бриккриу, цвета кожей.

Он быстро рос, был смышлен, ловок, необыкновенно подвижен и ладно скроен. Нередко Алеу безошибочно предсказывал погоду и умел лечить болезни, одним лишь прикосновением изгоняя боль и заживляя не очень серьезные раны. Он великолепно ориентировался в незнакомых местах, особенно в лесу...

Всякий отец мог бы гордиться таким сыном и всякая мать — но не Линн, видевшая в юном Алеу вечное напоминание о своем позоре, и не Бриккриу. Поэтому все они, включая присутствовавших при зачатии Алеу единоутробных сестер его, ненавидели мальчика и держали его в своем доме на правах разве что скотины.

С раннего детства он привык уворачиваться от пинков и зуботычин, на которые были весьма щедры его родные, и никогда не слышал обращенного к себе доброго слова.

Но, верно, от своих лесных отцов он унаследовал немстительность и доброту, отчего даже лица суровых жителей Туонелла светлели при виде лучезарной белозубой улыбки Алеу, умудрившегося, живя в доме Бриккриу, не превратиться в дикого недоверчивого волчонка.

Видимо, это и был его дар, да только Бриккриу ждал совсем иного. Все живое тянулось к прекрасному отроку, ибо мужественная красота его с возрастом становилась все более яркой, он

был не очень высок ростом, но широк в плечах, и весь состоял из гибких мускулов и сухожилий.

Даже злобные туонелльские псы замолкали и виляли хвостом, приветствуя мальчика, а когда достиг он тринадцати зим, на него стали заглядываться девушки. Лишь Бриккриу и Линн по-прежнему ненавидели его, а пуще их — Ериу.

Ибо мальчик был чрезвычайно похож на одного из Всевидящих, который насиловал ее мать. Девятилетняя Ериу запомнила тогда стройного обнаженного красавца, что среди прочих вгонял свой детородный орган в лоно Линн, и сквозь ужас и отвращение ощутила вдруг острое желание оказаться на ее месте.

Теперь, глядя на Алеу, она чувствовала то же самое. Но, истинное дитя своего семейства, сызмальства привыкла презирать брата. Когда пришел ее срок уйти в чужую семью, Ериу взял в жены жителя одного из ближних селений; но в тот же год он погиб, утонув в реке, хотя был прекрасным пловцом. Вслед за ним ушел на Серые Равнины его младший брат, который после старшего женился по обычаю на его вдове. Прошел слух, что Ериу приносит несчастье, и женщина вернулась в дом своих родителей без всякой надежды когда-либо покинуть его.

А вместе с сестрой отверженной стала и Дана. Люди, обжегшись на молоке, имеют привычку дуть на воду. Впрочем, что дочерей не удалось сбить с рук, не особенно огорчало Бриккриу: обе они, за отсутствием у него (Алеу в счет, разумеется, не шел) сыновей, помогали отцу, охотясь

вместе с ним и помогая управлять Туонеллом и ближайшими селениями. Их боялись — и им же повиновались, ибо зачастую миром правит страх, а не любовь.

Итак, Ериу старела рядом со своими родителями и все более делалась похожей на них. Присутствие Алеу нарушало ее покой. Ериу сама не знала, чего она желает более страстно — покончить с мальчишкой, лишив его жизни, или же соблазнить.

А может быть, просто хоть раз встретить на себе самой чей-нибудь взгляд, столь же восхищенный, каким люди почти всегда смотрели на ее проклятого брата, но никогда — на нее.

Подобно ей желала сыну смерти Линн, материнские чувства которой отнюдь не распространялись на Алеу. Она не могла отомстить тем, кто его породил, — значит, мальчик сам должен был стать жертвой за ее бесчестие и унижение, причем жертвой мыслящей, сознающей, что с ним происходит и что такое смерть. Женщина могла бы задушить его еще в колыбели, но ей хотелось, чтобы ребенок привык жить и мог ужаснуться при приближении смерти. Иные планы относительно приемного сына были у Бриккриу. Этот продолжал терпеливо ждать и наблюдать за отроком.

Терпение его было вознаграждено. Однажды, когда люди Туонелла собирались на большую охоту, мальчик вдруг впал в транс, глаза его словно остекленели и повернулись внутрь, а потом, указывая на нескольких мужчин, он прого-

ворил: «Они не вернутся назад; отец — ибо именно так Алеу называл Бриkkриу,— запрети им идти с тобою, потому что всех их ждет гибель». Старейшина в тот раз намеренно не последовал его совету: он должен был проверить свою догадку о том, что в мальчике проснулся дар Всевидающих.

Все трое туонелльцев, на которых указал юный Алеу, были растерзаны диким кабаном. И Бриkkриу возликовал. Да, он ждал не напрасно!

Запретив Алеу кому-либо, кроме него самого, сообщать о своих пророчествах, приемный отец однако требовал от него новых и новых. Изменять будущее мальчик не умел, но видеть — вполне.

Чаще всего он видел печать скорой смерти на лице того, кому суждено было отправиться на Серые Равнины, и заранее сообщал об этом, что давало возможность Бриkkриу отправлять в битву или на иное опасное дело лишь тех, кто заведомо должен был вернуться живым. Слава о его мудрости и несокрушимости жителей Туонелла прогремела далеко за его пределами, и селение, прежде небольшое и ничем не примечательное, сделалось грозою соседей.

Чистый сердцем Алеу не понимал, что именно он, а не его «отец» — истинный повелитель, что власть может быть сосредоточена в его руках, да он никогда и не стремился властвовать. Мальчик просто говорил о том, что видел. Но все чаще он стал задумываться о чем-то и уходить из дома. Теперь Бриkkриу берег его как зеницу

ока — а мальчик обращал свой сияющий взор в сторону дальних лесов, словно зов его истинных родителей заставлял сжиматься его сердце.

По прошествии же своей четырнадцатой зимы он стал к тому же очень заметно интересоваться женщинами, которые весьма охотно уступали привлекательному юноше, к великому неудовольствию своих отцов, братьев, а случалось, и мужей. Подобная ситуация стала причиной множества неистовых драк, из которых Алеу неизменно выходил победителем. Убить сына старейшины никто не решался, опасаясь его гнева, и люди Туонелла лишь униженно просили Бриkkриу хоть как-то унять своего буйного отпрыска. Который, увы, совершенно не понимал, что плохого случится, если два человека по взаимному согласию дарят друг другу радость, точно так же, как этого не понимали Всевидающие.

Он делал то, что велели ему природа и собственное сердце, и знать не желал над собой иного закона. На любовные забавы Алеу Бриkkриу смотрел сквозь пальцы, его волновало одно: чтобы парень продолжал пророчествовать, но тот внезапно замолчал, словно утратив свой дар.

На вопрос, почему так произошло, юноша ответил: «Нельзя обращать во зло то, что дают боги».

Точно так говорил когда-то молодому охотнику глава рода Всевидающих — и этому никто не учил Алеу, он повторил эти слова, повинувшись внутреннему закону, и заставить юношу от них отказаться было невозможно ни хитростью, ни

лестью, ни посулами, ни угрозами. Алеу готов был скорее умереть, нежели еще раз открыть рот и помочь приемному отцу.

«Так я заставляю тебя повиноваться мне, проклятый ублюдок!» — посулил альбинос, и три женщины горячо поддержали его решение силой вырвать у отпрыска Всевидающих помогающие им без забот существовать пророчества.

Несмотря на его редкостную для столь юного возраста силу, они справились с Алеу — и вот уже две зимы держали в подземелье, доведя почти до безумия невыносимой для него тьмой, голодом, цепями и постоянными издевательствами и физическими пытками. Однако все было тщетно — юноша продолжал молчать.

Он был живым человеком и страдал безмерно, но внутренний закон неведомых ему предков оказался сильнее боли, голода, страха и темноты. Может быть, им действительно постепенно овладевало безумие, но еще безумнее день ото дня становились четверо его мучителей, почти утратившие от ненависти даже самый человеческий облик.

Исчезновение сына Бриккриу объяснил соплеменникам тем, что парень не вернулся с охоты, верно, попав в руки все тех же Всевидающих (относительно которых старейшина усиленно распространял порочащие людей лесов ничему не соответствующие слухи), и все, не особо задумываясь, приняли это объяснение.

Но словно проклятие пало с тех пор на селение, и люди вскоре стали один за другим поки-

дать Туонелл, гонимые неведомой тоской и беспричинным страхом.

За несколько лун селение почти опустело, это место сделалось словно зачумленным, и даже случайные путники старались, точно чуя недоброе, обходить его стороной...

А Алеу и его мучители все длили неравный поединок, который неминуемо должен был закончиться смертью юноши от голода и пыток — удивительно, как вообще он до сих пор оставался в живых. Однако по мере того, как жизнь покидала истерзанное тело Алеу, уходила она и из тел Бриккриу, Линн и их дочерей. Смутно чувствуя это, они продолжали бесчинствовать и со все большей яростью глумиться над своей невинной жертвой.

Почему Дана вдруг решила облегчить душу, поведав чужаку обо всех ужасных вещах, творящихся в подземелье их дома? Скорее всего, из всей семьи бесчеловечных монстров она одна в глубине сердца сохранила что-то человеческое, устала от непрерывного кошмара и теперь, наконец, пожелала хотя бы таким способом освободиться от него.

Смерть Бриккриу словно отворила какие-то заслоны и дала Дана возможность говорить, облегчая тем самым свою душу.

* * *

— Мы две зимы терзали невинного, — закончила она, устало прикрывая глаза, — и каждая из нас теперь заслуживает любой кары, какую толь-

ко можно измыслить для подобных существ... ибо мы давно уже — не люди.

— С этим-то не поспоришь,— буркнул Конан, с отвращением и гневом оглядывая женщин.

Он однако не знал, как поступить с ними.

Марать благородное оружие кровью связанных противников, не способных более противостоять ему,— либо просто уйти, и пусть они тогда сдохнут сами. Варвар решил передать право вынести приговор парню, столь долго страдавшему от их рук.

— А ты что скажешь? — обратился он к нему.— Прикончить тварей на месте или поступить по-другому?

Юноша пошевелился и попробовал приподняться.

— Оставь их. Не надо делать зло еще большим и помогать ему вырасти. Но меня здесь не бросай. Я смогу быть тебе нужным.

В последнем утверждении можно было усомниться. Алеу выглядел так, словно вот-вот испустит последний вздох, о том, что он сможет вынести длительное путешествие, не было и речи. Да, такой спутник отнюдь не мечта — не на себе же его тащить?

— Я смогу идти, сын кузнеца,— словно прочитав его мысли, произнес Алеу.— Поверь, я не стану обузой в твоём пути, если ты еще немного поможешь мне. У тебя есть нечто, способное возвратить мне силы.

— Что же именно? — не понял киммериец; с удивлением он ощутил, что ему все же хотелось

бы видеть Алеу своим спутником, но не оставаться же в этом проклятом богами селении неизвестно сколько времени, ожидая, пока парень достаточно окрепнет для похода в Ландхааген...

— Я не знаю, как это называется,— продолжал юноша,— но оно... оно живое... и обладает магическим свойством...

Внезапно Конан понял, о чем идет речь: святая антархов, вечно зеленая ветвь маттенсаи! Что ж, почему бы не попробовать?

Она, конечно, никак не действует на обычных людей, то Алеу, все-таки, не так уж и обычен, он сам в некотором роде — чудо. Если присутствие ветви маттенсаи способно возвратить жизнь целой стране, имеет смысл испытать ее силу.

В конце концов, вреда это никак не причинит. Варвар ненадолго оставил Алеу и, возвратившись с ветвью, показал ее юноше.

— Не это ли средство, ты считаешь полезным для себя?

Он вложил ветвь маттенсаи в руки парня, и тот благоговейно и бережно прижал ее к груди, покрытой уже подсохшими и все еще гноящимися шрамами, а затем с глубоким вздохом закрыл глаза и неподвижно вытянулся, точно мертвый.

Киммериец обеспокоился даже, не остановилось ли в самом деле сердце Алеу; но нет, веки юноши слегка подрагивали, а чуть приоткрытые губы шевелились, словно взывая к богам. Юноша не ошибся: силы в самом деле стремительно возвращались к нему, глубокие язвы и раны затягивались на глазах, и благородные черты по-

истине прекрасного лица проступали все яснее, освобожденные от жутких сине-багровых отеков и ссадин. Варвар, точно замороженный, следил за происходящим с телом и обликом Алеу превращением, отвлекшись лишь для того, чтобы избавиться от присутствия трех белесых фурий — он попросту спихнул их назад в подземелье, рассудив, что потом они выберутся оттуда сами, если сумеют, конечно, а сейчас там им самое место.

Конан не мог понять, сколько прошло времени, и лишь когда юноша вновь очнулся, обратил внимание, что Митра завершил свой дневной круг, и наступил вечер.

— Кром,— выдохнул киммериец, не сводя глаз с совершенного преображенного Алеу,— никогда бы не подумал, что такое возможно!

Юноша легко поднялся на ноги и возвратил варвару ветвь маттенсаи.

Если сам Конан достиг уже двадцатой зимы, то Алеу был не намного моложе — ему было почти восемнадцать. В росте он заметно уступал своему спасителю, едва доставая головой до его плеча, но сложен был изумительно: под золотистой кожей отчетливо проступали бугры мышц, выдававших недюжинную силу.

Черты лица юноши также не были столь чеканно-суровы и неподвижны, как у киммерийца, но казались не менее завершенными, а взгляд чуть прищуренных зеленых, с крошечными коричневыми крапинками возле самого края радужной оболочки, глаз был умным и цепким, несмотря на таящуюся в них печаль. Длинные

густые темно-золотистые ресницы обрамляли эти глаза, и уж точно, под таким взглядом вряд ли смогла устоять хоть одна женщина, ежели только в ее жилах не текла рыбаья кровь. Алеу с хрустом расправил плечи и потянулся, точно после долгого сна, а затем открытая улыбка озарила лицо юноши, и он проговорил:

— Эти странные люди почти все время морили меня голодом, и, скажу честно, я бы сейчас не отказался от хорошей закуски! Не сомневаюсь, что в их доме найдется что-нибудь подходящее.

Конан тоже ощущал сосущий голод, но при воспоминании о вчерашней, начисто лишенной вкуса, невзирая на ее обилие, трапезе его переделуло. Однако Алеу уже впился зубами в холодный кусок мяса, обнаруженный возле остывшего очага, и варвар решил последовать его примеру.

Кром, сегодня все выглядело совершенно иначе! Присутствие этого парня делало пищу истинно прекрасной — словно сама жизнь возвращалась вместе с ним в это проклятое жилище...

— Теперь ты не прогонишь меня, сын кузнеца? — насытившись, с надеждой спросил Алеу. — Я умею быть благодарным и никогда не плачу злом за добро. Я меткий стрелок и неплохой бегун, да и в драках мне мало равных. Правда, я неважно владею оружием, кроме, разве что, ножа, но меня выручают собственные руки и ноги.

— Поглядим, когда дойдет до дела,— проворчал киммериец, отлично знавший, что зачастую от слов до действительности далеко как отсюда

до Стигии, тем паче у любителей похвалиться собой. Правда, Алеу, кажется, и в голову не приходило, что он чем-то хвастается, парень просто сообщал о себе само собой разумеющиеся сведения, и только.— Иди, найди что-нибудь, что можно на себя натянуть, не собираешься же ты пускаться в путь в таком виде?

— Конечно, нет,— согласился Алеу с некоторым смущением, словно только что заметил на себе полное отсутствие одежды.— Наверное, Бриkkриу не стал бы возражать против того, что я воспользуюсь кое-чем из его имущества?

Пока юноша подыскивал себе более-менее подходящие вещи, варвар сидел в задумчивости, подперев голову рукой и исподлобья наблюдая за его действиями.

— Почему ты спрашиваешься ко мне в спутники? — наконец, спросил он.— Ведь ты, скорее всего, предполагаешь отправиться в глубину леса, к Всевидающим?

Алеу замер, оборачиваясь к нему.

— Нет. Они не примут меня.

— Почему? Ведь ты один из них!

Юноша застегнул на талии широкий охотничий пояс и сел прямо на пол, натягивая высокие сапоги из кожи оленя.

— У меня иное предназначение, Конан. Оно как-то связано с тобой — и клятвой, которую ты принял... но я пока не знаю, как именно.

— Но откуда тебе известно о клятве?

— Объяснить этого я никогда не мог,— пожал плечами Алеу.— Со мной часто бывает, когда я

просто что-то знаю, и все тут. Ведь когда человек рождается, его никто не учит дышать или есть. И здесь примерно так же. Я не могу сказать, будто вижу какие-то особенные сны или слышу голоса богов, разговаривающих со мной и возвещающих свою волю. Знание приходит изнутри меня самого, оттуда,— он прижал руку к сердцу.— И если я попытаюсь не подчиниться ему, то буду страдать, как от нехватки воздуха. Сейчас мне известно, что я должен сопровождать тебя и следовать за тобой до дальней страны, где царят мрак и холод, а для чего именно, это станет ясно потом.

— До Ландхаагена,— уточнил киммериец.

— Может быть, это так и называется,— не стал спорить Алеу.— И нам нужно торопиться, потому что дети не могут ждать дольше еще одной луны, а путь предстоит неблизкий. Так что не будешь ли ты возражать, если мы отправимся прямо сейчас?..

Конан бросил взгляд в непроглядную тьму за окном.

— Я вижу в темноте так же хорошо, как днем,— заверил его юноша,— кроме того, никогда не ошибаюсь относительно направления.

Варвар критически оглядел своего предполагаемого спутника. Одежда Бриkkриу была великовата для его приемного сына, но Алеу заправил штаны в голенища сапог и, не задумываясь, обрезал ножом рукава рубахи, так что его наряд смотрелся вполне сносно, а главное, он горел желанием действовать.

— Клянусь чреслами Крома, я вижу, удержать тебя невозможно,— проговорил, сдаваясь, киммериец,— вот только надолго ли хватит твоего пыла, приятель?

* * *

Очень скоро он однако убедился в том, что выносливость Алеу едва ли уступает его собственной.

Парень двигался легко, стремительно и бесшумно, не зная усталости и уныния и не опасаясь ни жары, ни холода, ни ночной темноты.

Лучшего попутчика нельзя и желать...

— Нам ведь нужно сперва побывать у какой-то женщины в рыбацком поселке, не так ли, сын кузнеца? — уточнил он как нечто само собой разумеющееся.— Она ждет одного человека, который не может к ней вернуться... и это очень печально.

— Халана,— кивнул варвар.— Женщина Иавы.

Он постепенно перестал удивляться тому, что Алеу редко нуждается в словесных пояснениях. В этом смысле киммерийцу, не особому любителю долгих разговоров, с ним было очень даже легко.

— Подожди,— юноша вдруг остановился как вкопанный.— Все это верно, но нам придется немного задержаться.

— А зачем?

— Всевидящие хотят что-то сообщить мне — и это очень важное известие.

— Они же могут сделать это на расстоянии?

— Нет,— покачал головой Алеу.— Требуется мое присутствие — и твое тоже. Они зовут нас обоих. Много времени это не займет.

— Не ты ли давеча утверждал, что они тебя не примут, и наотрез отказывался идти в леса?!

— Так и есть. Не примут, не позволят жить с ними вместе, но и просто так отпустить не могут. Ты должен прислушаться к их зову, Конан! Это племя не опасно для тех, кто не приходит к ним со злым умыслом.

Сквозь непролазную чащу юноша пробирался столь же легко, как если бы двигался по ровной дороге, ловко уворачиваясь от ветвей, нороящих хлестнуть по лицу,— возможно, так ходят выросшие в лесу дикие звери.

При виде лесного ручья он встал на четвереньки и принялся жадно пить, по-собачьи лакая воду языком, а не набирая в ладони и поднося ко рту, как люди, а потом, не разбегаясь, с места перемахнул ручей одним прыжком, сделавшим бы честь даже волку. Не поскользнувшись и не замочив сапог, парень встал на другом берегу, радостно скалясь во все тридцать два белоснежных зуба и, склонив голову к плечу, ожидал своего спутника.

Вообще, приподнятое настроение владело им почти постоянно, и Алеу вовсе не пытался это скрывать. Даже странно, каким образом этот зеленоглазый юноша, прошедший через нечеловеческие унижения и пытки, не утратил подобной естественности и открытости натуры. В направлении он, в самом деле, ориентировался просто

великолепно, ни разу не усомнившись, правильно ли они идут, и похоже, это свойство было у него тоже врожденным.

— Почему ты не сбежал из Туонелла к Всевидающим, когда был еще ребенком, раз тебе совсем нетрудно их найти? — поинтересовался Конан.

— Я не мог сделать этого. Мне приходилось жить среди обычных людей, поскольку меня родила женщина из Туонелла и я — Всевидающий только наполовину. Путь к ним был мне заказан. А сейчас я иду к ним только потому, что они сами позвали меня, — откликнулся юноша с печалью в голосе, и вдруг замедлил шаги. — Смотри-ка!

На поляне почти прямо перед ними стояла лосиха с детенышем. Опасная встреча для человека, не сулящая ему ничего хорошего: защищая потомство, огромное животное способно, не раздумывая, броситься в бой, проявляя невиданную силу и агрессивность. Киммериец схватился за меч, ибо ветер дул в их сторону, и животное почуяло их раньше, чем они его увидели. Еще мгновение, и...

— Нет, — остановил своего спутника Алеу, — она нас не тронет, а у нас сейчас нет необходимости убивать ради еды.

Он встал в полный рост, опустив руки, и шагнул навстречу лосихе, сохраняя на лице мягкую улыбку.

И оказался прав — зверь, недовольно фыркнув, попятился задом, отступил, развернулся и скрылся в густом кустарнике.

— Ты понимаешь язык животных? Как ты это сделал? — вновь ничего не понял варвар.

— У зверей нет своего языка, они не люди; но они чуют запах страха и опасности, и тогда нападают. Я не был настроен враждебно, но страха тоже не выказал, поэтому лосиха предпочла просто уйти. Зверь не пугается образа. Человек может испытывать ужас, если ему явится внешне отталкивающая тварь, будь даже она безобидна по сути, как младенец, — люди видят лишь то, что снаружи; по-настоящему же надо уметь чувствовать то, что внутри. Зверь не лучше человека, но он по-другому устроен.

— Сдается мне, этому тебя обучил вовсе не Бриккриу, — проворчал киммериец.

— Этому обучить невозможно, — юноша резко развернулся, услышав голос третьего человека, который приблизился абсолютно бесшумно и словно возник перед ними из воздуха.

Внезапно появившийся мужчина не казался столь красивым, как Алеу, но лицо его было замечательно своим энергичным и умным выражением; большие глубокие темно-серые глаза, широкий, хотя и довольно низкий лоб, крупный нос с широкими ноздрями, крупные губы, сильные челюсти, густые рыжие волосы, гривой спадающие на плечи, придавали ему вид добродушной силы, которая выглядит кроткой, когда спокойна, но поистине ужасна, когда кто-либо ухитрится ее раздражить. Незнакомец был облачен в одежды, сшитые из отлично выделанных шкур, и, похоже, не вооружен.

Алеу, тихо ахнув, замер, а потом шагнул ему навстречу, точно мужчина этот являлся его потерянным когда-то давно и вновь счастливо обретенным другом. Тем не менее, хотя незнакомец смотрел на юношу с тем же выражением, они не перекинулись ни единым словом; обращаясь же к Конану, человек склонился перед ним в поклоне и произнес глубоким сильным голосом:

— Я, Норргам из племени Всевидящих, приветствую тебя, спасшего нашего брата Алеу от рук его мучителей и оказавшего ему необходимую помощь. Мы ждали как его, так и тебя, и я рад видеть вас обоих. Пойдем же со мной.

Очевидно, посредством слов Всевидящие общались между собой нечасто, обладая способностью понимать мысли друг друга каким-то иным способом, но легко разговаривали с обычными людьми.

Киммерийцу и Алеу была оказана самая радужная встреча.

Варвар убедился, что племя это в самом деле ничего общего не имеет с теми жуткими рассказами, что о нем распространялись.

Приветливые и чистые сердцем люди жили меж собою как братья и сестры, не знающие ни вражды, ни злобы, ни зависти друг к другу. Все они отличались атлетическим гармоничным телосложением, хотя были не очень высоки ростом, и по виду не разнились с обычными людьми; их быт был прост, законы — немногочисленны и однозначны, а нрав спокоен и кроток, но эта кротость ничего общего не имела с трусостью

и малодушием, а шла рука об руку с присущей им мудростью. Нетрудно догадаться, отчего Всевидящим не нашлось места в мире людей — они жили бы там, точно зрячие среди слепых, окруженные ненавистью и недоверием, порожденными черной завистью к тем качествам, которыми были наделены богами столь щедро.

В случае необходимости Всевидящие были вполне способны защитить себя с оружием в руках, но никогда не нападали первыми, жалея неразумный и злобный людской род, к которому при этом вовсе не питали презрительно-гордых чувств, но просто старались сталкиваться с его представителями как можно реже.

Ибо почти всякое столкновение приводило к трагедии, подобной той, что произошла с Брикriu и Кимбаею, а затем и с Алеу.

Так что, стараясь оградить себя от подобных неожиданностей, они попросту отводили глаза от места своего обитания неосторожным путникам либо охотникам, слишком далеко забредающим, преследуя добычу, и те обходили Всевидящих стороной, если только те сами по какой-то необыкновенно важной причине не приглашали их к себе.

По сути, выходило так, что люди по отношению к Всевидящим были чем-то вроде демонов по отношению к людям, то есть существами с иной, темной сущностью, иной структурой видения мира и друг друга.

На сей раз причина, по которой Конан — человек — ступил на их территорию, была действи-

тельно весомой. После того, как киммериец и его спутник утолили голод и замечательно выпались, глава рода, белый как лунь, древний, но все еще крепкий и с ясным молодым взором старец, коего именовали Оттфрид, обратился к обоим, объяснив смысл их пребывания в племени.

— Нам известна цель твоего пути, Конан. Ты принял на себя клятву погибшей девочки Мангельды из Ландхаагена возратить роду антархов вечно зеленую ветвь маттенасаи. И первая часть клятвы тобою исполнена с честью. Ты поступил достойно и проявил себя не только как воин, но и как человек, в котором присутствуют те же качества, что свойственны нам — сострадание, мужество, справедливость и стойкость. Крупницы их заложены в каждом, но в полной мере и в полной гармонии проявляются необыкновенно редко. В сердца Всевидящих они заложены от зачатия и расцветают с возрастом; в прочих же людях даже самые их ростки зачастую гибнут столь рано, что либо не успевают проявиться вовсе, либо присутствуют лишь как слабый отблеск заходящего ока Митры на темном древесном стволе;— старец надолго замолчал, с полуприкрытыми глазами печально покачивая головой, затем продолжил: — То же самое произошло, когда ты вступился за Алеу... Неслучайно Асвелы остановили на тебе свой выбор, киммериец.

Мы, именуемые Всевидящими, родственны антархам Ландхаагена, только пути наших племен разошлись много веков назад. Они остались среди людей как Хранители страны, ее дух кровь и

сердце — мы же отделились от всех, чтобы сохранить тайное знание вместе с собственной жизнью... В результате с родом антархов произошло то же, что с Алеу в семье Брикрриу — они были вытеснены и уничтожены вовсе не Гринсвельдом, укравшим ветвь маттенасаи, но не смогли сохранить самих себя среди окружавшей их ненависти. Зрячие всегда чужды слепцам. Они держались до конца, но вот лишились и последней нити, связывавшей их с волей богов. Теперь из рода антархов остались в живых только двое слабых детей, мальчик и девочка, которым также суждено вскоре угаснуть, ибо они одиноки и бессильны. Кто-то должен их защитить, и одной лишь ветви маттенасаи для этого недостаточно. Этим защитником станет Алеу, а ты — его проводником, потому что в одиночку он не сможет достичь цели. Он заменит детям антархов отца, научит их выживать во враждебном мире. Мы посылаем нашего сына в мир людей, один раз уже отвергнувший и едва не погубивший его, ведь Алеу не только *наш*, но также *их* сын, хочет он того или нет. У него две природы, а не одна, подобно нам.

— Но я не хочу идти туда,— вдруг проговорил юноша, с невыразимой мукой глядя на старца,— я не хочу возвращаться к людям! Я думал, что смогу это сделать, а теперь, оказавшись среди своих, всем сердцем желаю остаться здесь, в лесах, вместе с вами! Не делай этого со мной, не требуй, чтобы я разлучился с теми, кому принадлежу...

Старец не прерывал его, но голос Алеу звучал все тише и тише, и, наконец, юноша умолк, тяжело и прерывисто дыша. Варвар, наблюдавший за этой сценой, недоуменно скривил губы, не понимая, как пристало мужчине проявлять столь недостойную слабость и кричать о том, что он, видите ли, не желает исполнить свой долг.

— Ты напрасно считаешь Алеу слабым и малодушным, киммериец, — в очередной раз показав способность Всевидящих читать чужие мысли, обратился к нему Оттфрид. — Вспомни, не он ли две зимы терпел мучительные пытки в подземелье, но не предал свой дар, повинувшись закону сердца? В каком состоянии он был, когда ты увидел его впервые? Страх присущ любому человеку, равно как и сомнения, а Алеу — человек... но тебе не понять его муку, как понимаю ее я, ибо Всевидящие чувствуют боль друг друга как свою собственную. Дитя мое, — Оттфрид протянул руки к Алеу, — поверь мне, ты не будешь один, даже когда твой достойный спутник тебя покинет. Я — и все племя — оно внутри тебя самого. Мы не изгоняем тебя, ты не отвергнут нами, как тебе кажется. Ты посланник, а не отверженный. И завтра в числе шестерых избранных ты совершишь обряд совокупления с прекраснейшей из наших женщин, которой впервые предстоит пройти его: ты такой же, как и все в роду Всевидящих, и наравне со всеми имеешь право продолжить этот род.

Мгновения ужаса и отчаяния, охвативших Алеу и сжавших его сердце ледяными когтями,

миновали, и теперь он с некоторым стыдом искоса глянул на Конана, уловив его презрение.

Неловкости же перед Оттфридом юноша, похоже, никакой не испытывал.

— Ладно, парень, — варвар положил огромную руку на плечо Алеу, — видал я и посильнее тебя воинов, которым иногда жуть как не хотелось ввязываться в бой, да все-таки им удавалось перебороть нерешительность, и они шли.

— Я пойду, — твердо заявил Алеу. — Больше такого со мной не повторится.

Юноша снова был спокоен, взгляд его прояснился — буря, свирепствовавшая в его душе, улеглась. Он не смирился со своей участью, но принял необходимость исполнить долг, как принимает молодой воин оружие из руки более опытного, горя желанием применить его достойно и не опозорить благородную сталь собственным малодушием...

* * *

Обряд, коему Всевидящие придавали огромное значение и который занимал в их жизни чрезвычайно важное место, был весьма примечателен.

Женщины, которым следовало участвовать в нем, чувствовали себя подлинными властительницами и не испытывали ни малейшего смущения или страха. Между прочим, у любой из них мог быть мужчина, к которому она испытывала особое расположение, равно как и он к ней, но это не давало ей права отвергать остальных. Ког-

да вопрос стоял о продолжении рода, личные чувства отодвигались на второй план.

В промежутках между обрядовыми отношениями — другое дело, тут не возникало никаких возражений, достаточно было взаимного согласия двоих, и только их в таком случае касалось, желают ли они уединиться или не станут возражать против присутствия кого-то еще при их соитии.

Кстати, подобные возражения возникали редко, подобно тому, как мало найдется нормальных людей, требующих, чтобы на них никто не смотрел, когда они едят.

Обряд же был именно подлинным пиром, но совершающимся по особым правилам своеобразного ритуала.

Тела его участников не были ничем прикрыты, разве что венок из цветов или веток украшал головы женщин.

Никакой поспешности либо грубости по отношению друг к другу не допускалось.

Женщина проявляла себя с каждым из шестерых, которого должна была принять, так, словно создана именно для него и ждала его всю жизнь, а он, в свою очередь, прикасался к ней как к божеству, сошедшему ради него на землю в эту ночь, в результате наслаждение становилось не только физическим, но и, в первую очередь, — духовным.

Наверное, поэтому у Всевидящих рождались красивые дети — их зачинали только в любви.

Алеу был первым из шестерых избранных, и вообще первым мужчиной у совсем юной девуш-

ки, никогда прежде не принимавшей участия в обряде.

Ей было лишь четырнадцать зим, но это вовсе не свидетельствовало об ее полнейшей неопытности — как и все остальные, Файона, сколько себя помнила, присутствовала при совершении обряда и была вполне к нему готова.

В такие ночи самый воздух лесов, кажется, дышал страстью и нежностью.

Когда Алеу приблизился к Файоне, та шагнула ему навстречу, радостно приветствуя юношу, а потом обняла, закинув руки ему на шею.

Алеу был лишен необыкновенного покрова в виде короткой шерсти, который отличал всех прочих мужчин рода Всевидящих (женщины таковым не обладали), но это никого не смущало и не вызывало ни малейшего недоумения.

Всевидящие вообще не придавали особого значения внешнему облику: во-первых, все они обладали достаточно привлекательной внешностью, а во-вторых, для них куда важнее была внутренняя суть любого существа или явления.

Слившись с Файоной, Алеу взял ее за руки. Девушка, казалось, ждала, как он проявит себя, выплеснется ли из ладоней и пальцев его то же самое пламя, что пульсировало в ней самой, готовое освободиться и проникнуть в его сердце и тело, сливая две души в одну.

И в момент величайшего наслаждения, наступивший одновременно у обоих, это пламя вспыхнуло — зримое, живое, оно потекло потоком синих искр от тела к телу, заставляя руки сиять...

Что-то шло от Файоны через пальцы к Алеу — и от него к девушке.

Наконец, *это* слилось в одно, ослепительной вспышкой вырвалось из обоих и закачалось над их головами, точно крошечная шаровая молния, однако невесомая и теплая, а не обжигающая и способная нести смерть...

Но Конан этого не видел. Пока все племя с замиранием сердца наблюдало за происходящим, он в некотором недоумении думал, что все это, может быть, и хорошо для Всевидящих, но для нормального человека все же выглядит странно и дико.

Подобные брачные церемонии могли бы быть, куда ни шло, у зверей, да и то не у всяких, а тут...

— Пойдем со мной,— рядом с ним остановилась еще одна женщина, столь же привлекательная, как те, что были сейчас в центре всеобщего внимания, разве что чуть постарше; она улыбалась такой же открытой улыбкой, какая была присуща Алеу.— Я прошла обряд две луны назад и теперь могу не участвовать в нем в течение одной зимы, пока не буду готова вновь стать вместилищем новой жизни, как сейчас. Теперь же я могу принадлежать каждому. Пойдем! Ты печален, потому что желал бы быть там, с ними,— она махнула рукой в сторону поляны,— но нет ничего проще, чем прогнать такую печаль, ведь теперь у тебя есть я...

С какой стати было отказываться от подобного предложения?!

У варвара давно не было женщины, а эта выглядела весьма соблазнительно и ровным счетом ничего не требовала.

Он даже не спросил ее имени, это не имело никакого значения. Женщины Всевидящих обладали удивительными качествами — они умели любить без слез, без жалоб, не играя и не интригуя, просто без остатка принадлежать тем, кто был с ними здесь и сейчас, не заботясь о завтрашнем дне и не сковывая партнера цепями благодарности, обязательств, обещаний.

Не сомневаясь в настоящем, они ничего не требовали от будущего. Ведь как часто случается, что, жаждущая заверений в вечной любви женщина тем самым перечеркивает ценность и значимость *этой* минуты, радости *настоящего*.

В страстных объятиях этой дочери лесов Конан провел одну из самых восхитительных в своей не очень еще долгой жизни ночей, а поскольку его собственному любовному опыту мог бы позавидовать любой мужчина, то и она осталась вполне им довольна.

Так что, встретившись на следующее утро с Алеу, киммериец находился в ничуть не менее, нежели юноша, приподнятом расположении духа, и они оба вполне готовы были к тому, чтобы продолжить путь.

Норргам вызвался сопровождать их до границы территории Всевидящих, а древний Оттфрид на прощание крепко прижал к себе Алеу, не стесняясь столь бурного проявления чувств. Ведь юноша покидал эти леса навсегда, и встретиться

с соплеменниками ему предстояло разве что на Серых Равнинах. Впрочем, если учесть, что, по словам Оттфрида, они никогда не будут разлучены полностью, это расставание было не столь уж и трагичным.

Глава вторая

Вскоре варвар понял, почему глава рода Всевидящих утверждал, будто Алеу в одиночку не выдержит длительного перехода. Юный красавец, как уже говорилось, был необыкновенно вынослив, мужествен, силен и ловок, притом далеко не глуп, но при этом отличался совершенно детским простодушием, и никакие законы были ему не писаны. Так что путешествие в его обществе было удовольствием весьма сомнительным.

Прежде всего, Алеу постарался убедить своего спутника вернуться к Халане.

Мысли о женщине, тщетно ожидающей своего погибшего возлюбленного, не давали ему покоя, и хотя для того, чтобы встретиться с нею, требовалось преодолеть достаточно внушительное расстояние, пылкого юнца это не останавливало.

Вообще складывалось впечатление, что парень этот озабочен исключительно тем, чтобы найти

побольше приключений на свою голову. Он вытянул из своего неразговорчивого спутника все подробности относительно антархов, Мангельды и Гринсвельда и мог часами с открытым ртом слушать рассказы об удивительных и часто трагичных событиях, с которыми волею судьбы оказался столь тесно связан. Да и не только о них — вообще о чем угодно.

Ведь Конан к двадцати годам успел исходить всю Хайборию, побывав в Шандарате, Офире, Шеме, Стигии, Шадизаре, Халоге, Бритунии, Коринфии, Аренджуне, Замбуле, и имел неисчислимый опыт сражений и побед, который не мог не поражать воображение Алеу.

— В Туонелле никогда ничего не происходило, — объяснял парень свое неумное любопытство.

Да уж надо думать.

До сих пор это жуткое место варвар вспоминал с непреодолимым отвращением. Было похоже на то, что Туонелл вообще был как будто обособлен от окружающих территорий. Даже тамошний выговор резко отличался от манеры говорить, характерной для Коринфии и Бритунии, на границе которых располагалось это селение, и самого Алеу подчас трудно было понять, так необычно звучала его речь.

Ему было не просто приспособиться жить в огромном мире, впервые открывшемся перед ним, взрослым парнем. Он не знал ни осторожности, ни опасений, его интересовало все, что происходило. Юноша наслаждался свободой, впи-

тывал жизнь буквально всеми порами — и ему не терпелось испытать себя, доказать, что он тоже многое способен совершить. В то же время, иногда Алеу становился необыкновенно задумчив; он вдруг полностью уходил в себя и не реагировал вовремя, когда к нему обращались, точно не слышал слов или внезапно переставал их понимать.

Очень недолго юноша пребывал в счастливом заблуждении, будто, если Туонелл остался в прошлом подобно кошмарному сну, то весь остальной мир настроен по отношению к нему столь же доброжелательно, как и он сам со своим распахнутым сердцем — по отношению к людям.

Тут ничего не требовалось объяснять словами, жизнь сама по себе была достаточно щедра на жестокие уроки. Так было, например, когда киммериец и Алеу проходили через один из небольших городов в Коринфии, и по обыкновению остановились на постоялом дворе. Началось с того, что парень вдруг перестал жевать, сосредоточенно набивая себе желудок овощами и мясом, и в задумчивости уставился на своего спутника.

— Слушай, — проговорил он, — я вот тут подумал, ты вынужден расплачиваться за нас обоих, верно? У меня же нет денег.

— Ну и что тебе не нравится? — покосился в его сторону варвар. — Ты предлагаешь по такому случаю уморить тебя голодом?

— Не-ет, — протянул Алеу, — но мне следует хоть что-то заработать.

— И каким же образом?..

Сидящий рядом с ними мужчина, по виду ремесленник, ухмыльнулся, прислушиваясь к разговору, а потом повернулся всем телом к Алеу.

— Эй, парень,— ремесленник был уже изрядно пьян, что бросалось в глаза при одном взгляде на его красную рожу,— думаешь, где бы деньги раздобыть, а? Давай-ка на спор, кто больше выпьет? Коли сумеешь меня обставить — кошель твой,— он потряс перед носом Алеу мешочком, в самом деле под завязку набитым монетами,— а нет, так отработаешь долг, мне нужны крепкие парни...

У юноши разгорелись глаза — сомневаться в своих силах ему не было свойственно, и он уже хотел было согласиться, не уточняя даже, велик ли окажется в случае проигрыша долг и чем тогда придется заниматься.

Пришлось вмешаться Конану.

— Оставь его в покое, приятель,— с угрожающими нотами в голосе обратился он к незнакомцу,— нашел о чем спорить. Великая доблесть, кто круче вином накачается...— относительно себя варвар был убежден, что играючи обставил бы обоих вместе взятых спорщиков и по этой части, но Алеу особых надежд не подавал — того с непривычки пара кувшинов пива наверняка свалит с ног, и что тогда?

Ремесленник разинул было рот, чтобы возразить, но габариты спутника юноши и его более чем решительный вид привели мужчину в явное смущение, и он благоразумно решил не связываться с черноволосым гигантом. Разочарованно

и злобно шипя — легкая добыча явно ускользала из его рук,— он отошел от них и пересел за соседний стол, однако до конца так и не успокоился и принялся что-то возбужденно обсуждать с другими парнями, очевидно, отлично с ним знакомыми.

Компания дружно загудела, и киммериец услышал издевательские смешки, без всякого сомнения направленные в адрес его и Алеу. Чего варвар совершенно не выносил, так это насмешек.

Подобное неуважительное отношение заставляло его обыкновенно немедленно вносить полную ясность относительно существующей иерархии. Так что он поднялся во весь свой огромный рост и неспешно приблизился к развеселившейся компании.

Зацепив болтуна одной рукой за грудки, Конан поднял его над полом так, что тот стал задыхаться и дергаться, безуспешно пытаясь найти твердую опору под ногами.

— Я тебе сейчас надолго испорчу настроение, придурок! Советую заткнуться, если, конечно, не считаешь, что у тебя найдутся лишние зубы и ребра!

Остальные разом притихли, наблюдая за происходящим. Каждый из них, похоже, втайне радовался, что это не он оказался в руках — точнее, в руке — разъяренного варвара. А тот, которому повезло меньше других, внезапно осмелел, потеряв, видно, от страха последний разум, и заверещал, торопясь и заикаясь:

— Так я ж и не сомневаюсь, что ты-то меня как муху прихлопнешь, был Краб — и нет Краба, а вот этот сосунок, который с тобой, верно, сам по себе ни на что не годится!..

— Это еще почему?! — вскинулся Алеу.

Киммериец все же довершил начатое, швырнув Краба об стену так, что дрогнуло все строение, и тот без чувств сполз на пол, — и огляделся, нет ли еще желающих позубоскалить на его счет.

Таковых не наблюдалось. Но Алеу стоял, весь дрожа от оскорбления.

— Я, между прочим, тоже неплохо дерусь! — возмущенно заявил он.

Реплика юноши только раззадорила умирающих от скуки парней, у которых от чрезмерных возлияний чесались кулаки начистить кому-нибудь морду.

Если видеть своим соперником Конана им было явно не по душе, то поразмяться, навешав оплеух зеленоглазому мальчишке — оно ведь и впрямь странно выглядит, когда один человек решает за другого даже такой пустяковый вопрос, как ввязываться в спор или нет, — очень даже хотелось.

Тем более, что тот горазд был работать больше языком, чем кулаками либо ножом — иначе он продемонстрировал бы себя в деле, а не стоял пень пнем, доказывая свою состоятельность как бойца одними лишь словами.

Откровенно говоря, ни в одном бою киммериец своего спутника до сих пор не видел. Хотя по

опыту знал: если Алеу что-то о себе говорит, можно не сомневаться, что так оно и есть.

— Он, между прочим, тоже... — хрюкнул один из парней, по виду довольно мерзкий, с физиономией, покрытой крупными бородавками, как у жабы, весьма похоже передразнивая выговор юноши. — С кем же ты дерешься? Разве что с мухами? И как, кто там обычно выходит победителем?

Вместо ответа Алеу неуверенно взглянул на варвара.

— Слушай, ведь мне не обязательно их убивать? Мне бы этого не хотелось, — совершенно серьезно произнес он.

Даже присутствие киммерийца не могло сдержать дружного хохота всех, кто прислушивался к перебранке.

Один из сидящих даже свалился со своего места, сгибаясь пополам от буйного веселья, к которому не рискнул присоединиться разве что едва очухавшийся Краб. Уж больно забавно прозвучал вопрос юноши!

— Нет, — тряхнул головой Конан, плохо представляя себе, что сейчас произойдет. — Не хочешь — можешь не убивать.

Алеу с облегчением улыбнулся и кивнул, а затем приблизился к своим обидчикам, которых было не менее пяти человек, с нездешней, необычной бесшумной грацией в каждом движении.

— Хотите по одному или все сразу? — для порядка поинтересовался он, весь словно подбираясь, как хищник перед прыжком.

Недолго думая, жабообразный парень с салыми светлыми волосами бросился на него. Варвар счел за лучшее не вмешиваться, если дело не примет слишком уж опасного для жизни его молодого спутника оборота.

Но он, похоже, беспокоился совершенно напрасно, ибо нападавший даже не успел коснуться Алеу, мгновенно сложившись пополам и падая на колени, с выпученными глазами беззвучно хватая ртом воздух, что еще более усилило его сходство с жабой.

В руках Алеу не было ни ножа, ни, тем более, меча, ни даже палки, но он настолько виртуозно, стремительно и изящно отражал удары, что желающие испытать юношу на прочность откатывались от него, точно волны от берега, — хотя бросались теперь уже все разом, кстати, изрядно мешая друг другу. А ведь Алеу только защищался! Когда же одному, наиболее бойкому, удалось все-таки зацепить юношу, тот окончательно вышел из себя.

Конан видел своего спутника в разных проявлениях — печальным, задумчивым, неуверенным, необыкновенно веселым и словно излучающим радость — но никогда прежде не наблюдал такого приступа ярости.

Нападавший ударил его в лицо, из носа Алеу брызнула фонтаном алая кровь, но этот удар был первым и единственным, который он пропустил. Железный кулак юноши ввинтился в живот противника с такой силой и точностью, что тот, утробно взыв, отключился — и видно было, что

надолго. Зеленые глаза отпрыска Всевидящих сузились, полыхнув нездешним огнем, словно две молнии, а то, что он совершил вслед за этим, вообще было не похоже на те драки, которые обычно доводилось наблюдать завсегдатаям этого кабака, ибо следующий из нападающей пятерки получил удар в висок ногой, с невероятной скоростью мелькнувшей в воздухе, и рухнул на пол в не менее глубокой отключке, нежели предыдущий.

Остальные загудели в недоумении и страхе, спешно подыскивая пути достойного отступления, но Алеу уже не мог остановиться. С бешеным, на пределе возможностей голосовых связок, воплем он подпрыгнул, перевернувшись в воздухе, и в этом прыжке исхитрился свернуть челюсть своему четвертому противнику...

Теперь время издевательски хохотать настало для Конана, но он всегда был предельно сдержан в проявлении подобных эмоций и просто сидел, не двигаясь с места и наблюдая за происходящим.

Да, кажется, его вмешательства Алеу и не требовалось, тот справлялся со своей задачей самостоятельно, причем достойно, чрезвычайно быстро и даже не сбив при этом дыхания. Закончив — то есть дождавшись, пока те, кто еще мог держаться на ногах, ринутся к выходу, дав друг друга в проеме двери, — он опустился на скамью рядом с варваром и, тяжело вздохнув, сделал огромный глоток пива. Складывалось впечатление, будто его не особенно радует победа. Под-

тверждая эту догадку, Алеу сокрушенно произнес:

— Ну чего они лезут? Говоришь — так не верят... Странно!

— Почему ты думаешь, будто все тебе должны верить на слово? И... кто тебя научил так двигаться?

— Я знаю, люди достаточно часто лгут друг другу, — не стал спорить Алеу. — Ты тоже сначала не хотел мне поверить, — пожал он плечами. — А насчет другого... мне кажется, я всегда так умел. Кто учит кошку с любой высоты падать на все четыре лапы? Птицу — держаться в воздухе? Собаку — брать след?..

— Но ты не кошка, не птица, не собака. Ты человек, а это совсем другое.

— Иногда я сомневаюсь, — очень тихо сказал юноша. — Я не знаю... не могу понять, кто я, и объяснить не умею, — он совсем по-детски шмыгнул носом, втягивая все еще продолжающую сочиться кровь, и не замечая этого. — Мне хочется быть таким, как все, тогда бы я понял, как просто убивать. Другим известно то, чего я не знаю. Тебе, например.

Конечно, известно. Киммериец вдруг понял то, чего Алеу никак не мог высказать, мучительно подбирая слова и все равно не отыскивая подходящих. Да, будь он на месте своего спутника, пара-тройка мертвых тел здесь бы уж точно лежала, а этот никого не прикончил даже в ярости. Не захотел. Опять, значит, поступил так, как ему велел закон сердца, закон Всевидящих.

В ту же ночь Алеу исчез. Как и когда это произошло, варвар не имел ни малейшего понятия. Во всяком случае, спать они ложились рядом, а утром, на рассвете, парня и след простыл. Конан с необычайной отчетливостью вспомнил, как нашел в Кофе мертвую Мангельду, тело которой было насквозь пробито остро отточенным колом. Что, если вот так же он обнаружит остывающее тело Алеу?

От этой мысли у него потемнело в глазах. Киммериец всегда предпочитал размышлениям конкретные действия, но тут картина вдруг ясно сложилась сама собой, словно из множества кусочков. Мангельда двигалась к Желтому острову, чтобы сразиться с Гориллой Грином. Его темных чар хватило на то, чтобы остановить ее, навсегда заставив умолкнуть мужественное и доброе сердце девочки.

Их хватило, чтобы остановить и всех антархов, что вышли в путь прежде Мангельды. И на то, чтобы успешно препятствовать и ему, Конану, и шемиту Иаве.

Но, Кром, Гринсвельд вовсе не был так уж беспредельно могуществен! Просто злобная, мерзкая обезьяна, у которой ну никак не могло хватить мозгов для того, чтобы совершенно сознательно губить Ландхааген, — разве что на отвратительную злую пакость вроде воровства. Значит, был кто-то посильнее Гринсвельда. Кто-то или что-то, орудием чего он являлся. Для кого — или чего — опасно само существование антархов, и кто — или что — решился известить их под ко-

рень. Теперь с появлением Алеу надежда антархов проснулась вновь. И оно изберет новое оружие. Кого на сей раз? С кем теперь предстоит сразиться? Один раз Алеу едва не погиб. Оно затмило ненавистью даже сердце его собственной матери... И снова совершенно неизвестно, жив ли его спутник.

Напрасными оказались и поиски, и призывы. Алеу точно сквозь землю провалился. Правда, в некотором смысле успокаивало то, что и его трупа Конан не обнаружил.

Он прошел по всем местным кабакам, но вместо юноши нашел только вчерашнего Краба — кстати, получившего такое прозвище за то, что на его левой руке не хватало трех пальцев, оставался, кроме большого, только мизинец, и кисть в самом деле напоминала клешню.

Краб имел весьма помятый вид, и, заметив варвара, непроизвольно завертел головой в поисках пути отступления, но было поздно. Киммериец опять схватил его, на сей раз — за шиворот, и встряхнул, словно мешок с мукой.

— Эй ты, отрыжка Нергала, спутника моего не видел?

— Нет! Хвала богам, не видел...

Варвар поставил его наземь.

— А где, как считаешь, он может находиться в этой дыре с утра пораньше?

Неожиданно Краб сел прямо на землю и схватился за голову, снизу вверх глядя на Конана.

— Там, где и ночь провел, конечно. Пошел получать законную награду, которая полагается

победителю. Помнишь красотку, что прислуживала в «Сером ястребе»? Вряд ли она смогла устоять перед ним, ежели ему захотелось ее пошупать. Ада — дочь хозяина кабака, девица она с характером, но таких, как этот твой... э-э... спутник обычно привлекает охотно.

Варвар угрюмо кивнул. Самому стоило сообщить, что тут не в магии дело и не в таинственных похищениях. Особенно отлично зная, что Алеу ни одной юбки спокойно не пропустит. У него отлегло от сердца.

—...Только вот,— продолжал Краб, с самым невинным видом округляя глаза,— есть тут одна заковыка. Верно говорят, что легче сто блох на стол выпустить разом да за всеми уследить, чтоб не упрыгали, чем за одной бабой. Вот папаша-то этой самой Ада и старается, как может, чтобы замуж ее мало-мальски прилично пристроить можно было, а то кому нужна порченная девка, самые сливки снять каждому самому охота. И жених у ней подходящий имеется, тоже, понимаешь, бдит насчет чести невесты, иначе люди узнают, что она до свадьбы с кем ни попадя путалась, позор, сам понимаешь, обоим...

— Короче! — прервал его излияния киммериец.

— А если короче,— заторопился Краб,— папаша у Ада крут, демоны его раздери. Грозился, если кто близко к дочурке его подойдет, прикончить на месте, а по части выслеживать девчонку он наловчился не хуже кота-крысолова. Так что ежели он раньше тебя эту парочку сыщет, так

друг твой ногами махать будет на Серых Равнинах, это я тебе точно говорю.

— Ну и где же их искать?

— Так ведь про то один Нергал ведает. Адда тоже хитрая бестия. Она со своим родителем вроде как в прятки играет, кто быстрее — она ли на себя кого затащит, либо он поспеет, и тогда... Гаттар уже с полдюжины парней покалечил, а девка эта бесстыжая знай себе хохочет, мол, значит, не мужчины и были, раз отбиться от папашки ее не смогли. Тоже счет им ведет... развлекается, стерва такая... дразнит, играет. Гаттар с ней озверел вконец. Потому она таких, вроде друга твоего, выбирает — чтоб занятней было поглядеть, кто кого. По мне, так ее б саму пришибить, чтоб не мучалась, и дело с концом, да только Гаттар в ней души не чаёт, и жениха своего, Итрана, окайнная девка крепко присушила, он-то ее на руках готов носить, а всякого, кто на нее глаз положит, поклялся на куски разорвать...

— Ну-ка, хорош травить байки,— грозно сдвинул брови киммериец,— пошли, покажешь, где эту вашу Адду скорей всего можно застать.

— Э, нет-нет-нет,— замахал руками Краб,— двое дерутся — третий не мешай. Я туда башку не суну очень мне надо неприятностей на свою задницу искать...

— Еще как сунешь,— возразил Конан,— или я тебе ее прямо здесь и оторву.

Делать нечего... Громко стелая и проклиная свою участь, Краб поднялся и поплелся вперед, указывая дорогу. Впрочем, после пары увесистых

пинков, полученных от варвара, он задвигался куда резвее — и к тому же молча.

Они подоспели вовремя.

На самой окраине города, где стояло несколько заброшенных и полуразвалившихся хибар, в которых обыкновенно ютились нищие бродяги, не имевшие, чем расплатиться за ночлег на постоялом дворе, в этом самом вонючем гадюшнике вовсю кипела невиданная драка.

Видно, искусство Алеу и его способности по части рукопашных стычек на сей раз не очень-то его выручали, потому что донельзя взбешенные Итран и Гаттар были явно близки к тому, чтобы прикончить парня. Все трое превратились в злобно сопящий клубок катающихся по полу тел, и сходу определить, кто есть кто, можно было лишь по тому, что на Алеу не наблюдалось ни единой тряпки. Самым интересным в этой ситуации было однако то, что главная виновница потасовки не отошла, по обыкновению, в сторону, с горящими глазами наблюдая за развитием событий, а принимала в них самое непосредственное участие. С визгом и воплями она металась возле дерущихся, ничуть не опасаясь в пылу сражения получить от кого-нибудь из них увесистую оплеуху, кусалась и царапалась, точно дикая кошка, причем ее симпатии были явно на стороне Алеу, а не родителя вкупе с женихом.

— Не смейте его трогать! — отчаянно орала девица. — Отпустите его, он не виноват!

Разумеется, ее никто не намерен был слушать. Конан несколькими ударами решил исход драки

в пользу Алеу и, схватив юношу за плечи, поставил его на ноги, но на сей раз парень не унимался. Он хрипел и рвался в бой, отчаянно дергаясь в огромных руках киммерийца, пока Адда не повисла у него не шее, громко рыдая и покрывая поцелуями окровавленное лицо юноши. Краб стоял поодаль, с отвисшей челюстью наблюдая за происходящим.

В слезах «окаянную девку» видеть до сих пор никому не доводилось: сочувствие к жертвам собственного вероломства в число ее достоинств никак не входило.

— О мой милый,— стонала Адда, цепляясь за Алеу, точно репей,— прости меня, прости!.. Что они тебе сделали?!..

— Заткнись, дура,— прикрикнул на нее варвар, отчего девушка разом съежилась и притихла,— и принеси лучше его барахло.

Вид Алеу сейчас весьма напоминал тот, в котором киммериец впервые его увидел, но вместо того, чтобы исцелять его раны с помощью ветви маттенсаи либо иными способами, на этот раз ему хотелось увеличить их число, добавив любителю жарких объятий от себя лично. Впрочем, Адда полагала иначе.

Эта девица готова была языком зализывать каждую ссадину на теле своего нового приятеля; она стояла, ломая руки, пока юноша, сплевывая кровь, сосредоточенно и не поднимая глаз на своего спутника, приводил себя в надлежащий вид, после чего, опустив голову, поплелась за ними, как привязанная, лишь на миг обернувшись

в сторону лежащих без чувств отца и незадачливого соискателя своей руки, Итрана...

— Не покидай меня, Алеу,— жалобно скулила она,— позволь мне быть с тобой рядом, не бросай меня, я умру, непременно умру, если ты уйдешь...— и прочее в том же духе.

Остановиться было для парня делом весьма затруднительным, так как Конан вел его, бесцеремонно придерживая за шиворот и в хорошем темпе.

— Подожди,— все-таки попросил он.— Позволь мне с нею поговорить... клянусь, только несколько слов!

— Наговорился уже! — не останавливаясь, отрезал варвар.

— Да подожди ты! — Алеу решительно вывернулся из рук своего спутника и повернулся к Адде.

Подойдя к продолжающей плакать девушке, он взял ее за руки и пристально посмотрел в глаза.

— Иди к Итрону, Адда. Он любит тебя, а ты разбиваешь ему сердце.

— Но я... не хочу к Итрону,— пролепетала та,— мне нужен только ты!

Алеу покачал головой.

— Запомни боль, которую ты мне причинила. Не они. Ты! И никогда больше не играй с людьми. Поняла? Ты всегда будешь любить меня,— он коснулся ее груди,— и помнить,— его рука легла на лоб Адды.— Ради этого обещай, что никому не причинишь зла, ни один человек больше

не пострадает по твоей вине. У меня свой путь. Мы не можем быть вместе. Вернись к тем, кому ты нужна, и подари им счастье; я же пойду к тем, кто без меня погибнет. Прощай, Ада! И спасибо тебе.

Девушка более не пыталась преследовать их. Она остановилась, точно завороченная словами Алеу, и осталась стоять неподвижно, только огромные прозрачные слезы медленно скапливались на ее ресницах и никак не могли пролиться. Забыть его?! Да ведь с нею никогда не случилось ничего, подобного тому, что произошло в эту ночь. Ада хорошо помнила, как прокралась к двум незнакомцам, отправившимся отдыхать после потасовки в «Ястребе», желая поманить за собой младшего из них, а если уж совсем повезет, то обоих спутников вместе.

Черноволосый гигант крепко спал, а второй, так поразивший ее воображение умением драться, едва лишь заслышав шорох, приподнялся и сел; в полумраке девушке почудилось, что глаза его сияют, словно зеленоватые звезды; он сидел, подогнув под себя одну ногу, небрежно бросив руку на колено другой, чуть склонив голову к плечу, и смотрел на приближающуюся к нему Ададу серьезно и грустно.

— Пойдем,— девушка неслышно скользнула к нему и взяла за руку. Зеленоглазый легко поднялся и вышел с нею, не произнося ни слова.

— Хочешь любить меня, герой? — игриво рассмеялась Адада, положив руки ему на грудь и жарко дыша.

— Тебя многие любили,— возразил Алеу, не думая однако отстраняться,— но мне жаль, что сама ты пока не знаешь, как это бывает по-настоящему.

— Так покажи мне! — призывно прошептала красotka, увлекая его за собой.

— Ты в самом деле этого хочешь? — юноша чуть приподнял брови, будто подобное предположение показалось ему весьма странным.

— А чего же, по-твоему, я еще могу желать?!

— Это больно, милая,— серьезно предупредил зеленоглазый.

Адада не поверила его словам. Этот красавчик был седьмым по счету из тех бедолаг, которых ей удалось завлечь,— и она могла бы поклясться, что самым лучшим!

Что ж, если он окажется еще и более расторопным, чем его предшественники, то, возможно, успеет овладеть ею прежде, чем Гаттар с Итраном разыщут ее убежище. До сих пор это никому не удавалось...

Но едва очутившись в объятиях Алеу, девушка почувствовала странное ощущение. Великие боги, это был не он!

Черты склоненного над нею лица стремительно менялись, и Адада отчетливо видела не зеленоглазого красавца, но тех, кто был с нею прежде. Вот Оль, почти мальчик, смотрит на нее иссиня-черными глазами, совершенно ошалев от счастья... и она тянется к нему, прекрасно помня однако, что Гаттар проломил ему голову, застав их вместе... Вот Саур, рыжеволосый и молчали-

чаливый, что много лун сходил с ума по Адде, а она сделала, наконец, вид, что уступила ему и этим самым тоже предала в руки отца — потом Саура нашли с переломанными ребрами и выбитым глазом, а прежде он был отличным стрелком...

На мгновение Алеу вновь стал самим собой, но девушка уже отчаянно билась в его сильных руках, приняв на себя все душевные и физические муки тех, кого погубила своим сладострастием. Он ничего не делал с нею, просто смотрел в глаза, но Адда кричала, не умолкая. Лица менялись все быстрее, бешено кружилась голова, сердце, ставшее огромным от немыслимой, горькой любви, разрывало грудь, раздвигало ребра. Алеу был с нею нежен и осторожен, он вовсе не спешил овладеть девушкой, но то, что он творил с нею, было страшнее самых жестоких ударов.

— Ты хотела любви? — прошептал он с печалью в голосе. — Так люби же... как *они* — тебя... и страдай, как *они* страдали, Адда!

Самым невыносимым было то, что она знала: вот-вот здесь появятся отец с Итраном, и весь ужас повторится снова. Девушка пыталась предупредить Алеу, она кричала ему: — Уходи, беги... Они уже близко, они убьют тебя!..

— А разве ты не за этим меня сюда привела? — возразил он. — Не к этому стремилась?

И Адде нечего было возразить. Еще увидела она — или это ей просто почудилось?! — будто от головы, рук, всего обнаженного тела Алеу исходит голубоватый ровный свет, сияние, что оза-

ряло мрак убогой заброшенной хижины — и тьму ее собственной души. Девушке стало страшно — о, как страшно! Не за себя — за него... И когда все случилось именно так, как она ожидала, и две пары жестоких рук оторвали от нее Алеу, она закричала:

— Не-ет, нет! Не его — меня убейте!

Но ее никто не слушал... Никто. Алеу дрался против двоих, но не как вечером в кабаке, он двигался как самый обычный человек, и конечно, Итран и Гаттар быстро повалили его на землю, но каждый удар, что они наносили ему, стократно отзывался в сердце Адды, таком живом теперь... и точно так же каждый удар, который юноша обрушивал на них. Прекратить этот ею самой начатый кровавый ужас, который больше уже не казался ей, как прежде, забавной игрой — вот все, чего девушка желала... но не могла. Поздно!..

Теперь же, стоя перед Алеу и в последний раз глядя ему в глаза, — она точно знала, что в последний, что более их земные пути никогда не пересекутся, — прочитала в них Адда невиданное: прощение и приказ. Он отсылал ее прочь, не презирая.

«Иди к Итрану!» Да... девушка словно очнулась. Итран! Как она могла до сих пор быть с ним такой жестокой?!.. Адда кивнула, развернулась и бросилась бежать назад со всех ног. Алеу снова улыбнулся.

— С двумя не справился... — бросил между тем через плечо киммериец. — Щенок!

— Я победил,— убежденно возразил юноша.— Я знаю.

* * *

Но если в случае с Аддой страшные опасения варвара не оправдались — так или иначе, ситуация оказалась вовсе не такой уж трагичной,— то в дальнейшем та самая *сила*, названия коей он еще не знал, забывать о своем существовании не позволяла почти ни на день.

Рыбацкий поселок, в котором киммериец рассчитывал встретиться с Халаной, словно вымер, покинутый людьми, за исключением нескольких стариков, которым, видимо, было уже все едино, где и как окончить свои дни. Прежняя старуха, столь неприветливо встретившая когда-то — не так уж и давно, впрочем! — Конана и шемита Иаву, была, тем не менее, жива и на сей раз куда более разговорчива. Относительно Халаны она, правда, не могла сказать ничего внятного, только бормотала, как заведенная:

— Птицы! Птицы из-под земли...

Создавалось полное впечатление, что старая карга окончательно помешалась. Добиться от нее более понятных объяснений удалось не сразу. По ее словам выходило, что на рыбацкий поселок обрушилась страшная беда.

В одну из ночей откуда-то, словно в самом деле из внезапно открывшейся дыры в земле, появились неведомые существа, которых она хоть и называла «птицами», но это было не совсем так. Целая стая их, черными силуэтами закрыв-

ших самые звезды небесные, пала на мирно спящие дома. Когти и клювы, словно выкованные из стали, крушили стены и двери.

Проникая в жилища, птицы с коричневыми перьями хватали людей, как мужчин, так и женщин, а тех, кто пытался им сопротивляться, убивали на месте. Причем выбирали они лучших, самых здоровых и сильных, не проявив интереса к детям и глубоким старикам,— прочих же уволокли в изогнутых когтях своих, а куда и зачем — неведомо.

Причем на вторую и третью ночь они возвращались, выискивая себе новые жертвы, но, разочарованно покружив над разоренным поселком, покинули его. Все произошло внезапно и очень быстро. Живы ли те, кого унесли чудовища, старуха не знала, пока некоторые из них не пришли назад — но это уже были не прежние люди.

Выглядели они так, словно в них не осталось крови, и ничего не могли объяснить — при попытке заговорить женщины начинали истерически рыдать, а мужчины... их было-то всего трое, вернувшихся... однажды утром вышли на лодках в море и потопили их вместе с собой.

Варвар и Алеу молча выслушали эту страшную историю. Старуха иногда замолкала так долго, что казалось, будто она уже больше не заговорит. Но потом, словно очнувшись, она продолжала рассказ.

Иава когда-то оказался прав: эта карга была местной колдуньей. Она утверждала, будто кара пала на весь поселок за то лишь, что кто-то из

местных помог Конану и шемиту, дав им лодку, чтобы они могли добраться до Желтого острова. Некто жестоко мстил за Гориллу Грина, послав для расправы мерзких бурых чудовищ, чьи перья были цвета запекшейся крови. Алеу слушал, окаменев от ужаса. Потом он прошелся по опустевшим домам, прикасаясь ладонями к предметам уцелевшего нехитрого скарба, принадлежащего прежде тем, которые были похищены, и долго не выпуская их из рук...

— Эти люди живы, — произнес он наконец, — и мы сможем вернуть их назад. Только не всех. Есть такие, которым уже ничем не поможешь.

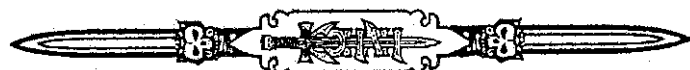
— Но мы не можем преследовать этих птиц или кто они еще там такие, не имея понятия, куда они улетели. И откуда появляются.

— Это нам и не нужно. Чудовища явятся сами. Надо только подождать... и я не думаю, что очень долго.

Алеу не ошибся.

Ближе к вечеру хлопанье множества крыльев возвестило о приближении чудовищ, которые, в самом деле, появлялись не с неба, а словно выныривали откуда-то из-под земли, стремительно взлетали и камнем падали на берег, в последний момент разворачивая огромные, не менее пяти локтей в размахе, темно-бурые крылья.

Впрочем, почти половина птиц имели иную окраску, которую можно было определить как грязно-белую: такие казались меньше по размеру и держались чуть в стороне. Самым ужасным было то, что все они были человекоподобными и

вместо птичьих голов имели людские лица, только глаза были так широко расставлены, что казались расположенными почти на висках, носы напоминали загнутые вниз кривые клювы с ноздрями в виде круглых отверстий в верхней части, а рты выглядели как безгубые провалы.

Крылья их оканчивались человеческими же кистями однако с четырьмя пальцами и крепкими острыми когтями, ноги же ничем не отличались от собственно птичьих, как у орлов или ястребов.

Впечатление птицелюди производили на редкость отталкивающее, особенно учитывая источник имевший отвратительный запах.

Бурые уселись на берегу, образуя полукруг: они с явным интересом разглядывали киммерийца и Алеу, по-птичьи поворачивая головы и изредка моргая нижними, лишенными ресниц веками.

А грязно-белые, возбужденно взмахивая время от времени крыльями, начали приближаться, стремясь захватить обоих спутников в кольцо.

Относиться к этому можно было единственным образом — как к явному нападению. Количество же человеко-птиц было весьма впечатляющим — порядка полусотни особей, поэтому даже безрассудно отважный варвар понимал, что, вступив с ними в открытый бой, ничего не стоило поплатиться за это жизнью.

Однако, похоже, что пернатые агрессоры на ставили своей целью убивать людей — у них были какие-то свои планы.

— Самки,— тихо сказал Алеу.— Белые — это их самки.

— Какая разница? — спросил киммериец.— Они тебе кажутся более привлекательными, и тебе больше понравится быть разорванным на части как раз ими?

— Я вообще не намерен позволить себя разорвать. Думаю, что и ты тоже. Но здесь силой не взять — тварей слишком много. Кроме того, даже если удастся их прогнать, они улетят, а о судьбе тех, кого они уволокли с собой, мы ничего не узнаем,— до сих пор голос юноши звучал не громче шепота, но после этих слов Алеу неожиданно поднялся и пошел навстречу белым человеко-птицам, не сводя глаз с одной из них, и восхищенно воскликнул, так, чтобы они его слышали: — Боги, какая красавица! Ни одна человеческая женщина не смогла бы с тобой сравниться!

Та, к которой он обращался, в замешательстве замерла на месте, а потом с комичной гордостью встряхнулась и расправила хвост; прочие же, наоборот, недовольно заклекотали, хотя тоже не без удивления.

Очевидно, твари привыкли к тому, что самый их вид пугает людей до безумия и способен исторгать лишь вопли ужаса и отвращения. Этот же человек вел себя совсем по-другому.

— Ты же не сделаешь мне ничего плохого, верно? — продолжал Алеу, подходя еще ближе.— Да и зачем? Посмотри: у меня нет ни когтей, ни жестких перьев, как у тебя, но я и не собираюсь

с тобой драться. Мы ведь и так легко договоримся миром.

Произнося эти слова, юноша страстно мечтал временно утратить обоняние, ибо чем более он приближался к белокрылым чудовищам, тем непереносимее делалась исходящая от них вонь, похожая на запах подгнившего лука.

Конан поддержал его не лишенный оригинальности замысел и, в свою очередь, принялся обхаживать еще одну пернатую дрянь, злорадно отмечая, как это выводит из терпения тех, что остались без внимания.

Стравить этих тварей между собой — а там дело пойдет куда проще!

— Понимаю, ты не можешь назвать свое имя, прекрасная дочь земли и небесных высот,— гнул свою линию Алеу, стараясь ни на секунду не прекращать свои хвalebные речи,— но я ведь должен как-то обращаться к тебе. Как же обычно тебя называют?

Он приблизился к своей «избраннице» вплотную и, пересилив отвращение, нежно коснулся мерзких перьев на ее груди.

— Ро-А,— голос птицы прозвучал не мелодичнее вороньего карканья, но чувствовалось, что страхолюдная тварь полагает его звучащим по меньшей мере торжественно и горделиво.

— Ро-А! — повторил юноша.— Звучит превосходно! Ты, верно, хочешь, чтобы я полетел вместе с тобой туда, где вы все обитаете? Тебе нравятся человеческие мужчины? У тебя прекрасный вкус, Ро-А, и я бы ничуть не возражал со-

вершить такое путешествие, вот только у меня нет таких замечательных крыльев...

В ответ Ро-А развернула крылья и накрыла его ими, словно обнимая. Алеу задержал дыхание, рискуя в противном случае потерять сознание от невыносимого смрада. По счастью, объятие было кратким.

Человеко-птица отпустила его — чтобы, слегка взлетев над землей, перехватить поудобнее, зацепив когтями поперек туловища со спины и, демонстрируя невероятную силу, поднять в воздух. Когти ее, подобно металлическим крючьям, глубоко вонзились в живую плоть так, что выступила кровь. Да, особо чутким отношением к своим «избранникам» эти гадины явно не отличались. Юноша крепко сжал зубы.

— Ро-А,— проговорил он, морщась от боли,— ты бы все-таки полегче, не бревно ведь волокешь.

Человеко-птица издала встревоженный и, можно было поклясться, извиняющийся возглас, но хватку не ослабила, так что ничего другого, как терпеть столь бесцеремонное обращение, не оставалось.

Краем глаза Алеу успел заметить, что примеру Ро-А последовала и вторая «счастливица», чьей добычей стал Конан, впрочем, вопрос о том, кто там был чьей добычей, оставался открытым. Вся стая, в том числе и бурые твари, не участвовавшие на сей раз в деле похищения, дружно снялась с места, причем летали они не только не хуже обычных птиц, но даже значительно быст-

рее, и определить направление движения, находясь среди них, не удавалось.

Только оказавшись достаточно далеко от берега, на покрытом скалами острове посреди океана, человеко-птицы вновь опустили на землю. По счастью, Ро-А не разжала когтей раньше времени, а опустила свою ношу довольно осторожно, так же как и вторая ее «подруга», после чего обе весьма подозрительно и грозно огляделись, злобным клекотом напоминая прочим грязнобелым созданиям, что эти двое по праву принадлежат им — и только им.

Впрочем, эти сигналы здесь ни на кого особенно впечатления не произвели.

Один из самцов решительно подошел к Ро-А и что-то быстро и зло произнес на своем языке, указывая на пленников; та в ответ недовольно дернула уродливой головой, явно не соглашаясь, а когда бурый стал настаивать на своем, вытянула шею, грозно растопырила перья, поставив их почти вертикально, и зашипела почище змеи.

Назревала драка, потому как самец и не подумал испугаться, а принялся наступать на «красотку», злобно взмахивая крыльями. Однако тут на помощь Ро-А пришла ее не менее удачливая и решительная «подруга», прикинувшая, что сейчас они должны быть заодно.

Сообразив, что с двумя разъяренными самками лучше не связываться, бурый презрительно развернулся и удалился, всем своим видом выражая недоумение по поводу их безрассудства.

Так или иначе, «камень раздора» в стаю был запущен весьма точно. Все это, тем не менее, не помешало человеку-птицам, взяв киммерийца и Алеу в кольцо, препроводить их к зданию, весьма напоминающему многоступенчатую пирамиду, после чего их втокнули внутрь, где они оказались в обществе обычных людей.

Но великие боги, что это были за люди!

Обезумевшие от страха, а некоторые уже явно утратившие рассудок, рыдающие мужчины и женщины сидели и лежали прямо на каменном полу, и появление пары новых товарищей по несчастью ни у кого не вызвало особого любопытства.

— Слушай, а птички-то ничего, — нарочито громко обратился юноша к своему спутнику, — вот еще б не воняли так мерзко, цены бы им не было. Только вот не сплеховал ли я, похоже, не самую лучшую выбрал, твоя мне что-то больше нравится.

— Ты это брось, — возразил Конан, подыгрывая товарищу. — Я свою Ки-Ай тебе ни в жизнь не уступлю.

— Ну и не надо. Подумаешь... Не уступит он! А я ее у тебя отобью! Или давай поменяемся. Моя, кстати, шипит громче.

— Очень надо! А моя зато летает выше. Так что можешь не рассчитывать. И вообще я ее первый заметил.

Столь странный разговор все-таки привлек внимание несчастных, ход мыслей которых явно никогда не развивался в подобном направлении.

— Вы что... знакомы с чудовищами? — подавала голос какая-то женщина. — По именам их зовете... и не боитесь.

— Чего там бояться-то? — хохотнул Алеу. — Бони разве что.

— Они убийцы, — сказала та же женщина. — Их нельзя победить. Многие пытались сражаться с этими тварями, только никто не остался в живых.

— Плохо, значит, пытались, — решительно заявил варвар. — Вы только посмотрите на себя! Разве достойно просто сидеть здесь, трястись от страха и покорно ждать неминуемой смерти?

— Мы давно забыли, что такое достоинство, — обреченно согласилась женщина, — Все мы здесь мечтаем только об одном: чтобы нас убили как можно быстрее. Чудовища пьют нашу кровь... насилуют... а сопротивляться им бесполезно, потому что прежде, чем заняться своей жертвой, они делают с человеком нечто такое, от чего не может даже шевельнуть пальцем, пока они не закончат, хотя все чувствуют и понимают. От этого сходят с ума... Наши мучения происходят из дня в день, из ночи в ночь. Твари не ведают жалости. Всех нас приволокли сюда, чтобы их правители могли выбрать себе лучших и превратить их в своих невольников. Со временем они намерены подчинить своей власти всю Хайборию. Птицелюди владеют человеческой речью... ничего не боятся... они невероятно сильны!

— А почему некоторых людей они отпускают назад живыми? — поинтересовался Конан.

— Только безумцев,— вздохнула его собеседница.— Они уже больше ни на что не годны. Или же для того, чтобы они могли рассказать о них...

— ...и страх бежал бы впереди них,— закончил за нее киммериец.— Понятно! Выходит, сегодня же они примутся за нас. Вижу, лучше было бы сразиться с ними там, на берегу.

— А мы там и начали сражение,— заметил Алеу.— Раз уж их так сложно убить... пусть сами перебьют друг друга! И послушайте все, кто еще способен хоть что-то слышать. Если вы утверждаете, что рано или поздно смерть от их когтей и клювов неминуема для каждого, то решитесь принять ее в бою. Помогите нам, когда это понадобится!

Люди окружили спутников, заговорив все разом. Кто-то пытался поведать о своем похищении, кто-то оплакивал убитых близких, нашедших на этом острове свою смерть, но было видно, что присутствие готовых к решительным действиям героев вселило в остальных надежду.

— Замолчите! — повысил голос варвар.— Если будете так тараторить, я все равно ничего не разберу. Вы сказали, что у них есть правители... а видеть-то вы их видели?

Толпа снова загудела. По-прежнему разобраться в том, что они хотят сказать, было совершенно невозможно.

— Я сказал: тихо! — рявкнул выведенный из себя Конан.— Пусть говорит кто-то один.

— Я скажу.

Люди расступились, давая дорогу еще одной женщине, в которой киммериец с изумлением признал... Халану! Она тоже узнала Конана и смотрела на него выжидающим взором.

— Халана,— наконец смог вымолвить варвар, взяв ее за руки,— Иава погиб достойно. Прости, что я не смог его уберечь.

Глаза женщины оставались сухими — видно, все ее слезы давно иссякли.

Она склонила голову.

— Мы все равно когда-нибудь встретимся с ним,— произнесла она затем.— Мы с Иавой созданы друг для друга, и я привыкла ждать его долгие годы. Думаю, мне немного осталось, ведь теперь он ждет меня. Чтобы никогда больше не разлучаться...— Халана вздохнула.— Что ж... Ты хотел знать об их правителях? Да, Конан, таковые существуют, но они не похожи на остальных тварей. Ибо господин человеко-птиц — такой же человек, как и мы. А госпожа его — черная птица, похожая на самку орлов. Две сотни лет длится сей странный союз, и все их подданные — порождение этих двоих, сами не способные размножаться. Стая — своего рода огромная семья. Но с некоторых пор правительница-птица, имя ее То-Ла, ищет мужчину, который станет отцом ее детей, ибо муж ее сделался стар и немощен. Когда-то она наделила супруга даром долгой, но не вечной жизни, поделившись с ним своим *временем*, но теперь силы его иссякают, и он поддерживает их за счет того, что питается кровью людей, которых приносят ему его чудовишные

отпрыски, позволяя им затем поразвлечься с несчастными... соответственно полу.

— Но как могло случиться, что человек...

— Я же сказала: дар долгой жизни. И большая власть. Красавец Леард согласился любить То-Ла за это — и с тех пор они вместе. Многих мужчин за последние годы бросали к ее ногам пернатые разбойники, но То-Ла отвергала их одного за другим.

— Что же ей нужно?

— Новый Леард. Достаточно гордый, бесстрашный и честолюбивый, способный выдержать танец с нею.

— Танец?..

— Да! Брачный танец, как положено у птиц... Варвар и Алеу переглянулись.

— И что же, тот, кто выдержит, станет новым правителем чудовищ?

— Это так.

— А Леард?..

— Леарду осталось совсем немного. Но до сих пор То-Ла не нашла подобного ему, и с каждым днем все возрастает гнев госпожи тварей. Так что сегодня же вечером вы оба будете представлены правительнице-орлу.

— А что происходит с теми, кто не оправдал ее ожиданий?

— То-Ла бросает их своим дочерям, а потом, когда те вполне насытятся, Леард, это старое чудовище, питается их кровью.

— Значит, грязно-белые самки предпочитают людей своим братьям...

— Да. У них существует поверье, что если нормальный мужчина полюбит человеко-птицу, то она обратится в прекрасную женщину, только с крыльями за спиной. Они все стремятся к этому. Самки ненавидят свои лапы, перья, клювы... свой омерзительный запах, наконец. Но ведь они столь гадки на вид, что пока никто... однако эти уродливые гадины продолжают надеяться.

— Халана! Откуда ты знаешь о них так много? — Я говорила с некоторыми из них — с самками. Ведь я их не боюсь... смерть Иавы была самым страшным, что могло случиться в моей жизни. И когда он погиб, я утратила способность бояться чего-то или кого-то еще.

— Но ты же не знала...

— Конечно, я знала об этом, киммериец. В миг, когда остановилось его сердце, я почувствовала это. Ничего удивительного, ведь оно билось как одно целое с моим.

* * *

...Халана не ошиблась. Не прошло и нескольких часов, как за спутниками пришли — только за ними двоими. Бурые самцы вывели варвара и Алеу из пирамиды и, подхватив когтями, отнесли во дворец — пред грозные очи великой Матери, правительницы То-Ла.

Странную пару представляла она со своим древним супругом, который был так стар, что спал даже сейчас, лишь изредка вздрагивая и открывая мутные бесцветные глаза. У них был один трон на двоих, но сделанный таким обра-

зом, что госпожа-орел располагалась на его высокой спинке, позади Леарда. Прежде она, точно охотничий сокол, любила сидеть на его одетой в длинную кожаную перчатку руке — до тех пор, пока ее муж с легкостью был способен поднять руку вместе со своей пернатой госпожой; теперь же дряхлый старец не удержал бы и воробья. В больших карих глазах То-Ла светились ум и тоска. До сих пор ослабевший Леард не вызывал у нее отвращения.

Отблеск прежней любви заставлял ее задумчиво перебирать клювом поредевшие седые волосы на его голове — она помнила их буйной, иссиня-черной гривой, и горестный клекот правительницы-орла бывал похож на настоящий человеческий плач.

И иногда в голову То-Ла приходила мысль, что когда закроются навсегда глаза Леарда, поднимется она высоко в небо, сложит огромные крылья и бросится грудью на скалы, чтобы только не жить в разлуке с любимым... Но правительница человеко-птиц была слишком сильна и горда, чтобы так поступить.

Насколько омерзительны были порождения То-Ла и Леарда, настолько же прекрасной казалась сама правительница-орел. И в окружении бурых и грязно-белых тварей эта красота сияла особенно ярко.

Конан без страха вошел и встал перед нею спокойно и прямо, легко выдерживая острый, пристальный птичий взгляд. При виде варвара То-Ла востропнулась, и сердце сильнее забилося

в ее груди. Ей показалось, что сам молодой Леард стоит перед нею в прежней, былой своей силе, — синеглазый, черноволосый, с чеканным суровым лицом и высокими скулами, живое воплощение мужества. Правительнице не требовалось испытывать этого мужчину — она *узнала* того, которого ждала так долго, что уже почти отчаялась когда-либо отыскать.

О, эти руки выдержат ее... Он не прятал глаз, не склонял головы перед нею. Этот гигант с черной спутанной гривой волос должен стать ее повелителем! Откровенно любясь киммерийцем и даже не замечая стоящего рядом с ним Алеу, То-Ла не обратила внимания и на то, как тревожно завопили у подножия трона две ее дочери, Ро-А и Ки-Ай, успевшие прежде нее обрести надежду, что именно в них сбудется древнее поверье.

Но птицелюди пока не смели обратиться к своей госпоже; право решения оставалось за нею. То-Ла взмахнула крыльями и, взлетев со спинки трона, описала широкий круг над головой Конана. Тот по-прежнему спокойно наблюдал за нею. Правительница-орел ждала, как поступит приглянувшийся ей мужчина: что, если он сам все поймет и просто протянет к ней правую руку, чтобы она могла сесть на нее и успокоиться... еще не менее чем на двести лет? Ибо сама То-Ла не могла умереть, хотя убить ее было возможно. Правительница не просто кружила — ее движения в самом деле напоминали танец, к которому она приглашала своего избранника.

Варвар понял ее.

Однако не сдвинулся с места.

— Послушай, То-Ла,— заговорил он вместо этого.— Я знаю, что тебе нужно. И вижу, что пришелся тебе по нраву. Но это невозможно. Разве за двести лет ты не поняла, что богам не угоден союз птиц и людей? Посмотри на них,— он указал правительнице-орлу на ее детей.— Они безобразны, в них не осталось ни твоего величия и красоты, ни мужества твоего супруга. Неужели ты желаешь повторить весь этот ужас сначала?.. Я — нет. Зачем мне жить двести лет — и потом стать таким же, как он, твой былой возлюбленный? Лучше я умру молодым и в бою. Зачем мне любить птицу и плодить чудовищ? Я — человек, и сердце мое принадлежит тому миру, где я родился. Я не смогу быть с тобой.

Прекрасные карие глаза То-Ла блеснули гневом, а клекот сделался угрожающим. Впрочем, ее избранник и не мог не быть дерзким. Что ж... она обернулась к птицелюдям и что-то сказала им — увы, говорить по-человечески ей самой дано не было, хотя Леард понимал ее и без слов.

Но прежде, чем те успели перевести ее слова, вмешался Алеу.

— Я понимаю тебя, правительница-орел. Ты хочешь вызвать моего друга на поединок, чтобы он доказал свое право на дерзость.

Впервые за все время То-Ла взглянула на юношу, причем — в крайнем изумлении.

Сам по себе Алеу ее нисколько не привлекал. По сравнению с варваром он, в самом деле, выглядел несколько бледновато. Но этому строино-

му юноше не требовалась человеческая речь, чтобы ее понимать, и... он смотрел на нее с восхищением и сочувствием! Заметив интерес матери, Ро-А не выдержала, забила крыльями в воздухе, начала нервно переступать по ковру и едва заставила себя успокоиться под ледяным взглядом правительницы.

— Так ты хочешь сразиться со мной, То-Ла? — Конан был вполне готов принять вызов.

Да, она хотела!.. Когда-то биться с Леардом ей не потребовалось. Он был более сговорчив, честолюбивый младший сын аргосского короля, готовый ради власти всю жизнь прожить хоть со змеей, не только что с птицей.

Этот был похож на него... но только внешне. Он сам был слишком свободолюбив и стремился к собственным небесам. То-Ла снова издала гортанный клекот.

— Она спрашивает, знаешь ли ты, что будет, если ты проиграешь поединок,— пояснил Алеу.— Тогда меня благополучно отдадут вот этим... девочкам,— он незаметно подмигнул Ро-А, тут же начавшей прихоращиваться, поправляя клювом встопорщенные перья,— а ты должен будешь навсегда остаться с нею...

— А если я одержу победу — пусть поклянется отпустить не только нас, но и всех, кого удерживают здесь силой,— спокойно кивнув, сказал киммериец.— И пусть они с этих пор перестанут охотиться на людей!

Правительница-орел выразила свое согласие, велев подданным расступиться, дабы освободить

ей и Конану место для битвы. Но... она сказала еще не все и вынуждено была добавить несколько слов.

— То-Ла говорит, что она сможет использовать лишь то, чем наделена от рождения. У нее нет оружия. Значит, у тебя тоже не должно его быть,— перевел Алеу слова госпожи птицелюдей.

Варвар протянул ему меч, нимало не смущаясь и этим условием. Едва только он сделал это, правительница-орел бросилась на него, стремясь полоснуть твердыми и острыми, как заточенная сталь, когтями.

Впрочем, поначалу она не особенно усердствовала, стараясь скорее измотать своего противника, нежели убить или изуродовать. Сражаться с огромной мыслящей птицей голыми руками было занятием достаточно неблагодарным — ну что можно было сделать с нею, такой подвижной, нападавшей, кажется, со всех сторон одновременно, стремительно взлетающей вверх — и бросающейся вниз, точно камень?! Оставалось только защищаться. Больше всего опасений вызывало то, что она постарается вцепиться в глаза...

Конан избрал почти ту же тактику, что и правительница: брать врага измором, ждать, пока она начнет выдыхаться, уставать, допускать ошибки.

В таком поединке побеждал не тот, кто окажется сильнее, но — выносливее и более способным продержаться как можно дольше.

Тело киммерийца однако мгновенно оказалось исполосованным когтями и клювом То-Ла. Алеу

едва сдерживался, чтобы не броситься на помощь другу — и, кажется, то же самое испытывала Ки-Ай, откровенно сочувствующая варвару. И даже древний Леард с интересом следил за происходящим: мутные глаза старца прояснились, он весь подался вперед, вцепившись скрюченными пальцами в подлокотники трона, и беззвучно шевелил губами.

В какой-то момент Алеу понял, что Леард вовсе не на стороне своей могущественной супруги; в самом деле, измученное сердце этого человека сжималось сейчас слишком сильно, ибо в черноволосом гиганте-киммерийце он тоже увидел самое себя — молодого и сильного, снова стоящего перед выбором... поистине страшным выбором!

Около двух сотен зим понадобилось честолобивому аргосцу на то, чтобы это понять. Тысячи жутких ночей любви с пернатой властительницей, которой он так дешево и легко продал когда-то свое тело и душу.

В очередной раз То-Ла спикировала на варвара, стараясь страшным ударом швырнуть его на пол и заставить принять поражение — и в очередной раз тот устоял на ногах, отбросив ее от себя. Конан чувствовал, что начинает сдавать.

От мелькания крыльев рябило в глазах, он терял силы, вместе с кровью вытекающей из глубоких ран, которые наносила ему правительница-орел. Уже следующий удар все-таки сбил киммерийца с ног, и То-Ла тут же вцепилась когтями ему в грудь, стараясь добраться до сердца.

Варвар резко перевернулся, подмяв ее под себя и схватил рукой за крыло, ломая правительнице кости...

— Убей ее! Не поддавайся! — закричал вдруг Леард, приподнимаясь с трона. — Нет ничего хуже, чем... — он не договорил; сердце старика не выдержало чудовищного напряжения, и аргосец рухнул на пол с остановившимся сердцем и дико выкаченными глазами.

Возможно, То-Ла еще вполне способна была сражаться. Однако услышав подобные слова из уст своего возлюбленного, она оказалась раненой куда более жестоко, чем действиями Конана: правительнице было невыносимо поверить, что купленную когда-то любовь оказалось так легко предать... Киммериец приподнялся, наступив коленом на грудь То-Ла, и свернул ей шею. Карие глаза властительницы птицелюдей навсегда потухли...

Алеу, Ки-Ай и Ро-А одновременно бросились к варвару, но тот отстранил их и сам встал на ноги, правда, на сей раз ему все-таки пришлось опереться на плечо своего друга.

Птицелюди приближаться пока не смели, очевидно, поняв, что для них все кончено — за исключением все тех же двух грязно-белых самок, взиравших на Конана и Алеу с прежней надеждой в жутких круглых глазах. Не обращая на них внимания, спутники покинули дворец и поспешили в сторону той самой пирамиды, в которой были заключены прочие узники пернатых чудовищ. Сообразив, что им нужно, Ки-Ай и Ро-А,

подхватив когтями, доставили их туда почти мгновенно, однако когда засовы с дверей были сбиты, и освобожденные устремились наружу, человеко-птицы словно опомнились.

Оба их правителя были мертвы, но оставшиеся в живых не собирались так легко расставаться со своей добычей! Только теперь все оказалось по-другому. Люди, осознавшие, что мерзким тварям можно противостоять, жертвами более быть не желали и сражались отчаянно, спасая не только свою жизнь, но и достоинство.

На место каждого погибшего вставляли новые и новые. Неожиданную поддержку они получили с воздуха, от Ки-Ай и Ро-А, бившихся на стороне людей.

О, почувствовавшие себя счастливыми самки были не намерены отказываться от своей идеи! И безумной надежде одной из них суждено было сбыться. Множество их собратьев полегло в невиданном бою, прочие же отступили, и тогда, поняв, что ужас кончился, Алеу в восторге обнял Ро-А — и прикоснулся губами к ее безобразному лицу.

Грязно-белая самка пронзительно вскрикнула — она испытывала небывалое счастье, но тут же в этом крике послышалась смертельная боль: клюв бурого брата, выжившего в битве, вонзился в спину предательницы... Варвар прикончил этого урода одним ударом меча, а Алеу с изумлением увидел, что сжимает в руках не покрытое грязно-белыми перьями тело, но прекрасную юную девушку, только с большими белыми кры-

льями за спиной. Прежде чем глаза Ро-А закрылись, она успела прошептать:

— Я счастлива...

Ее подруге Ки-Ай превращение было не суждено даже напоследок: она погибла раньше, убитая одним из людей, в пылу сражения не разобравшегося, что она ему союзник, а не смертельный враг.

Теперь проблема состояла в том, чтобы как-то выбраться с проклятого острова. Кроме киммерийца и Алеу, в живых осталось не более двух десятков человек, и все они, немного придя в себя, принялись вязать плоты из обнаруженной среди скал растительности, в основном, тонких деревьев.

Конан в этом не участвовал. В битве с То-Ла он потерял много крови, и Алеу был озабочен тем, чтобы как-то облегчить его страдания. С его помощью варвар добрался до морского берега, разделся и, отстранив юношу, пошел в воду.

— Эй, эй, ты что делаешь?! — воскликнул парень.

Киммериец не ответил. Морская вода обожгла глубокие открытые раны, словно огонь, но он знал, что такая мера совершенно необходима — и весьма действенна.

Спустя трое суток все, кто оставался на острове, могли двинуться в путь, но тут произошла непредвиденная заминка. Спутник Конана категорически отказался ступить на плот.

— Понимаешь, — признался он, опуская голову, — я не могу этого сделать.

— Что за чушь? Ты что, собрался остаться здесь?

— Н-нет, но я... понимаешь, море... это...

— Море — что?

— Я испытываю перед ним ужас, — выдавил Алеу, багровея от стыда за подобное малодушие. — Все, что угодно... только не это!

Варвару понадобилась пара минут, чтобы переварить услышанное.

— Ты хочешь сказать, что возможен шторм, который...

— Нет! Это касается только меня.

— Боишься, что ли?

— Ну... да. Когда вокруг сразу так много воды, да еще и берегов не видно, и вообще — я не умею плавать... — голос юноши звучал все тише.

Вот такое было уже просто смешно.

У киммерийца в голове не укладывалось, ни как можно не уметь плавать, ни испытывать непреодолимый страх перед большим количеством воды.

— Алеу, — сказал она наконец, — ты понимаешь, что это позор?

Парень снова покраснел до корней волос и отвернулся, совершенно раздавленный. Тут к ним подошла Халана.

— Что случилось, Конан? Отчего вы медлите? Скорее, ждут только вас.

Показывать свой страх еще и перед женщиной было совсем уж невыносимо.

Алеу судорожно сглотнул слюну, в полном отчаянии и панике бросил взгляд на расстилающуюся

юся впереди водную гладь и поплелся вслед за варваром. Но если стыд оказался сильнее страха, то справиться со своим непривыкшим к морским путешествиям организмом юноше так и не удалось.

До тех пор, пока они не достигли твердой земли, Алеу стоял на четвереньках — а потом и вовсе лежал — на краю плота, извергая из себя содержимое желудка. Хуже того, время от времени он терял сознание, а цвет его лица менялся от зеленого до серого. Говорить несчастный вообще не мог, и только смотрел на Конана, печально и измученно хлопая огромными глазами, а тот боролся с желанием дать своему приятелю хорошего пинка под зад, столкнуть в воду и научить его плавать древним, как мир, способом...

Глава третья

В самом сердце Бритунии — наверное, в этом путешествии Конану попросту следовало бы вообще обходить крупные города как можно дальше, ибо Алеу, сталкиваясь с большим количеством людей, проявлял себя порой хуже ребенка: он, несмотря на свой дар и горький опыт, был слишком доверчив — они снова попали в ситуацию, которая едва не положила конец их продвижению в Ландхааген.

Пока их путь лежал через бритунские селения, чем-то напоминающие Туонелл, особых проблем не возникало — Алеу, вся жизнь которого прошла в подобном же месте, повышенного интереса ни к чему не проявлял и легко находил общий язык с местными селянами, миролюбие которых соответствовало его собственной натуре и, в особенности, с милovidными белокурыми женщинами, весьма расположенными к тому, чтобы немного развлечься с юнварварм красав-

цем. Как известно, Алеу был твердо уверен, что в таких случаях посягает на чью-то собственность — он вообще не мог понять, как человек, независимо от пола, может кому-то принадлежать, он же не вещь и не скотина. Если возникает обоюдное влечение, отчего бы и не провести вместе время?

Приветливые улыбчивые бритунки, в отличие от него, прекрасно все понимали, однако не отказывались уделить симпатичному чужаку, выгодно отличавшемуся по внешнему виду от местных мужчин, пару-другую часов, так что парню редко какую ночь приходилось приводить в одиночестве.

Так вышло, что, оказавшись в столице Бритунии, Келбаце, спутники разделились.

Относительно крупный, хотя и слабо укрепленный город поразил Алеу, и он убедил варвара задержаться здесь хотя бы на один день, который они потратили с толком, шатаясь по местным кабакам, и к вечеру были уже изрядно навеселе.

Особенно Алеу, который на редкость неуверенно держался на ногах, непрерывно смеялся и, не закрывая рта, нес всякую чушь, что, впрочем, вовсе не мешало ему продолжать обильные возлияния. Тем более, что в один прекрасный момент к ним присоединился третий спутник, тоже не местный и, подобно им, казавшийся изрядно навеселе. Выглядел он пренеприятно — лысоватый, плюгавый, да еще без нескольких передних зубов, зато оказался довольно щедрым и, явно

располагая приличными средствами, принялся угощать приятелей за свой счет, между делом выясняя, кто они и куда направляются. Относительно цели своего путешествия киммериец, даже будучи в изрядном подпитии, распространяться не пожелал, а Алеу так попросту не мог — у него слова перестали связываться между собой в доступную пониманию речь.

Однако когда на одном постоялом дворе варвар притянул к себе приглянувшуюся ему девушку, которая, недолго думая, плюхнулась к нему на колени и обвила руками его мощную шею, юноша немедленно принялся озираться вокруг в поисках ее товарок. Не найдя никого подобного, он сразу же помрачнел, а щербатый «благодетель», заметив его состояние, хлопнув парня по плечу, подмигнул ему:

— Эй, Алеу, не грусти, не одна баба на всю столицу! Есть у меня на примете роскошная девушка, не этой кобыле толстозадой чета. Я, признаться, сам не раз к ней навевывался, когда бывал в Келбаце по торговым делам, да так уж и быть, тебе уступлю...

— А чем торгуешь-то? — отчего-то поинтересовался юноша.

— Да все больше скотинкой, дружок, — охотно отозвался щербатый, мелко хихикая, — дело прибыльное, жалеть не приходится.

— Овцами, что ли?

— Ими, ими, кем еще, овцами, да. И покрупнее тоже случается. Это уж как повезет договориться.

Он пододвинул поближе к Алеу еще один едва початый кувшин темно-красного вина, и парень, благодарно икнув, присосался к краю кувшина, проливая часть благодатной жидкости на рубаху, но не обращая на это никакого внимания.

— Во-во,— одобрительно закивал щербатый, имя которого как-то не удержалось в голове Алеу,— сразу видать, что ты воин. Иной бы давно под столом отдыхал, а такому мужчине хоть бы что!

Парень мотнул головой, подтверждая, что да, он действительно... вполне... и затем, утерев губы рукавом, проговорил:

— Так это... девка-то... куда подевалась?

— Да ее здесь и не было,— округлил глаза щербатый,— я говорю, живет она тут неподалеку, пошли, провожу...

Косясь на Конана, не особо успевающего следить за происходящим вокруг,— у него было занятие куда более увлекательное,— щербатый, аккуратно поддерживая Алеу, вывел его за пределы заведения. Едва они переступили порог, мутноватый пьяный взгляд «благодетеля» чудесным образом прояснился, сделавшись оценивающим, острым и злобным — но юноша этого не замечал.

Цепкие крючковатые пальцы вцепились в его плечо, не позволяя упасть и заставляя перебирать ногами, перемещаясь в нужном направлении.

Прошло довольно много времени, прежде чем варвар обнаружил отсутствие своего спутника.

Он позвал Алеу, рывкнув так, что у сидящих поблизости заложило уши, и, не получив никакого ответа, обратился к испуганно отпрянувшей от него красотке:

— Где... парень? Ну, который со мной пришел?

— Я не видала,— ответствовала та, ошалело хлопая глазами,— да ну его, зачем он нам нужен? Куда он денется, после встретитесь.

— И то верно,— охотно согласился киммериец,— сам придет, не маленький...— и снова впился губами в жаркий рот своей подружки.

Однако основательно проспавшись после попойки и весело проведенной ночи, он не обнаружил и следов присутствия своего спутника. Что, опять то же самое, что было тогда — с Аддой? Ну что ты скажешь...

Кстати, кроме Алеу, возле них крутился этот... как его... Нергал, разве теперь вспомнишь! Впрочем... Растолкав девицу, Конан с ходу спросил, не знает ли она, часом, что за тип ошивался возле него и Алеу.

— Ах, этот,— зевнула красотка, протирая глаза,— Лысый Шенар? Фу, мерзкий тип. И жа-адный...— протянула она, недовольно морщась.— Я не знаю, откуда он родом, а в наши края забредает из-за рабов...

— Из-за рабов? — переспросил варвар.

— Ну да. Я толком-то мало что знаю, но слышала, будто Лысый Шенар ворует наших женщин — они высоко ценятся на невольничьих рынках по всей Хайбории — и продает немедийским ра-

боторговцам. И сильных мужчин тоже, хотя они и ценятся куда ниже...

— Как это — ворует?

— Э, чего проще... опаивает до бесчувствия либо подсыпает какую-нибудь сонную дрянь... а там уж... Вообще-то, он больше на заказ работает, и товар у него штучный. Вывезти двоих-троих не так уж и сложно, особенно если опыт имеется. Ну, а двадцать тысяч золотых монет, что он выручит за одну женщину, и даже восемь — за мужика, на дороге не валяются, — девица снова зевнула с таким видом, будто все это было делом обыденным и скучным.

Киммериец сжал кулаки.

— Штучный товар, говоришь... так что ж ты, метла облезлая, вчера мне ничего не сказала?!

— А чего было говорить?! Ты вчера про него вовсе и не спрашивал!

— А то, что он увел моего друга — ты не видела, можно подумать?

— Так того и ты не видел. И я твоему дружку, между прочим, не жена, не сестра и не мать, чтобы следить, с кем да куда он пошел... сам вчера говорил — не маленький...

Несмотря на безразличный тон и манеру говорить, лениво растягивая слова, одевалась красotka невероятно шустро с явным намерением побыстрее улизнуть — то ли опасаясь вспышки ярости со стороны варвара, то ли не желая никаких дальнейших распросов.

— А ну стой! — Конан схватил ее за руку. — Где можно найти эту лысую мразь?

— Пусти... — жалко и теперь уже с откровенным страхом в голосе пробормотала девица, благоразумно не предпринимая однако попыток освободиться. — Я не знаю!

— Только не надо мне врать, — варвар говорил тихо, но синие глаза пылали беспощадным холодным огнем, и в них ясно было видно, что он убьет, не задумываясь, — все ты знаешь.

Его пальцы на плече девушки сжались чуть сильнее, и той показалось, что, если он еще хотя бы самую малость увеличит давление, ее кости немедленно хрустнут и переломятся.

Мысленно проклиная свой болтливый язык, — а ведь всего-то хотелось слегка отомстить лысому сквалыге за жадность, ведь она, Элрина, не раз выручала Шенара, и разве он когда-нибудь умел по достоинству оценить ее услуги?! — нет, отделялся парой-тройкой монет! — она лихорадочно пыталась придумать, как бы извернуться, не наговорив совсем уж лишнего. А ведь как замечательно у них все получилось вчера! Элрина сразу смекнула, кого из двоих спутников наметил себе в качестве жертвы Шенар, хотя глаз у него горел на обоих.

Но лысый никогда не был дураком и отлично знал, что не стоит стараться отхватить кусок не по зубам, так и подавиться можно.

Гигант-киммериец, например, ему не очень-то подходил, такого не выведешь за пределы Бритунии, как быка на веревочке, а вот мальчишку — другое дело, вполне сгодится. Их бы только разделить, а там... Поэтому она взяла Конана на

себя, предоставив Алеу «заботам» работорговца, и все прошло как по маслу. А теперь? Ох, вот же дурища!

Если этот бешеный варвар не прикончит ее на месте, так потом с нею разделается сам Шенар. Вот что значит оказаться между двух огней...

Остается надеяться, что лысый уже достаточно далеко, он не станет зря терять время. Шенар любил повторять, что время, которым он располагает,— это деньги, которых у него нет.

Врал, разумеется, насчет денег, старый пень. За несколько лет, в течение которых он промышлял работорговлей на памяти Элрины, уж всяко успел нахапать столько, что на десять жизней хватит. А все жметя, трясется над своим добром, образина щербатая, других за гроши подставляет...

Девушка очень натурально всхлипнула.

— Я не служу Шенару! Мне известно о нем лишь понаслышке, но...— она спохватилась, не дожидаться же, пока черноволосому надоест слушать неубедительные байки! — я попробую проводить тебя к его женщине, Сафине. Шенар всегда посещает ее, когда появляется в наших краях... вот уж ей-то точно известно куда больше, чем мне.

— Ну, если ты опять врешь...— предупредил киммериец,— я попросту утоплю тебя в сточной канаве, лживая дрянь.

Не отпуская от себя Элрину ни на шаг, варвар проследовал за нею по узким грязным улочкам Келбацы.

Девушка тряслась от страха и с опаской поглядывала на своего спутника — или стража. Кстати сказать, чем дальше они шли, тем неудачней казалась ей собственная идея столкнуть варвара с самой Сафиной, ибо та слыла колдуньей, и суеверной Элрине уже представлялись всякие ужасы, которые может проклятая ведьма сотворить с нею, если узнает о предательстве. Вот возьмет и превратит в крысу... бр-р-р...

* * *

— Это что еще за новости, Шенар? — возмущению Сафины, казалось, не было предела. — Еще один?! Мы так не договаривались!

Алеу почти висел, закинув руку на плечо щербатого «благодетеля». Количество выпитого давало о себе знать. В глазах у парня двоилось, ноги совершенно не слушались, а язык просто-напросто отказывался поворачиваться во рту.

Тем не менее, даже в таком состоянии он разглядел, что обещанная девушка не поверку оказалась женщиной средних лет, весьма далекой от совершенства, с крупными грубыми чертами лица, к тому же перекошенного гримасой откровенного раздражения.

— погоди,— прошипел лысый,— ты что, дура, ослепла?! Да ты только погляди на него!

С этими словами он втокнул Алеу в дом, поразивший юношу прежде всего запахами каких-то незнакомых терпких трав. А вместо грубой и мощной бабищи перед ним вдруг очутилась прехорошенькая девушка, призывно улыбающаяся и

протягивающая руки ему навстречу. Алеу радостно шагнул к ней... и отключился, рухнув на лавку и откинувшись к стене.

— Что ты, в самом-то деле, из себя гнешь?! — яростно проговорил Шенар. — Ты хоть понимаешь, сколько мы за этого красавчика получим?! — он был так возбужден в предвкушении невиданного барыша, что разорвал на груди юноши рубашку, показывая скрюченным пальцем на его мощные мышцы. — А?! Великолепный раб, из Бритунии редко доводится привозить таких, — в поисках дополнительных доказательств он силой раскрыл Алеу рот, демонстрируя два ряда крепких белоснежных зубов. — Сафина! Разве я приволок бы сюда какую-нибудь падаль?! И разве я мало плачу тебе за услуги?

Мертвецки пьяный Алеу на манипуляции лысого реагировал разве тем, что недовольно мычал и мотал головой.

— У меня есть на него покупатель, Сафина, — продолжал Шенар, — не пройдет и нескольких дней, как я получу за мальчишку больше денег, чем за тех троих девчонок и двух мужчин, которых нашел за последнее время. Ну и, конечно, разделю с тобой выручку честь по чести.

— Ну нет, Шенар, — заговорила, наконец, его верная помощница, — так не пойдет. Деньги вперед. Скажем... три тысячи монет... это пока, и две — после.

Лысый аж позеленел.

— Да ты что?! За одного?! Ты хочешь ограбить меня, Сафина, по миру пустить?!

— Тебя не устраивают мои условия? — безразлично заметила колдунья. — Ну так как хочешь. Только тогда я и пальцем не пошевелю, чтобы помочь тебе. А без меня ты ничего не сможешь сделать. Мой порошок необходим тебе, чтобы заставить мальчишку идти за собой. Причем на этот раз его потребуется куда больше, чем мы привыкли — я вижу, что он не обычный человек, его так просто дурман не возьмет.

— Как это «не возьмет», если обычное вино валит его с ног — ты что, сама не видишь?

— Ну так пой его всю дорогу до самых границ Немедии. И вези, перекинув через седло своего коня, как мешок с мукой. Но если ты хочешь, чтобы он шел сам, как бывало до сих пор, причем с радостью и полнейшей покорностью, — заплати, и я мигом избавлю тебя от всех хлопот. Тебе, между прочим, предстоит в общей сложности вести шестерых человек, а не только этого мальчугана.

Шенар аж зарычал от бешенства.

— Это твое последнее слово, Сафина?!

— Со мной торговаться бесполезно, ты же знаешь. И спорить, избегая выполнять мои указания из-за своей жадности — тоже. Вспомни только, как ты погубил двух великолепных женщин, потому что заставлял их идти не останавливаясь, не кормил и не давал воды, пока у них не остановилось сердце от усталости и истощения. А ведь я тебя предупреждала!..

— Они же сами отказывались останавливаться, есть и пить, и бежали, как две подгоняемые

укусами слепней кобылы — при чем здесь был я?! Твой порошок свел их с ума...

— Замолчи, Шенар, и не пытайся винить меня в собственных ошибках. Выкладывай лучше деньги и не болтай зря, если хочешь еще до наступления утра покинуть мой дом со всем товаром — те, остальные, вполне готовы к пути, а этим мальчиком я займусь, едва ты заплатишь за услуги. Итак, друг, всего ты должен мне шесть тысяч... Я жду!

Громко жалуюсь богам на то, что они послали ему столь жадную и безжалостную, не имеющую ни малейшего сочувствия к его тяжкому труду женщину, Шенар все же вынужден был достать деньги и трясущимися руками отсчитать требуемую колдуньей сумму.

Убедившись в точности расчетов, Сафина промолвила, не обращая внимания на изрыгаемые подельником проклятия:

— Можешь убраться прочь. Я przygotowую его к пути.

Лысый и сам прекрасно знал, что в таких случаях его присутствия вовсе не требуется, хотя и не мешает колдунье.

Все равно, понять, что именно она делает, Шенару никогда не удавалось, хотя он не один раз наблюдал за ее манипуляциями, жадно заглядывал за плечо, вытягивая жилистую шею, надеясь понять секреты Сафины, дабы в дальнейшем обойтись без ее помощи. Разумеется, его усилия ни к чему не привели, и со временем щербатый работорговец оставил сии бесполезные попытки.

Как ни жаль ему было расставаться со своими денежками, он всякий раз отстегивал колдунье кругленькую сумму за услуги — в конечном счете, такое сотрудничество оказывалось для него более чем выгодным.

Больше ему делать в ближайшие часы было совершенно нечего, и Шенар благоразумно рассудил потратить их на сон — дабы быть достаточно бодрым, когда Сафина закончит выполнение своей части работы...

Дождавшись, пока лысый, не прекращая раздраженно брюзжать, удалится в соседнюю комнату и захлопнет за собой дверь, ведьма склонилась над Алеу. Да, она явно ощущала, что парень чем-то сильно отличается от обычных людей и с ним придется повозиться. То, что он сейчас был мертвецки пьян, ее ничуть не смущало.

Наоборот, когда воля человека подавлена — все равно чем, — иметь с ним дело куда проще. Но что-то в этом юноше смущало и даже пугало Сафину. Она взяла его за подбородок, приподняла безвольно поникшую взлохмаченную голову и взгляделась в лицо.

Красив... очень мил... и не робкого десятка, похоже. Что ему нужно от жизни, чего он хочет, к чему стремится, о чем мечтает? Что для него — самое желанное?

Слава? Богатство? Власть? Множество прекрасных женщин? Или истинное счастье он обретает только в сражениях? Колдунья постаралась проникнуть в помыслы юноши. Да... все это там было, но не являлось основным. Что-то более важ-

ное наполняло собой все его существо. И этому было имя — *долг*. Долг перед какими-то людьми, которых он не знал и даже никогда не видел.

Сафина глубоко задумалась. Признаться, с подобным она сталкивалась впервые... Если бы ей потребовалось чему-то уподобить этого юношу, она могла бы сказать, что он — точно перелетная птица, стремящаяся вернуться на неведомую родину и не ошибающаяся в выборе самого короткого и правильного пути в те края.

Пусть даже за время этого пути под крыльями возникнут мозоли величиной с кулак, и есть опасность тысячу раз погибнуть. Птицу не оставишь, если только ее не убить. Или не подрезать крылья.

Ну, что ж... с ним, пожалуй, не так уж тяжело будет справиться, как ей показалось вначале. Просто нужно *сбить* его с направления и указать другое. И он будет идти, пока сердце не лопнет... да, именно так.

Ведьма отошла от Алеу, чтобы подготовиться к совершению магического акта.

Каким средством лучше воспользоваться, дабы его действие было в меру интенсивным и не слишком длительным?

Пожалуй, определенное количество высушенных и измельченных в порошок соцветий болотного растения с красивым названием ксамелл вполне подойдет.

Обычно она прибегала к значительно менее сильнодействующим снадобьям. Даже в самых малых дозах ксамелл мог безнадежно свести с

ума или даже убить обычного человека. В последний раз Сафина использовала этот порошок, почти пыль, когда у нее в ногах валялась богатая, как десять королей, наследница одного немедийского властелина, умоляя навек обратить к ней сердце ее возлюбленного, которого ей так и не удалось купить.

«Сделай так, чтобы он всецело принадлежал мне! — иступленно восклицала потерявшая разум от неутоленной страсти красавица. — Сделай — и я дам тебе столько золота, сколько ты сама весишь... и даже больше! Назначь любую цену... Только бы он желал меня одну!»

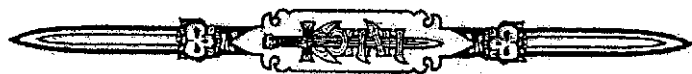
Колдунья выполнила желание знатной дамы. Она дала немедийке порошок ксамелла, разумеется, не произнося даже его названия, и научила, как пользоваться зельем.

Что ж, во всем, что произошло потом, была виновата уже сама ненасытная безумица, полагавшая, очевидно, что чем больше применить снадобья, тем надежнее и быстрее оно подействует...

Объект ее неземной страсти, в самом деле, незамедлительно пылко ответил на ее любовь, но счастье немедийки это не принесло, ибо спустя всего две луны бедолага умер в страшных муках, разрывая себе грудь и выкрикивая ее имя.

А Сафине вместо того, чтобы получить обещанное вознаграждение, пришлось долгие годы скрываться от гнева безутешной вдовы.

С тех пор к помощи соцветий болотного растения колдунья никогда не прибегала. Вовсе не

потому, что усомнилась в том, будто сама не способна ошибиться в определении необходимого количества зелья.

Просто не любила Сафина этот порошок, хотя и продолжала, разумеется, тщательно хранить, пополняя даже время от времени свои запасы... У нее было под рукой немало иных средств, тоже достаточно действенных, да и магией колдунья владела уверенно, равно как и все женщины в ее роду до двенадцатого колена.

Однако сейчас она решилась. Достав покрытую слоем пыли маленькую серебряную шкатулку и произнеся необходимые заклинания, делая пассы над головой юноши, Сафина взяла крошечную щепотку порошка и втерла в его виски, а затем заставила Алеу вдохнуть примерно такое же количество зелья. Ксамелл начнет действовать немедленно, это она прекрасно знала — причем никакого противоядия, средства, способного нейтрализовать его действие, в природе не существует. Влияние порошка велико и достаточно длительно, Шенар доведет парня до Немедии без всяких проблем, а уж как потом удержит его будущий хозяин, это не ее, Сафины, заботы. И не Шенара. Главное, получить свое, а там хоть трава не расти.

И все-таки колдунье было как-то не по себе, словно то, что она только что совершила, было некоей из ряда вон выходящей гнусностью... или словно она вмешалась в действие могущественных сил, которые могут отомстить ей, Сафине, за содеянное...

Она придала телу юноши более удобное для сна положение и отправилась проверить состояние прочих Шенаровых «овец», предназначенных для продажи.

Все пятеро сели себя так, как и было им положено сообразно тем ощущениям, которые они испытывали. Одна из девушек, протягивая руки в пустоту, с расширенными от счастья глазами, звала невидимого возлюбленного, к которому Шенару надлежало ее отвести. Вторая, совсем молоденькая, спокойно беседовала с умершей матерью, полагая ее, безусловно, живой и ожидающей свою дочь в далекой Немедии.

Коренастый невысокий мужчина беззвучно шевелил губами, пересчитывая поголовье огромного стада, которое ему предстояло перегнать через полстраны на свою землю оттуда, где это самое стадо его мечтаний нетерпеливо блеяло в ожидании своего нового хозяина...

Никто из пятерых безумцев не обратил внимания на появление Сафины — она не интересовала их, вообще не способных отвлекаться ни на какие внешние раздражители и охваченных только одной, самой сильной страстью — у каждого своей.

Любопытнее всего было наблюдать за вторым мужчиной, одержимым жадой мести давнему врагу и готовому на все, что угодно, лишь бы приблизить сладостный миг расплаты. Он, непрерывно облизывая губы, рассматривал и гладил видимое только ему остро отточенное лезвие кинжала, что должно было вонзиться по самую

рукою меж ребер обидчика; один раз он даже «порезал» себе палец, пробуя его остроту, и теперь не без некоторого удовольствия «отсасывал» кровь.

Всем им предстояло очнуться лишь тогда, когда будет уже слишком поздно, а до тех пор единственная сложность состояла в том, чтобы время от времени заставлять их принимать пищу и воду — в противном случае возникала угроза смерти от истощения, жажды и усталости. Ведь следить за своими ощущениями несчастные не могли. Сафина поставила перед каждым миску с едой, остававшуюся попросту незамеченной до тех пор, пока она по очереди не обращалась к каждому из них.

Так, остановившись перед одной из женщин, колдунья взглянула ей в глаза: «Ты должна есть — этого желает твой любимый».

Одурманенная фанатичка тут же с остервенением принялась хватать пищу руками и заталкивать себе в рот, глотая с такой скоростью, что несколько раз едва не подавилась.

Сафина знала, что Шенар тоже давно научился правильно обращаться со своим товаром: он ведь вовсе не хотел повторять собственный горький опыт и терять по дороге половину людей. В

Ведьма дождалась, пока «овцы» покончат с трапезой — как обычно, они развели вокруг себя немыслимую грязь, — собрала миски, вышла и закрыла дверь на засов, предусмотрительно удостоверившись в его надежности. Отдыхать Сафину не тянуло. Успеет еще, когда уйдет Шенар и

уведет товар с собой. Он должен покинуть Келбацу еще до рассвета, дабы не привлекать излишнего внимания к своему странному «отряду». Но до рассвета было еще слишком далеко.

Что касается Алеу, его бы следовало присоединить к остальным сразу, как ведьма всегда и поступала. Ну да ладно, пусть мальчик поспит спокойно, подумала она — одно исключение из общего правила ничего не изменит.

Сафина возвратилась к Алеу — и едва удержалась, чтобы не вскрикнуть.

Подобно Адде, она увидела исходящий от юноши свет. Только на этот раз свет этот не был ровным и спокойным — по рукам Алеу встревоженно метались холодные голубоватые язычки, они то почти совсем гасли, то вспыхивали вновь, словно в полнейшей растерянности, но, как бы это пламя себя ни проявляло, обмануться колдунья не могла. Ее окатила волна ужаса.

Ох, не стоило изменять своим привычкам и связываться с порошком из соцветий ксамелла — ведь чуяла же, что он не доведет до добра! И вот, пожалуйста: сбила с пути идущего с миссией посланника кого-то из богов. Только этого ей не хватало... Впрочем, казнить поздно, сделанного не воротишь.

— Мерзавец Шенар, — злобно прошипела Сафина, — но и мне тоже, дуре старой, подделом. Урок: поменьше бы на золото гаденыша шерба того губы раскатывала, да повнимательнее к тому, с кем связалась, была! Прости меня, — обратилась она уже совсем иным тоном к спящему

юноше,— и боги твои пусть меня простят! Что я натворила, что я натворила!..

Стремясь поскорее избавиться от всей компании, колдунья чуть ли не пинками разбудила Шенара и велела немедленно убираться вместе с «овцами».

— И смотри не перепутай, кому из них что говорить, чтобы жрали, когда подашь,— напутствовала она своего подельника.— Ну что, все запомнил?

— Да запомнил, запомнил, не дурак,— пробурчал лысый работородец.— Впервой, что ли? Вот только насчет последнего, Алеу этого,— с ним-то как обращаться?

— В его мысли не влезешь,— строго поджав губы, сказала Сафина.— Говори, что ему следует исполнить свой долг, что его ждут... а ничего другого вызнать про него я не смогла. Ничего, он дойдет. Только мой тебе совет, Шенар: избавься от него чем скорее, тем лучше!..

Она приблизилась к Алеу и слегка похлопала его по щекам.

— Вставай. Надо идти.

Юноша открыл глаза.

Да, ксамелл сработал превосходно. Колдунью юноша не видел точно так же, как не реагировали на нее остальные несчастные. Точно луна-тик, он поднялся на ноги.

— Дети антархов...

Сафина подвела его к Шенару.

— Он знает дорогу. Он отведет тебя к детям антархов. Следуй за ним.

Лицо Алеу исказилось. В душе его шла отчаянная борьба.

— Нет... мой отец... говорил иначе. Это не он... другой! Конан!

Шенар взглянул на свою подельницу в негодовании. Юноша не должен был ничего помнить, пребывая во власти фантомных ощущений. Вот мерзавка, содрала такие деньги — и ничего толком не сделала!

— Конечно, Конан. Вот же он — перед тобой. Разве ты не видишь, Алеу? — медленно проговорила Сафина.— Конан пойдет к антархам вместе с тобой.

— Да,— не очень уверенно произнес юноша, но уже следующая его фраза прозвучала с куда большим воодушевлением.— Нам надо спешить!

Колдунья с трудом перевела дух. Она, впрочем, сама не вполне понимала, чего хочет: чтобы этот мальчик, посланник неведомых ей богов, стал действовать сообразно ее и Шенара воле, как все остальные — или же не подчинился ее чарам, навешанным заклинаниями и порошком из соцветий ксамелла.

Когда подельник, наконец, покинул ее дом, Сафина вздохнула с облегчением.

Как всегда, «овцы» начали движение так резво, словно готовы были не останавливаясь бежать до самой Немедии. И Алеу ничем от них не отличался...

«Ничего,— подумала ведьма,— можно надеяться, что все обойдется. Еще под покровом ночи они покинут столицу и уже к середине следую-

щегоо дня будут достаточно далеко. Безумное «стадо» не остановит ни непогода, ни удушающая жара. Одержимый своей мечтой человек способен идти за призраком ее осуществления, как осел за подвешенной перед мордой морковкой. Так что Шенар, можно сказать, никого не ведет за собой силой. Пока у него есть она, Сафина, ему не требуется армия для совершения дерзких набегов за рабами. И никакого риска, никакой опасности внезапного бунта. Да уж, ничего не скажешь, неплохо устроился в жизни лысый гаденыш...»

Она тщательно уничтожила все следы пребывания в своем доме торговца и его «товара», стараясь изгнать грызущую сердце тревогу по поводу того, что она сотворила с мальчиком. И последующие события показали, что успокаиваться колдунье было рано.

Потому что не прошло и нескольких часов, как устрашающей силы удары в дверь заставили содрогнуться уж совсем не ветхие стены дома Сафины. Ничего себе! Кого бы это еще демоны могли принести? Нежданные гости давненько не посещали колдунью. Впрочем, особого страха она ни перед кем не испытывала, прекрасно умея «отводить глаза» и внушать почти все, что угодно, любому излишне любопытному нежелательному посетителю. Не дожидаясь, пока дверь слетит с петель, Сафина отодвинула засов и отступила в сторону. Огромного роста мужчина с самым решительным и грозным видом переступил через порог, едва не задев головой о притолоку.

— Эй, старая кошелка,— рявкнул он, надвигаясь на Сафину,— где твой плешистый сожитель?!

— Я... я не понимаю, о чем ты говоришь, мой господин...

Конан уставился на нее в полном ошеломлении. Как же он мог так ошибиться?! Ведь едва войдя внутрь, он ясно видел взрослую женщину, пренеприятную причем особу, а сейчас перед ним стоит маленькая, не старше семи лет девочка с полными слез расширенными глазами.

Какая уж там «старая кошелка»... всего лишь ребенок! И как все это понимать? Он обернулся к Элрине, которую, по счастью, не успел отпустить.

— Ты меня куда привела?!

Этого Элрина тоже не понимала.

Она-то видела перед собой именно Сафину, такую, какой та всегда и была, и поведение киммерийца, его внезапное замешательство были на редкость странными.

Колдунья, уперев руки в бока, злобно сверкала глазами, не отводя от предательницы тяжелого взгляда.

— Она... он... я...— невнятно пролепетала Элрина, в совершенном замешательстве не соображая, кого больше бояться и с кем объясняться в первую очередь.

Противная сопливая девчонка переминалась с ноги на ногу.

— Где Сафина? — все-таки возобновил допрос варвар.— И где Шенар?

— Сафина — это я, — пискнул странный ребенок. — А Шенар ушел. Лысый Шенар всегда уходит.

— Куда? И когда?

— Ночью, мой господин. Наверное, ночью. Я не видела! А зачем вам Шенар? Он что-нибудь украл у вас, этот старый облезлый ворюга? Ах! От него одни неприятности. Соседи давно сулят-ся пришибить или отравить паскудника, но он страсть до чего хитрый и ловкий, и ест только крыс да мышей... если не удастся стянуть ничего повкуснее.

— Крыс и мышей?..

— К-конечно, мой господин... правда, крыс он чаще просто душил и приносит мне. Вот! — в доказательство своих слов девочка быстро нагнулась и, не выказывая особого отвращения, подняла из-под ног дохлую крысу, держа ее двумя пальцами за голый скользкий хвост и покачивая из стороны в сторону. — А разве... господин не знает, что коты... имеют такие повадки? Вот и Шенар тоже.

Если бы ее последние слова не прозвучали с такой откровенно издевательской интонацией, Конан уже почти был бы готов поверить в то, что Шенар в самом деле всего лишь облезлый кот, а девочка — его хозяйка.

Но выражение глаз этого ребенка на один миг сделалось вместо растерянного и испуганного совсем иным — злобным и торжествующим. Да ведь и Горилла Грин в последний момент прикинулся чем-то подобным! Киммерийца охвати-

ла ярость. Отпустив трясущуюся от страха Элрину, он вцепился в отвратительную девочку и встряхнул ее, словно тряпичную куклу. Та выронила из рук крысу — которая тут же растаяла в воздухе, не долетев до пола — и пронзительно завизжала, причем визг перешел в такие звуки, что издает кошка, если ей случайно наступить на хвост, а ее пальцы на глазах превратились в звериную лапу с заостренными когтями.

Что-то колдунье на сей раз было не отвязаться от кошачьей темы. Элрина, вместо того, чтобы, получив свободу, пуститься наутек, как зачарованная наблюдала за происходящим, страстно желая, чтобы варвар свернул ведьме шею — тогда бы ей, Элрине, по крайней мере можно было бы не опасаться мести со стороны Сафины. Так и есть — пальцы Конана сжались на горле того, кого он держал в руках; еще миг — и хруст костей возвестил бы о том, что все кончено. Но тут киммериец опомнился: прикончив тварь, он лишился бы возможности узнать что-либо о судьбе Алеу.

Разум взял верх над взбудораженными чувствами.

— Где Шенар? И где мой друг?! — заорал он.

Существо в его руках стремительно меняло обличья, шипело, квакало, верещало, но не приносило внятных слов.

Движимый словно каким-то наитием, варвар подтащил его к столу, на котором стояла одна-единственная серебряная коробочка и, открыв крышку, попытался ткнуть *это* туда мордой.

Существо пришло в неопиcуемый ужас — оно закрыло глаза, прижало уши и перестало дышать.

Еще бы! Сафина прекрасно знала, что, в каком бы виде она ни пребывала, вдохнуть проклятый порошок было бы для нее смертным приговором. Чуть больше допустимого — и конец.

Причем достаточно неаппетитный, в отвратительных корчах и судорогах.

— Пусти,— прохрипела она, стараясь ни в коем случае не дышать,— я скажу...

— Ну, надо думать,— не без некоторого самодовольства произнес Конан,— я умею кому угодно развязать язык.

— Шенар его увел,— приняв свой обычный вид, пробормотала Сафина, с опаской косясь на оставшуюся открытой коробочку с зельем,— был он здесь, верно. Да только их без толку преследовать. Друг твой с тобой не пойдет, а попробуешь применить силу — будет насмерть драться. Либо тебя прикончит, либо себя. Он тебя и не узнает. Для него теперь ты — это Шенар. Не в себе твой Алеу,— вздохнув, добавила она,— и до самой Немедии, а это не меньше пяти дней пешего пути, таким останется, да и потому еще не сразу очнется...

— Что вы с ним сотворили?!

— А что бы ни сотворили, он сам виноват,— решительно заявила ведьма.— А ты сам-то хорош! Прохлопал ушами, пока Шенар его у тебя из-под носа уводил, а теперь поздно, улетела птичка. Фью-ить — и нету...

— Да чтоб ты сдохла, Нергалово отродье! Я повешу твоего лысого дружка на его же собственных кишках! Говори еще — это что за дерьмо,— киммериец указал на порошок,— которого ты так боишься?

— Травка такая,— закулила колдунья,— ты ее не трогай. С нею умеючи надо обращаться, от нее и великая радость может, и большое зло. Кому как.

— Заставить бы тебя ту твою «травку» поганую сожрать,— с мечтательной интонацией заметил Конан,— да поглядеть, как она действует. Ну, ничего, это я всегда успею,— с этими словами он захлопнул крышку и сунул коробочку в карман.

— Отда-а-ай, отдай! — заголосила Сафина.— Зачем тебе?!

— Пошла прочь, пока башку не свернул! — прикрикнул на нее варвар.— Сколько тебе Шенар заплатил за твое паскудство? Все вам мало... Как только не подавитесь! Запомни, тварь: если с головы Алеу хоть один волосок по твоей милости упадет, я вернусь. И тогда я тебя не просто прикончу. Всю дрянь, которой ты людей травишь, тебе же в глотку запихну, хоть чем оборачивайся. Поняла?! Всех демонов, какие тебе помогают, проси день и ночь, чтобы не совались в мои дела. Иначе...

— Поняла, поняла,— быстро закивала ведьма.— Деньги тебе нужны? Забирай... вот, которые Шенар за твоего друга давал... ну их! Беда одна мне с ними...

* * *

Киммериец догнал Шенара довольно скоро. В самом деле, выглядело все «стадо» более чем странно. Люди, в том числе и Алеу, почти бежали, напрягая все силы, хотя их вроде бы никто не подгонял, а Шенаров конь трусил рядом с ними.

Конан проехал чуть вперед и спешился.

— А ну, стоять всем!

Лысый побледнел как полотно, однако послушаться приказа не посмел.

Чего нельзя было сказать об остальных его «спутниках», вовсе не намеренных прекращать движение либо снижать его темп. Они попросту обходили Конана, точно пустое место или, в лучшем случае, дерево, и с прежней целенаправленностью шли дальше.

— Ну что, пес,— кривя губы в зловещей усмешке, произнес варвар, приближаясь к щербатому,— поговорим?

— Да что ты, что ты!..— замахал руками Шенар, о состоянии которого недвусмысленно свидетельствовало стремительно расплывавшееся по штанам темное пятно.— Он же сам... сам захотел идти в Немедию! Я тут совершенно ни при чем! Нам... э-э... по пути оказалось!..

Марать благородную сталь о подобную мерзость у киммерийца желания не возникло, поэтому он попросту ударом кулака свернул работягу челюсть и, пренебрегая предупреждениями Сафины, устремился к своему другу.

— Алеу, стой!..

Однако зеленоглазый повел себя более чем странно. Он действительно остановился, но, увидев поверженного Шенара, в отчаянии закричал и сам бросился на Конана со всей мыслимой яростью.

До сих пор драться между собой им не приходилось. А то, что варвар наблюдал уже не раз, хотя и весьма впечатляло, но все же и в подметки не годилось тому бою, что разгорелся сейчас. Тогда Алеу дрался, не стремясь убить — ныне же он преследовал именно эту цель и бил на поражение. Юноша был поистине страшен — с перекосенным ненавистью лицом, оскаленными зубами и совершенно пустыми, безумными глазами с невероятно расширенными зрачками.

Киммериец запоздало вспомнил слова Сафины: «Для него теперь ты — это Шенар... он тебя и не узнает».

Получалось так, будто некто напал не на лысого мерзавца, а на него самого, и Алеу выступил на его защиту. Помимо всего прочего, и без того изрядная сила юноши словно удесятилась, он совершенно не чувствовал боли. Остановить Алеу можно было только одним способом: убить. Ну, или оглушить...

Однако сделать это было мало сказать, что не просто. Конану не так уж часто доводилось сталкиваться с равными себе противниками, а этот парень был именно таким, да еще отличался поразительной ловкостью, двигаясь с такой скоростью, что словно умудрялся оказываться одновременно в нескольких местах. Он непрерывно

атаковал, и отсутствие оружия его ничуть не смущало. Варвар тоже не имел обыкновения защищаться, не нападая, и вовсе не собирался спасать жизнь Алеу ценой своей собственной, погибнув от руки своего спутника и друга.

Ударом меча он мог бы, пожалуй, закончить поединок в свою пользу, да и меч все-таки удерживал бы Алеу на безопасном для Конана расстоянии, но он не хотел прибегать к помощи стали, обнажая ее против безоружного.

Надо было придумать что-то другое, и чем скорее, тем лучше, потому как парень вместо того, чтобы начать проявлять хоть какие-то признаки усталости, с каждым мгновением зверел все больше и крутился волчком, намереваясь достать варвара ударом ноги в висок.

Шенар, хотя и не рисковал подняться, и к тому же сильно страдал от боли в сломанной челюсти, злорадно следил за поединком, желая удачи зеленоглазому парню.

Однако щербатый и здесь просчитался. Да, Алеу удалось-таки сделать почти невозможное, сбив киммерийца с ног — подобная ведь вряд оказалась бы под силу кому-либо другому, — и с торжествующим воплем приготовиться к завершающему удару.

Но варвар поступил совершенно непредсказуемо. Молниеносно увернувшись — сжатый кулак юноши просвистел возле его виска, — он вдруг выхватил из кармана коробочку с пылью ксамелла, открыл и ткнул в лицо Алеу. Тот сделал глубокий вдох... и медленно осел на землю. Глаза

парня остановились, тело свела судорога. Он вытянулся и затих.

Представив себе, что сейчас произойдет, Шенар, наплевав на боль и гул в ушах, взлетел, как птица, на коня и пустил его в галоп, забыв о своих «овцах», которые, впрочем, резво пустились бежать за ним.

Но киммериец этого не видел. Он тряс Алеу за плечи, выкрикивал его имя, пытался привести в чувство — все было тщетно.

Юноша был еще жив, но вряд ли протянул бы долго. Его губы и ногти приобрели синеватый оттенок, он задыхался — каждый вдох и выдох давались парню со все большим трудом. Широко раскрытые глаза Алеу, по-прежнему без малейшего проблеска узнавания, и вообще мысли, стремительно наполнялись ужасом близкой смерти, а кисти рук сделались ледяными. Конану не оставалось ничего иного, как, усадив юношу на седло впереди себя, пришпорить коня и заставить скакуна мчаться назад, в Келбацу, ко все той же Сафине. В конце концов, колдунья обязана была знать все о свойствах треклятого порошка, раз пользовалась им, — следовательно, могла найти и противоядие. Если же нет — она об этом жестоко пожалеет. Так или иначе, другого выхода у варвара все равно не было.

При повторном за этот день появлении киммерийца ведьма основательно потеряла дар речи. Правда, тот вряд ли смог бы прикончить ее прямо на месте, поскольку руки его были заняты — на плече он нес Алеу.

— Помоги ему, ты, тварь! — крикнул варвар, опуская свою ношу на пол.

— Что я могу сделать, если не знаю, отчего он умирает? — резонно заметила Сафина.

— От чего?! Ты еще спрашиваешь? Он напал на меня, и я не мог с ним справиться, пока не заставил его вдохнуть ту отраву, которую у тебя отобрал.

— И сколько?

— Я что, отмерял? Сыпанул в лицо... там ничего не осталось.

Колдунья вздохнула.

— Тогда можешь идти копать могилу. Его невозможно спасти. Странно, что он до сих пор ну умер... впрочем, это вопрос нескольких минут.

— Я выкопаю две могилы, — очень тихо и внятно произнес Конан. — И в одну из них закопаю тебя — живой. Даже не сомневайся.

Сафина и не думала сомневаться в решительности намерений киммерийца.

Но она действительно не знала, что тут можно предпринять! Несравнимо меньшего количества порошка ксамелла хватило бы, чтобы прикончить десяток человек. А этот парень, как ни странно, до сих пор был жив — что давало хоть и призрачную, но надежду.

Во всяком случае, можно было попытаться его спасти. Вот только, даже если допустить, что тело Алеу не погибнет, разум его наверняка уже угас, причем, как полагала колдунья, безвозвратно. Из носа, рта и глаз юноши сочилась мутная слизь. Не тратя времени на пустые разговоры и

объяснения, Сафина приподняла его, силой раскрыла сведенные судорогой челюсти и засунула в глотку Алеу собственные пальцы. Юношу стали сотрясать приступы неукротимой рвоты. Варвар мрачно следил за действиями колдуньи.

— Что ты стоишь? — произнесла Сафина, бросая на него раздраженный взгляд. — Если в самом деле не хочешь, чтобы он умер прямо сейчас, помоги мне. Думаешь, я одна могу справиться? Вас, дурней, как ни предупреждай, все без толку. Говорила же я тебе: не трогай порошок? Нет, уволок. Говорила: не лезь с ним в драку? Где там!.. А потом я же еще и виновата. Ступай, принеси побольше воды и нагрей, как только вытерпеть возможно. У него там яд в крови бродит... выйти должен... через глотку, через нос, через все поры.

Сколько времени они вдвоем провозились с Алеу, киммериец не знал. Как в бреду, он выполнял все, что требовала от него колдунья в промежутках между бесчисленными заклинаниями, с помощью которых она взывала к демонам или богам.

Юноша жил, когда прошли отмеренные ему минуты... затем часы... он продолжал дышать, все остальное пока не имело значения.

Наконец, Сафина сказала:

— Я сделала все, что могла, и даже больше. И ты тоже. Теперь остается только ждать. Просто ждать, Конан.

И на сей раз варвар ей поверил. Колдунья укрыла Алеу ворохом одеял и шкур, разведенный

огонь пылал так жарко, как только можно было заставить его гореть. Несколько раз Сафина отворяла парню кровь, чтобы отравленная быстрее заменялась свежей... Несмотря на жару, Алеу продолжал дрожать, и руки его не согревались, оставаясь холодными как лед.

— Киммериец,— произнесла колдунья,— приведи Элрину.

— Зачем?

— Нужно, раз говорю. Не спрашивай. Приведи — да побыстрее.

Варвар приволок девицу вперед ее собственного визга. Вновь очутившись перед Сафиной, та едва не хлопнулась в обморок от страха.

— Не трясись,— сухо сказала колдунья,— не трону. Парня видишь?

Элрина покосилась в сторону Алеу и судорожно кивнула.

— Ложись с ним,— велела ведьма.— Живым телом согрей. Ты молодая, горячая, кровь кипит...

Девушка не посмела послушаться.

Вытянувшись рядом с юношей, она обхватила его руками и прижалась так плотно, как могла. Поначалу сделав это из одного только страха перед невероятным образом объединившимися Сафиной и киммерийцем, она затем всмотрелась в неподвижное лицо Алеу, измученное и бледное, и ей вдруг стало безумно жаль этого мальчика — больше, чем даже себя саму.

— Миленький,— прошептала она, нежно касаясь его лба губами,— я помогу тебе.

Ни услышать ее, ни тем более понять Алеу не мог. Но девушка продолжала ласкать его так, словно он был в состоянии ответить на ее действия.

— Глупая девка,— удовлетворенно проворчала Сафина,— но свое дело знает, не головой, так сердцем.

Это Конану было известно по собственному опыту, и он не мог не согласиться с колдуньей. Что-то, а любить Элрина умела даже тех, кому принадлежала только на одну ночь.

Она принялась столь ревностно ухаживать за Алеу, что выгнать ее стало делом весьма затруднительным. Она кормила его, когда юноша, наконец, смог принимать пищу, не извергая ее тут же обратно, часами растирала руки.

Девушка ничего не боялась и ничем не брезговала. Если заняться больше было нечем, Элрина просто лежала с ним рядом, нежно перебирая волосы на его голове и что-то едва слышно шепча ему на ухо.

Но разум к Алеу не возвращался. Глаза его оставались совершенно пустыми.

Он не узнавал Конана, не произносил ни одного осмысленного слова,— ничего, кроме слабого бессвязного бормотания. Бессмысленная улыбка временами блуждала по его бледным губам, производя поистине жалкое и страшное впечатление.

На третий день Сафина сказала варвару:

— Ты просил спасти ему жизнь. Что ж, это удалось. Возможно, он проживет очень долго... но

только в таком же состоянии, в каком пребывает сейчас. Он больше не человек и даже не животное... разве что — растение, — колдунья пожалала плечами. — Алеу не сможет разговаривать и что-либо понимать. Даже собственного имени не вспомнит никогда. Я могла бы солгать тебе, но рано или поздно ты бы сам понял правду. Если у тебя есть цель — идти дальше один. Оставь его.

В приступе неопишуемого бешенства киммериец сокрушил вокруг себя все, что попало ему под руку, учинив в жилище Сафины подлинный разгром.

Ведьма не пыталась его остановить, терпеливо ожидая, пока Конан сам успокоится настолько, чтобы смириться с неизбежным.

О, Сафина его совершенно не знала! Оглядевшись налитыми кровью глазами следы своих деяний, варвар проворчал:

— Не ты ли поначалу советовала мне копать для Алеу могилу? И что — он не умер! Теперь же ты пытаешься убедить меня в том, что он безнадежно безумен, а я и в это не собираюсь верить. Ничто не кончено, пока человек дышит! Напряги мозги, старая перестановка, пока я тебе их не вышиб за ненадобностью, и придумай что-нибудь. Можешь спросить совета у своих богов или кому ты там молишься. И тебе очень крупно повезет, если они соизволят толково ответить! Не может быть, чтобы по всей Хайбории не нашлось колдуна или знахаря, способного вернуть Алеу рассудок. Вспоминай!

Сафина надолго задумалась. Этот черноволосый варвар казался еще безумнее собственного приятеля, но доля истины в его словах, нельзя не признать, все же была.

Слыхала она об одном меруанском маге, который, как говорили, силой обладал немыслимой и совершал удивительные чудеса. Он чуть ли не мертвых способен был воскрешать — хотя в последнее утверждение не очень-то верилось, только ведь дыма без огня не бывает.

Когда сама Сафина была совсем еще юной девушкой, маг сей уже достиг весьма преклонных лет, а теперь, возможно, уже давно покинул мир живых.

Он жил как отшельник и не имел учеников, отказался от всякой собственности и хотя родом был, в самом деле, из Меру, но родину свою покинул еще ребенком и странствовал по всей Хайбории, объявляясь то здесь, то там, причем в такие моменты, когда его уже почитали умершим.

Найти его было весьма непросто, потому что никто доподлинно не знал, ни где он в данный момент находится, ни куда держит путь. Ветра в поле легче было сыскать, нежели этого человека.

И еще того труднее — вымолить у него милость, чтобы он не отказал в помощи, ибо далеко не до всякого маг снисходил, не прельщаясь ни богатством, ни посулами, ни могуществом просителя, а руководствуясь одному лишь ему ведомыми соображениями. И очень странный он был — во всем. Слыхала Сафина, будто ходит он

босиком, и так прочны от долгих странствий сделались подошвы его ног, что змеи не могли прокусить его кожу; и облачается в одежды нищих, не имея ни дома, ни женщины, ни имущества, ни коня. А имя ему было такое же странное: Шин-дже-шеда.

— Есть один,— спустя бесконечно долгое время, произнесла наконец колдунья.— Может, и есть. Но где искать его, мне неизвестно. Человек ли они, бог или демон, жив или мертв — тоже не знаю. Сумеешь разыскать — может, тебе и повезет. А нет... что ж! Не ты первый — не ты последний.

Она рассказала киммерийцу все, что знала о Шин-дже-шеда, и по мере того, как говорила, припоминала новые и новые подробности о нем. Конан слушал ее внимательно и не перебивая.

Противоречивые чувства боролись в душе варвара: гнев на то, что все складывалось как нельзя хуже, и желание в самом деле оставить здесь Алеу и отправиться дальше одному, как он и собирался поступить с самого начала, и невозможность сделать это, ибо зеленоглазый юноша стал для него больше, чем просто спутником, и попросту перешагнуть через него киммерийцу было уже не под силу.

Вот, пожалуйста — ищи теперь неизвестно кого и непонятно где.

А что, если никакого Шин-дже... как его там?! — вообще нет, легенда просто? Что-то он, Конан, прежде и слыхом о таком не слыхивал. А если и есть, так Хайбория велика, мало ли пыль каких

дорог топчут сейчас жесткие подошвы этого мага. Может, годы уйдут на то, чтобы его отыскать — а потом еще окажется, что без толку.

— Позвольте попробовать мне,— вдруг подавала голос Элрина, несмело приближаясь к варвару,— Я сумею найти Шин-дже-шеда и умолю его вернуть Алеу рассудок. Я смогу, вот увидите!

Конан даже не удостоил ответа ее бредовые речи. Как же — сможет она. Что за глупая привычка у некоторых баб путаться в дела, которые не всегда по плечу и сильным?!

Однако теперь пути к отступлению не было. Это иначе что же получится — бритунская подзаборная девка, шлюшка продажная, смелее и решительнее, чем он, воин, герой?!

— Без тебя обойдемся,— проворчал киммериец.— Из-под земли достану этого вашего колдуна, и пусть он только посмеет мне отказать.

— Тогда разреши мне идти вместе с вами,— не унималась Элрина.— Я нужна Алеу! Ты ведь будешь двигаться вместе с ним, а он беспомощнее ребенка. Я стану ухаживать за ним в пути, как делала это здесь. С детьми да больными возиться — разве мужское дело?

— Вот только тебя мне для полного счастья не хватало,— грозно рявкнул Конан, уже понимая, тем не менее, что она права, а значит, ему предстоит увлекательное путешествие в обществе идиота и бабы...— А он-то... Алеу... идти сможет?

— Сможет,— сказала Сафина.— Тело не отказывается ему служить. А идти, и на коне худобно удержаться ему под силу. Ты, киммериец,

Элрину не гони. У нее никого на всем свете нет, сирота она. Жаловаться да ныть не приучена, и упрямая. Да ты сам видишь! Не сомневайся, она вам сгодится.

* * *

На следующий день они выступили в путь. Все оказалось даже еще хуже, чем представлял себе Конан. Алеу в его нынешнем состоянии становился объектом злобных насмешек и издевательств всех, кому не лень было позубоскалить на его счет. Варвару постоянно приходилось затывать слишком болтливые рты и резко омрачать настроение не в меру расходившихся весельчаков.

Мрачная злость не покидала его душу. Ладно хоть девка и в самом деле не докучала ни слезами, ни жалобами, терпеливо перенося длительные конные переходы и полностью поглощенная состоянием Алеу.

Ее терпение было поистине безграничным. Сама Элрина держалась в седле так уверенно, словно с раннего детства не слезала с коня. Алеу ей приходилось везти впереди себя, днями напролет выслушивая его отрывочные и совершенно бессмысленные восклицания и длительные приступы идиотского смеха, временами переходящие в истерические рыдания.

Какие образы терзали помраченный разум юноши, ни она, ни киммериец не знали. Ночами девушка спала, что называется, вполглаза, сидя и положив голову Алеу к себе на колени. Всякий

раз, если он тревожно вскидывался и стонал, она принималась что-то тихо и ласково говорить ему, до тех пор, пока он снова не успокаивался и не затихал.

Самым печальным было то, что где бы они ни справлялись относительно Шин-дже-шедда, ответом почти всегда были изумленные и непонимающие взгляды. Слово он существовал лишь в воображении Сафины. Никто не слышал и ничего не мог сообщить ни о нем самом, ни, тем более, об его местонахождении. Обращаться же к другим колдунам и магам было без толку: при одном взгляде на юношу они безнадежно махали руками и выносили тот же приговор, что и колдунья из Келбацы:

— Проще собаку научить толковать священные книги, чем вернуть рассудок этому несчастному.

Пробовал варвар прибегать и к помощи ветви маттенсаи, один раз чудесным образом сумевшей помочь Алеу; но если раны на его теле от ее прикосновения затягивались на глазах, то на сознание она не могла оказать никакого влияния.

Однако Элрина не отчаивалась. Она фанатично верила в то, что них в конце концов все получится, причем говорила об этом столь убежденно, что и Конан отбрасывал сомнения, впрочем, довольно часто терзавшие его душу. В том, что произошло с его другом, киммериец в значительной степени винил и себя, кроме того, он понимал, что, сложись обстоятельства несколько

иначе, и сам вполне мог бы попасться в лапы к щербатому Шенару — как знать, может, в таком случае они с Алеу могли и поменяться местами.

* * *

Однажды, двигаясь через Немедию, они заметили стоящего при дороге слепого нищего, просящего подавания.

Какой-то наглый мальчишка подскочил к несчастному — и, издевательски хохоча, отобрал несколько монет, а в ответ на его слабые протесты так двинул в грудь, что слепой остушился и полетел в грязь.

Элрина при виде этого непотребства разразилась потоком заковыристой площадной брани — жизнь на улицах Келбацы не особенно способствовала возникновению у нее безупречных манер.

А киммериец пустил жеребца чуть быстрее, догнал маленького паскудника и, схватив его за шиворот, отвесил пару добрых затрещин и заставил вернуть ограбленному слепцу деньги, после чего еще и добавил от себя горсть монет.

Не обращая внимания на жаркие изъявления благодарности, которые бормотал, низко кланяясь, слепец, он направил скакуна дальше, очень скоро начисто забыв об этом незначительном эпизоде.

Тем более, что этот день оказался щедр на неожиданности.

Проталкиваясь сквозь галдящую толпу на местном базаре, они вновь вынуждены были ос-

тановиться при виде целой профессии, сопровождающей к месту казни какого-то узника.

Среди возбужденных воплей взбудораженных предстоящим дармовым зрелищем любителей кровавых развлечений явственно различались крики, плач или, по крайней мере, недовольное ворчание тех, кто был не согласен с приговором и откровенно сочувствовали несчастному.

— Что же он совершил? — полюбопытствовала Элрина, склоняясь к одному из сочувствующих и не забывая при этом придерживать за талию сидящего впереди нее Алеу.

— Э, красавица, этот мир давно покинула справедливость! У его богатого соседа сгорел дом, так тот не нашел ничего лучшего, чем обвинить беднягу в поджоге. Теперь, видишь, Уарс всем своим имуществом и жизнью платит за чужой навет, а доказать, что не виновен, не смог...

— Конан...— начала было девушка, но тот и сам был не глухой: направив своего жеребца наперерез процессии, он привел в полное замешательство не ожидавшую никакого сопротивления охрану — и осужденный, воспользовавшись моментом, немедленно бежал.

Элрина расхохоталась, хлопая в ладоши:

— Просто справедливость не ходит рука об руку с трусостью!..

Чтобы и самим, не ровен час, не занять место незадачливого Уарса, варвар и Элрина прищипорили лошадей — и вскоре оказались далеко от площади, на которой должна была совершиться несостоявшаяся казнь.

Ближе к вечеру повстречался им прокаженный, изуродованное болезнью лицо которого было скрыто низко надвинутым капюшоном.

— Помоги мне,— глухо проговорил он, цепляясь за стремя коня киммерийца,— сил больше нет идти, а я чувствую, что смерть моя близка — мне хочется умереть на родной земле.

Он поднял голову — и Конан содрогнулся, увидев поистине жуткое, безносое и безгубое лицо, изъеденное язвами и напоминающее отвратительную морду неведомого зверя.

— Мне бы хоть до городских ворот добраться,— продолжал заживо гниющий урод,— а там селение мое не так уж далеко: дойду и сам.

Превозмогая желание с отвращением оттолкнуть его ногой и поскорее забыть, как кошмарный сон, киммериец, тем не менее, поступил иначе.

— Садись,— мрачно мотнул он головой, указывая прокаженному на седло позади себя, и тот, неловко цепляясь ужасными руками, на которых сохранилась едва ли половина пальцев, за ноги и одежду варвара, влез на коня и ухватился за него, как клещ.

— Куда ехать-то? — некоторое время спустя спросил Конан, не оборачиваясь.— Раз, говоришь, этот город близко,— что ж, тебя довезем, да и сами там заночуем.

Прокаженный не ответил. «Помер, никак?» — подумалось варвару.

— Эй, ты чего затих? — позвал он снова.— Заснул, что ли?

— Зачем ты искал меня, герой?

Киммериец решил было, что ослышался.

— Я искал тебя? — воскликнул он изумленно.— Да зачем бы ты мне сдался?!

И только тут он понял, что голос сидящего позади него человека не принадлежит залезшему за его спину прокаженному — он звучал негромко, но без характерной гнусавой интонации, и все не напоминал хрипкое рычание. Конан посмотрел на Элрину — та, по всему было видно, ничего не слышала и не заметила никаких странностей.

— Не ты ли повсюду спрашивал, где можно найти Шин-дже-шеда, мага из Меру? Так вот, это я.

— Не стоит шутить со мной шутки,— предупредил варвар.— Я ведь и прибить могу.

— Я знаю твой нрав, сын кузнеца. И шутить вовсе не расположен. За один день ты трижды выручил меня; от иных же и за долгие годы не дождешься подобного. Ты оказался сильнее безразличия, когда вернул деньги слепому; и страха быть арестованным, когда освободил невинного осужденного; и отвращение ты преодолел, протянув руку заживо гниющему... Придержи коня, и спутников своих останови. Ибо я, Шин-дже-шеда, буду говорить с тобою.

— Элрина,— позвал киммериец,— стой!

Все четверо спешили.

Девушка приблизилась к Конану и магу, глядя с некоторым удивлением, но без страха, и продолжая держать Алеу за руку. Шин-дже-шеда

поприветствовал ее, и она неуверенно кивнула, не зная, как понимать происходящее.

— Конан,— сказала она, указывая на юношу,— Алеу устал и голоден, могу я пока его накормить?

— Да, пожалуйста. Займись им,— согласился киммериец, не сводя глаз с Шин-дже-шеда.

Откровенно говоря, внешний вид великого мага ничуть не впечатлял.

Он был невысок, строен и, как все люди, что большую часть жизнь проводят в пути, отличался темным цветом лица. Его длинные, как и у киммерийца волосы, свободно падали на плечи. Определить возраст Шин-дже-шеда было сложно, однако спокойная мудрость, светящаяся в его темно-карих глазах, говорила о том, что человек этот далеко не молод.

— Так какая же беда заставила тебя искать встречи со мною, варвар?

— Подожди-подожди, давай сперва разберемся,— по-прежнему с недоверием произнес Конан.— Во-первых, почему ты говоришь, будто я трижды выручил *тебя*, если я вообще вижу тебя впервые? Брось эти свои загадки, экая у вашей братии привычка изрекать непонятные вещи, вечно вы любите туману напустить! Ты, насколько мне видно, не слепой, не прокаженный, ну, а бедолага, чуть не потерявший голову по ложному доносу, всяко был тебя помоложе. Так что брось валять дурака!

— Не суди о вещах, которых не понимаешь, киммериец, ибо внешний облик на самом деле

значит не так уж и много. И удержи свое сердце от ненужного гнева. От тебя сейчас не требуется ничего, кроме одной лишь веры, а ты продолжаешь сомневаться. Что же, это удел всех смертных. Так, может быть, все же скажешь, для чего ты добивался встречи со мной?

— Ты говоришь так, словно знаешь меня, зовешь по имени, а об остальном догадаться не можешь? Чудно! Ну, да ладно, скажу. Ты видишь моего друга? Помоги ему, парень не в себе. С головой, похоже, что-то...— и варвар в нескольких словах объяснил, что произошло с Алеу.— Никто не берется за его лечение, твердят, мол, без толку. Так что одна надежда на тебя. И не обижайся на мое недоверие — мне, конечно, очень повезло, что я тебя встретил.

Шин-дже-шеда улыбнулся, разглядывая киммерийца из-под полуопущенных век.

— Я сам прихожу к тем, кому нужен и кто может вместить... Встреча со мной не бывает случайной.

— Ну хорошо, пусть ты сам пришел, спорить больше не буду. Но как все-таки насчет главного — ты сможешь помочь Алеу?

— Алеу? — маг, словно очнувшись, приблизился к юноше, возле которого сидела Элрина; девушка тут же судорожно вцепилась в руку парня, словно прикрывая его своим телом.— Нет, сын кузнеца. Здесь я совершенно бессилен.

— Что?! — прохрипел Конан.— Бессилен?! Так я и знал, все вы, маги, только голову морочить мастера!

С его губ уже готов был сорваться поток оскорблений в адрес незадачливого знахаря, но Шин-дже-шеда властным жестом заставил его замолчать.

— Элрина, Элрина,— обратился он к девушке,— на чужой беде счастья себе не построить. Ведь ты хочешь сохранить его для себя... пусть такого... но чтобы быть у него единственной? Опомнись — и подумай, действительно ли ты желаешь, чтобы твой любимый остался в таком состоянии?

— Да ведь он... и смотреть на меня не захочет, если... — беспомощно всхлипнула она. — Прочь прогонит... И что мне тогда — опять на улицах собой торговать?.. А я хочу быть нужной Алеу! Я люблю его!

— Нет, не его, Элрина. Себя в нем ты любишь,— мягкий голос Шин-дже-шеда сделался суровым. — Не надо лгать ни себе, ни мне!

Девушка низко опустила голову.

— Перестань цепляться за него и отойди. Не стоит противиться неизбежному, умножая тем самым зло. Стань сильнее себя самой.

— Хорошо... — сказала она. — Я попробую.

«Это что ж такое,— подумал варвар,— все это время Элрина, значит, была даже довольна тем, что Алеу...» Нет, подобное просто не поддавалось разумению!

— Готова ли ты с радостью встретить исцеление Алеу? — спросил маг, когда девушка, наконец, успокоилась.

— Да! — твердо ответила Элрина.

— Хорошо; теперь я чувствую, что с твоей стороны нет преграды.

Он протянул руку к девушке, и та медленно разжала пальцы, отпуская руку Алеу и словно препоручая его Шин-дже-шедаду.

— Теперь отойди от него, женщина, и пусть к нему приблизится его друг.

Уже стемнело, близилась ночь.

В свете костра невозможно спокойное лицо мага, казалось, все время меняется, представляясь то совсем юным, то необыкновенно древним, словно в его теле обитало множество душ.

— Чтобы исцелить его ослепленную душу и возвратить ее в тело,— медленно заговорил маг,— необходимо принести жертву тому, кто сейчас имеет над ней власть. Однако он согласится лишь на равноценный обмен. Что ж! Долгие мы противостояли как равные, а теперь он полагает, что близка его победа. Он весьма самонадеян и очень горд...

— Да кто это — он? О ком ты? — не понял киммериец.

— Блестящий. Впрочем, это лишь одно из великого множества его имен,— Шин-дже-шеда вздохнул. — Друг твой не просто человек... не только человек. В крови его переплелось несколько миров, и сущность его не едина, а миссия, которую Алеу надлежит исполнить с твоей помощью, нелегка и необыкновенно важна.

Подобное Конану уже приходилось слышать от главы рода Всевидающих, поэтому он, не став спорить, кивнул.

— Однако оба вы ведете себя при этом, точно неразумные дети, настолько легко и как будто даже с охотой попадаетесь в самые простые ловушки. Неужто ваша самонадеянность заставляет вас полагать себя бессмертными и неуязвимыми? Вы молоды, и мудрости вам не достает. На сей раз случилась страшная беда. Но ты поступил достойно, не бросив своего друга и, невзирая ни на что, поверив, что его можно спасти. Но цена будет непомерно велика... цена вашей безопасности, варвар!

— И какую же цену я должен...

— Помолчи. Тебе нечем платит. Ты не сможешь выкупить его душу.

— Тогда кто же... у него ведь нет никого ближе меня!

— Я заплачу за него, чтобы вы двое смогли пройти весь путь до конца и дать Блистающему бой, какого он не может ожидать от смертных людей! — меруанский маг торжествующе рассмеялся. — Он не имеет права отказаться принять мою жертву! Я даю достойную цену! А ты... от тебя требуется только одно, киммериец: что бы ты сейчас ни увидел и ни услышал, не ужасайся и не отводи взгляда, не бросай меня — так же, как ты не оставил Алеу. Я не требую этого, впрочем; я только прошу! Ибо я привык быть один, но сейчас мне нужно, чтобы кто-то был рядом. Прежде чем я *уйду*, знай: я не просто меруанец, покинувший Чашу Богов и долгие годы странствующий по Хайбории, творя то, что люди называют чудесами. Я — Аватара, воплощение то-

го, в руке которого сосредоточена сама жизнь. Уже нет смысла скрывать это, поскольку мне отпущено слишком мало времени... Тебе же предстоит увидеть еще немало поистине великого на том пути, который ты пройдешь вместе со своим другом, и тебе откроется то, чего ты сейчас пока еще понять не в состоянии.

— Так ты, выходит, и вовсе не колдун, Шиндже-шеда, а один из богов?

В голове Конана все никак не складывалось ясной картины происходящего. Ну, колдунов и всякой нечисти варвар перевидел немало, однако о таком, чтобы боги запросто беседовали со смертными, слышать ему не доводилось. Да еще просили бы о поддержке.

Обычно даже самое страстное обращение к богам ни к чему не приводило, они молчали, сколько их ни зови, и особого интереса к земным делам не проявляли. А тут творилось нечто вовсе странное.

И о какой такой жертве он говорит? Может, он просто сам — безумен? «Блистающий», с которым он сражается, очевидно, какой-то сильный демон, ну, это понятно, — чтобы откупиться от демона, жертвы, в самом деле, приносятся. Там животные какие-нибудь, а в некоторых случаях и люди. Но не наоборот. Высшее не может идти в жертву низшему — такого не бывает. Все равно как солнце не может взойти с другой стороны, чем это обычно происходит. Тысяча вопросов вертелись на языке варвара. Но Шиндже-шеда вряд ли был расположен на них отвечать.

— Укроти свое любопытство, киммериец, и прошу тебя — не прерывай меня понапрасну. Мне еще многое предстоит сказать тебе. Путь мой лежал в Гандерланд, ибо там я должен остановить великое зло, коему надлежит свершиться в ближайшее время, принося людям неисчислимые беды, если я не вмешаюсь. Есть там один ювелир, мастер резать по камню. Что только ни выходит из-под рук его: амулеты, кулоны, талисманы-обереги, перстни, геммы, ожерелья, браслеты... Все его изделия чрезвычайно высоко ценятся по всей Хайбории. И не потому, что нет ему равных в мастерстве... Делает он, например, кулоны из сердолика, которые носят ведьмы, — если есть у кого-то из них такой кулон, власть такой умножается тысячекратно. И оливковые браслеты, сделанные им, тоже в ходу у колдунов и магов, — к их владельцам гораздо больше доверия со стороны людей. Им нет цены! Его творения никто не продает, а только передают из рук в руки. Но и это не главное, Конан! Ибо только этот мастер владеет страшным секретом мориона.

— Это еще что такое? — насторожился варвар, никогда не слыхавший о подобной диковине.

— Дымчатый морион... этого камня всегда боялись все люди. Велика его власть, и обуздать ее могут лишь считанные колдуны и чернорезы во всем мире. Взрослый мужчина, надевший на себя изделие из мориона, погибает на третий день. Ребенок — к концу первых суток, ибо сердце его останавливается. Морион — это камень некро-

мантов, который открывает дорогу в мир усопших для общения с ними.

Имени чернореза, о котором я говорю тебе, никто не знает. Мне оно известно, но тебе о нем знать ни к чему. Люди же зовут этого мастера Пауком. Самые сильные по всей Хайбории камни подчиняются его власти. А сам он стар... очень, очень стар! За свою жизнь изготовил он семь морионовых ожерелий... Доводилось ли тебе, Конан, слышать о двуликом правителе Мольдзене?

— Еще бы не слышать! Ведь это один из последних правителей Хаагена, Черный Мольдзен! Он-то, как я знаю, и способствовал гибели некогда прекрасной страны, погубив множество людей — предав одних страшных казни и сгноив других в темницах. Мольдзен Блэханд... Мангельда рассказывала мне об ужасах, которые он творил! Безумный тиран... Он умер в прошлом столетии, пережив три поколения обычных людей.

— Совершенно верно, киммериец, я говорю именно о нем. Этого человека, если можно о нем так сказать, считали даже бессмертным и поклонялись ему, как богу. Так вот, он постоянно носил на груди талисман из мориона, сделанный руками Паука, и пил вино из такого же бокала, инкрустированного золотом. Колдовской камень погубил его душу, и то, что осталось жить, было лишь оболочкой, до краев наполненной ненавистью.

— Получается, этот Паук — еще древнее, чем Мольдзен Блэханд? И он до сих пор...

— Так и есть. Горбатый чернорез умрет, лишь когда сам пожелает — на третий день после того, как наденет на себя морионовое ожерелье. И сила колдуна уйдет вместе с ним, дабы он сохранил возможность из потустороннего мира продолжать нещадно мстить тем, кто остался в живых.

Таково последнее предназначение любого ожерелья из мориона. Мне удалось найти и уничтожить шесть таких талисманов. Последнее, седьмое, осталось в руках Паука, и с ним он должен вскоре покинуть сей мир. Но после смерти он станет еще опаснее, чем при жизни. И я иду, дабы предотвратить это. Есть только один способ остановить подобное зло: сорвать с шеи лежащего в гробу чудовища в человеческом обличье проклятое колдовское ожерелье, закрыв тем самым дверь, через которую оно намерено возвращаться, чтобы продолжать сеять вокруг себя страдания и смерть. Но обычному человеку не под силу даже закрыть глаза колдуна. При такой попытке он тут же потеряет сознание и упадет без чувств. И уж тем более никто не способен прикоснуться к магическому камню. Однако если сейчас я... уйду, чтобы заплатить за возвращенный твоему другу разум, то кто завершит начатое мною дело? Шесть черных дверей я закрыл навсегда, но и единой оставшейся будет довольно, чтобы зло продолжало свершаться, а Блистающий — торжествовать!

— А я не гожусь для этой цели? — спросил Конан, хотя и так знал ответ.

— К сожалению, нет, — покачал головой Шиндже-шеда. — Ты невероятно силен и многое дано тебе, воин с благородным сердцем. Но ты лишь напрасно погубишь себя, попытавшись сотворить подобное.

Варвар тяжело вздохнул. Конечно, тягаться с могущественным чародеем он вряд ли мог. Он не Аватара — просто человек. Вот если бы требовалось вступить в открытый бой... это было бы совсем другое дело!

— Однако существует выход и из этой ситуации, — снова заговорил меруанский маг. — То, что ты сделать не в состоянии, может совершить Алеу. Он пройдет мой путь и исполнит мой долг, а после вы продолжите поход в Ландхааген. Но ты должен знать: это очень опасно. И может стоить жизни — вам обоим. Сила твоего друга не так велика, как моя, а действовать надо быстро. Ибо мне стало известно, что уже на завтра Паук назначил день своей гибели, а это значит, что спустя еще два дня тело его предадут земле. И если при этом морионовое ожерелье будет на его шее, всему конец. Все ли ты понял, киммериец?

— Мне все понятно. Но раз по-другому нельзя... ты хочешь, наверное, чтобы я дал тебе клятву?

— Нет — мне довольно твоего слова. Не забывай: я знаю тебя. Что ж... идите в Гандерланд, и пусть никакая сила не остановит вас на этом пути.

Меруанец опустился на землю рядом с Алеу, взял его руки в свои, прикрыл глаза... и варвар

почувствовал, что почва под его ногами как будто зашевелилась. Поднялся сильный ветер, забивающий песком и пылью легкие, звездное небо враз сделалось непроглядно черным — лишь редкие сухие всполохи молний проносились по нему, вонзаясь в землю. Тела юноши и Шин-дже-шеда были словно охвачены пламенем, от них разлетались снопы искр. Очевидно, происходящее причиняло магу сильные страдания — лицо его было искажено неподдельно мукой... и то, что он при этом не издавал ни звука, делало происходящее еще более жутким.

...Окончания трагедии Конан не видел. Когда он вновь открыл глаза, было утро, причем совершенно спокойное и ясное — ни следа разыгравшейся ночью бури. Киммериец огляделся. Лошади меланхолично жевали траву, время от времени встряхивая головами.

Элрина спала возле прогоревшего костра.

— Слушай,— донесся вдруг до его ушей голос Алеу,— мы, вообще-то, где находимся? На Бритунию что-то не похоже... И зачем ты таскаешь за собой эту девушку? Она что, до такой степени тебе приглянулась, что ты со вчерашнего вечера...

— Со вчерашнего? — хмыкнул варвар.— Если бы! С того вечера, о котором ты говоришь, прошло много дней.

Юноша в недоумении потер ладонью лоб.

— Ты шутишь, конечно? А куда подевался этот лысый? Я что-то ничего не помню... Ох, и погуляли мы с тобой, верно, в Келбаце...

Отложив объяснения на потом, Конан поднялся с земли.

— Шин-дже-шеда! — крикнул он, хотя прекрасно видел, что меруанец исчез.

Проклятье! Варвара охватило раскаяние. Ведь Аватара выполнил обещанное — вот рядом с ним стоит Алеу, парень в полном порядке и, слава богам, ничего не помнит о том, что с ним произошло. А он не смог сделать для Шин-дже-шеда такую малость — хотя бы пробыть с ним до конца...

— Кого ты зовешь? — с тревогой в голосе проговорил Алеу.— Разве с нами есть кто-то еще? И не знаешь ли ты... так странно — когда я проснулся, у меня в руке была зажата горсть пепла. Словно что-то сгорело дотла прямо у меня на ладони, а я даже не почувствовал ожога...

Горсть пепла, подумал киммериец.

Все, что осталось от странствующего бога, который сжег себя ради того, чтобы они могли продолжать свой путь. Глубокая печаль заставила горестно сжаться его сердце.

— Я хотел сохранить его,— продолжал юноша,— но подул ветер и унес этот пепел. Ничего не осталось...

— Ты остался. Шин-дже-шеда заплатил за тебя... Я все объясню тебе потом, сейчас у нас нет времени. Поехали! Элрина!..

Девушка села, переводя настороженный взор с Конана на Алеу.

— Получилось? Ведь с ним все хорошо? Разум вернулся к Алеу?..

— Да уж и не знаю,— проворчал варвар, саясь в седло.— Может, он снова станет вести себя как последний дурак...

И он решительно повернул коня.

— Эй,— воскликнул юноша,— ты куда? Ландхааген в противоположном направлении!

— Придержал бы язык, без тебя знаю, где Ландхааген. А нам теперь надо в Гандерланд. Там у нас есть одно дело.

Теперь без разъяснений было не обойтись, и киммериец приступил к рассказу. Подробно изложив Алеу все, что случилось в Келбаце, Конан затем поведал своему спутнику об Аватаре Шиндже-шеде и о дымчатом морионе. Чем дольше слушал его Алеу, тем более мрачным становилось его лицо.

— Что я наделал...— проговорил он в глубокой печали и с искренним раскаянием в голосе.— Моя непростительная беспечность навлекла на вас столько бед! И самое ужасное, что из-за меня погиб Аватара. Я недостойн такой жертвы! Недостойн целовать землю, по которой ступала его нога — и сам же погубил его...

— Ну, меруанец здорово в тебя верил, раз говорил, что ты можешь его заменить. Хотя, конечно, получилось все скверно... Чародей он там или бог, а мужик был хороший, такие редко встречаются!

— Элрина,— после долгого молчания снова заговорил Алеу, обращаясь теперь к девушке,— так значит, ты помогала мне во всем, когда по моей собственной глупости со мной произошло

это несчастье? Ведь я ничего не соображал, ничего не чувствовал...

— Да... я... мне жаль стало, что ты такой молодой, красивый, и вдруг такое... я хотела, как лучше...

У Конан на языке вертелись язвительные слова относительно того, чего именно она там хотела, но он счел за лучшее промолчать. Пусть сами между собой разбираются...

— Неприятно, наверное, было с идиотом возиться, насмешки выслушивать?

— Ну, что ты! — горячо воскликнула девушка.— Разве ты был виноват в своей беде? Я... я полюбила тебя за эти дни... полюбила всем сердцем! Я на край света пошла бы за тобой, если бы ты пожелал!

С тоской глядя на Алеу, она погладила его по щеке.

— Я несказанно рада, что к тебе вернулся разум, только ведь не нужна я тебе больше... Лучше меня женщин сколько угодно найдется, они ноги тебе целовать готовы будут, а я... вернусь назад в тот кабак в Келбаце.

— Может, конечно, и найдется,— согласился юноша.— А случись опять со мною какая беда, всех как ветром сдует. А тебя вот не сдуло, Элрина. Много ума на то, чтобы вешаться на шею сильному красавцу, за которым, как за каменной стеной, не надо. А вот идиота с ложки кормить да загаженные тряпки за ним менять... что-то не видал я на это особых охотниц. У тебя главное есть: честность и сострадание. И вот что я тебе

скажу, Элрина. Поезжай назад, но не в Бритунию. Иди до Кезанкийских предгорий, и там жди меня. Я приду за тобой. Если я призван стать отцом детям антархов, то ты им будешь матерью, а мне — женой. Если, конечно, захочешь этого.

Печальное лицо Элрины озарилось несказанным счастьем.

— Правда, Алеу?! — выдохнула она со слезами на глазах. — Ты на самом деле хочешь взять меня в жены? О, мое солнце...

— Правда, любимая, — улыбнулся юноша, привлекая ее к себе. — Ты только дождись меня. И что бы ты ни слышала обо мне, не верь даже самой страшной вести, пока сама не увидишь меня мертвым. Сбереги себя: я приду. А теперь ступай — и проси богов, чтобы они оказали нам свою благосклонность!

— Я сделаю все, что ты скажешь. И я дождусь тебя, Алеу!

Она легко спрыгнула с коня и бросилась в объятья юноши.

Варвар не стал вмешиваться. Более того, он щедро отсыпал Элрине монет на долгий обратный путь — уж чего другого, а денег, которых он забрал у Сафины, пока что было в избытке, да и излишней скупостью киммериец никогда не страдал...

Спутники пустили лошадей в галоп — и мчались теперь в сторону Гандерланда, не останавливаясь.

Глава четвертая

Паук, одно лишь имя которого наводило суеверный ужас на тех, кому доводилось его слышать, отходил в иной мир. Он жил так долго, и это занятие ему порядком надоело. Ничто более не удерживало его на земле. Он равно пресытился и властью, и богатством, и страшной своей славой. Он имел все, чего бы ни пожелала его черная душа; великие правители трепетали перед ним и в страхе склоняли головы. Самые прекрасные женщины были у его ног, и отталкивающее уродство властелина отнюдь их не смущало.

Смерть на страшила Паука: с нею он был прекрасно знаком, и ее одну любил по-настоящему, ибо всегда был обручен с нею. Она не стояла в конце его земного пути жутким призраком, а верно служила ему.

Только смерть могла дать ему власть еще более безграничную, нежели та, которой Паук обладал при жизни, из потустороннего мира он мог

дотянуться до кого угодно, и мысль об этом наполняла его сердце сладостной истомой.

Он коснулся скрюченными длинными пальцами ожерелья, покоящегося на его груди, и хрипло рассмеялся, отчего и без того предельно отвратительное, сморщенное, изрезанное глубокими морщинами лицо колдуна с огромными выпуклыми водянистыми глазами сделалось еще более отталкивающим.

— О, мой повелитель,— проскрежетал Паук, обращаясь к кому-то, кого видел только он сам,— верный твой слуга идет к тебе, правая рука твоя на земле, и отныне мы будем править вместе... Одного лишь опасался я — проклятого Шин-дже-шедда, но он мертв, и теперь последняя преграда, способная разлучить нас, сокрушена и повержена. Проклятый меруанец умер, как жалкий нищий раб, на пыльной дороге, и сам обратился в пыль, и даже пепел развеял без остатка ветер. Как же я счастлив, что и это желание мое исполнилось! Итак, открой слуге своему твои объятия, повелитель, и явись мне в блеске славы твоей, ты, пред именем которого трепещут народы, и по чьей воле великие империи рассыпаются в прах!..

Смрадное дыхание с хриплым дыханием вырывалось из широко раскрытого рта с гниющими осколками зубов, но с последними словами, напоминающими шипение, оно прервалось. Черный распухший язык вывалился из рта, глаза Паука еще более вылезли из орбит и остановились, словно обратившись в два мутных стеклян-

ных шара. Пальцы, стискивающие холодный камень, разжались, и похожая на птичью лапу рука бессильно упала.

Сердце Паука остановилось, прекратив гнать по жилам его ленивую черную кровь, и колдун умер.

Четырнадцать могущественнейших магов, в молчании ожидавших его кончины, приблизились к ложу своего божества. Никто из них не мог сравниться силой с великим чернорезом, и никто не осмелился бы заявить о себе, что достоин занять место усопшего.

Они съехались и сошлись в Гандерланд со всей Хайбории, и из Черных Королевств, из Китая и Вендии, чтобы воздать тому, кто был и им известен лишь под именем Паука, последние земные почести и достойно предать земле его хилое, скрюченное, словно причудливо искривившийся древесный ствол, тело.

Сползлись, точно змеи, на похороны величайшего из колдунов, владевшего тайной власти над дымчатым морионом... Он никому ее не передал. Сила мориона уходила вместе с Пауком, и возвестить о том, как управлять ею, он мог только оттуда, куда не проникает взгляд непосвященных, и тому лишь, кто решится вызвать его дух.

Тело Паука покоилось на специально изготовленном для него ложе из черного дерева.

Двое магов подошли к нему вплотную, продолжая хранить молчание, более приличествующее величию момента, нежели возвышенные речи. Они осторожно подняли тело, оказавшееся

неожиданно тяжелым — настолько, что лица колдунов мгновенно покрылись испариной пота, а мышцы напряглись до предела, — и переложили в длинный, стоявший здесь же на возвышении гроб.

Едва только они покончили с этим, как сами собою загорелись на сводчатых стенах чадающие факелы, и все помещение наполнилось гулом и шелестом, от коего кровь стыла в жилах.

Это явились духи потустороннего мира, приветствуя отлетающую душу колдуна-чернореза, чтобы встретить ее и с величайшим почетом препроводить в то царство, к которому он так стремился.

Среди все усиливающейся какофонии звуков отчетливо можно было различить чей-то визгливый смех, очевидно выражающий радость и торжество, и вздохи и стоны загубленных чарами Паука душ, и странные пронзительные вопли, заменяющие погребальные песнопения.

Полумрак, освещаемый неверным светом факелов, вспучивался и шевелился, и из него вылезали чудовищные морды тварей, напоминающих не то летучих мышей, не то саламандр. Они жадно сползались к гробу, хихикая и беспрестанно корчась, расталкивая друг друга и норовя хоть какой-то частью тела прикоснуться к его стенкам. Мерзкие создания путались в волосах и садились на плечи колдунов, равные среди равных; а Паук, мертвый и неподвижный, казалось, благосклонно взирает на них своими раскрытыми остекленевшими глазами!..

— Жертва... — разлепил, наконец, губы кхитайский чародей, взявший на себя обязанности распорядителя жуткой церемонии. — Время пришло.

Он трижды медленно и гулко хлопнул в ладоши. Высокие двери залы тут же сами собой растворились, и стражники ввели двоих людей, необыкновенной красоты юношу и девушку. Те не оказывали никакого сопротивления, то ли находясь под сильным воздействием какого-то пригипляющего все чувства дурмана, то ли вообще не понимая, что происходит. Они шли, как овцы на заклание, не поднимая глаз и безвольно переставляя босые ступни по причудливому каменному орнаменту пола.

Потусторонние твари завизжали от возбуждения и задергались еще пуще прежнего. Несчастных поставили на колени возле гроба. Кхитаец подошел к ним сзади, схватил девушку за волосы и, резко откинув ей назад голову, одним взмахом вынутого из широкого рукава одеяния ножа перерезал горло.

Мощной струей хлынула алая кровь, и прекрасное тело, слегка вздрагивая, рухнуло на пол подобно тряпичной кукле. Та же участь постигла и юношу — нож мага вонзился ему в сердце. Мерзкие создания тут же, отчаянно вереща, кинулись лакать их теплую кровь. Не обращая на них внимание, кхитаец вызвал следующую пару...

Почти всякий раз колдун менял способ убийства: некоторым жертвам он отрезал головы, иным же вспарывал животы, и дымящиеся синеватые внутренности вываливались на камень

пола из выпотрошенных тел; или же он вырезал у еще живых сердце и держал на ладони кровавую, судорожно пульсирующую плоть, чтобы затем бросить ее на растерзание ненасытным тварям, явившимся из самых глубин царства безраздельно господствующего зла.

Двенадцать пар были введены в залу, и двадцать четыре мертвых тела лежали возле гроба Паука, когда жертвоприношение, наконец, завершилось. Почти никто из несчастных не кричал и не оказывал сопротивления палачу.

Лишь один, уже стоя на коленях, вдруг словно очнулся, безумным взглядом окинул место кровавой бойни и неожиданно вскочил с яростным воплем, намереваясь если не спастись, то дорого продать свою жизнь.

Ему даже удалось выбить окровавленный нож из руки на миг растерявшегося кхитайца, но дотянуться до оружия он уже не успел — страшный удар, нанесенный ему сзади чернокожим дарфарским колдуном, швырнул его на пол, и человека, еще живого, немедленно разорвали на куски. По окончании этого чудовищного действия маги, среди которых более половины были, подобно Пауку, ювелирами-чернорезами, сохраняя молчаливое достоинство, удалились в соседнюю залу, где продолжили совершать тризну по почившему гению зла, который остался пребывать в окружении любезных его сердца демонов и нетопырей, все еще издававшим довольное сытое урчание, с наслаждением вылизывая кровь, лужами собравшуюся на полу из растерзанных тел.

* * *

Между тем киммериец и Алеу на всем скаку приближались к городским воротам. Однако невиданное дело — стража преградила им путь. В эти дни доступ в Зильбербург, гандерландский город, где окончил свои земные дни Паук, был закрыт для чужеземцев.

— Ну-ка, живо разворачивайте коней и езжайте в обход, — рявкнул стражник, мощный и прекрасно вооруженный детина, с ног до головы обвешанный всеми мыслимыми средствами защиты и нападения.

— Это почему же, дяденька? — наивно округлив глаза, поинтересовался Алеу. — Мы люди мирные, да и спешим очень: сестра моя замуж выходит, мы чуть коней на заморили, чтобы на свадьбу поспеть, а ты вон какой суровый, пропускать нас не хочешь... Нехорошо, сестрица моя шибко расстроится, ежели любимого брата в такой радостный день увидеть не сможет!

— Ты, щенок, дурака-то брось валять, — охранник злобно и заковыристо выругался. — Вали отсюда, пока я подмогу не позвал, иначе как бы на брюхе уползать не пришлось. Какие нынче свадьбы?!

— Ой, дяденька, ты меня так сильно не пугай, а то не ровен час заикаться начну. Вон ты какой грозный, куда ж тебе еще и подмога! — даже не подумал униматься юноша. — А что случилось-то? Мор, что ли, какой на вас напал?

— Мор, — проворчал стражник, — какой там мор... это было бы еще полбеды! Тут похуже дела

творяются. Великий человек, могущественный маг умер... — и, спохватившись, что не в меру разговорился с дерзким чужаком, заорал с удвоенной яростью: — Пошел вон, бродяга, пока я тебя с коня не стащил и задницу не надрал так, что в седло сесть с седмицу не сможешь!

— Вот это уж ты совсем напрасно, — вконец опечалился Алеу, неторопливо спешиваясь.

Он, как и Конан, уже понял, что хотя охрана и выставлена, но непохоже, что усиленная, иначе за время перебранки к стражники успели бы присоединиться пара-тройка таких же крепких ребят. Впрочем, один, по крайней мере, в наличии имелся — к первому стражнику торопливо приближался напарник, полный решимости разобрататься с настырными чужаками.

— О, какая встреча! — белые зубы Алеу сверкнули в приветливой улыбке. — Конан, ты погляди только! Это, видно, насчет твоей задницы поговорить пришел!

Киммериец даже не подумал слезать с коня. Двое — это для зеленоглазого так, слегка поразмяться. Ни к чему обижать парня собственным вмешательством.

Однако стражники были настроены серьезно, очевидно, получив приказ убивать при необходимости всякого, кто осмелится претендовать на то, чтобы проникнуть за городские стены.

Во всяком случае, на Алеу они смотрели с ненавистью. Двигаясь, невзирая на мощь, с легкостью крупных хищников, они приближались к юноше, обходя его с двух сторон. Все ясно, поду-

мал варвар, они с Алеу просчитались, предполагая, что малое количество охраны свидетельствует о слабой защите городских ворот.

Судя по их уверенным, точно рассчитанным движениям, то были опытные бойцы. Он прыгнул на землю, но все произошло очень быстро...

Алеу отступил на пару шагов. Руки его висели вдоль тела, как плети.

Двое убийц — а в том, что именно они собираются сделать, сомневаться не приходилось, — продолжали неумолимо прижимать его к стене. Конан успел подумать — если им это удастся, все закончится менее чем через минуту. Вдруг первый из стражников сделал быстрое движение, и в руке у него сверкнул кинжал.

Юноша словно разом лишился костей.

Он упал, мигом перевернулся на живот и сразу же — снова на спину, с силой выбросив в стороны ноги. Подошвы сапог описали стремительный круг.

Лезвие кинжала рассекло лишь воздух. Державший его стражник, видимо, был столь убежден в неотразимости выпада, что, промахнувшись, потерял равновесие.

Носок сапога Алеу ударил его в висок, и было ясно — удар смертельный.

Но самое поразительное заключалось в другом...

Юноша вовсе не казался в этом поединке проворнее или быстрее в реакции, нет — он просто действовал так, словно знал заранее, что произойдет в следующий миг.

Второй нападавший находился левее и чуть позади. Он быстро пригнулся, что-то нащупывая у правой лодыжки. Алеу шагнул к нему.

Его движения стали каким-то странными, глаза расширились, рот приоткрылся. Юноша взмахнул руками, будто собирался плыть; тесноватая рубаха лопнула у него на спине.

Противник выпрямился, сжав деревянную рукоятку своего оружия, к которой была прикреплена стальная струна. На другом ее конце висел граненый металлический шар размером с куриное яйцо. Стражник взмахнул рукой, и шар полетел в лицо Алеу. Раздался звон предельно выжатой струны.

Шар не достиг цели буквально на пол-пальца.

Тогда стражник закружил возле юноши, не отрывая от него взгляда. Внезапно он прыгнул вперед, разом покрыв разделявшее их расстояние.

Рука изогнулась в резком рывке — но на миг позже, чем требовалось. Только на миг...

Алеу резко — упреждающе — поднял левую руку, и стальная струна захлестнула его запястье. Он отклонился назад, натягивая струну, и неожиданно легко — словно черенок из гнилой сливы — вырвал оружие из руки врага, одновременно нанеся ему удар ногой в пах.

Стражник с диким воем упал и перекатился в сторону, в последней отчаянной попытке подняться. Возможно, это могло бы помочь ему — в бою с обычным противником.

Но не с этим.

Едва поверженный враг оказался на спине, Алеу подпрыгнул, вымахнув вверх почти на три локтя.

На миг он словно застыл в воздухе... Потом каблуки его сапог ударили лежащего человека в грудь.

Раздался хруст костей — и тяжесть тела юноши, умноженная на страшную силу прыжка, смяла грудную клетку. Вероятно сердце и легкие были мгновенно раздавлены — стражник содрогнулся, изо рта его выплеснулся фонтан крови. Потом он затих.

Юноша быстро восстановил дыхание.

— Путь свободен, — сквозь зубы проговорил он, оборачиваясь к Конану, все еще находящемуся под впечатлением увиденного; глаза юноши сузились и горели яростью, он ничуть не сожалел о том, что сделал. — Это не человек, — выдавил он, очевидно, о втором убитом. — Сволочь, мразь... сколько невинных людей он погубил...

Алеу был прав: он знал, что имел дело с тем, кто прошедшей ночью доставлял жертв ко гробу Паука.

Взяв лошадь под уздцы, юноша первым вступил в Зильбербург.

Город словно вымер. На улицах не было ни души. Ноздри юноши хищно раздулись.

— Уже сейчас здесь творятся страшные дела, — тихо произнес он. — Что же завтра-то будет, когда эту гадину хоронить поволокут?

— Алеу, — попросил киммериец, — ответь мне только на один вопрос. Ты действительно зара-

нее знаешь, как и куда будет нанесен удар? Ты... можешь предвидеть чужие действия?

— Когда я дерусь, я ни о чем не думаю, — ответил юноша. — Все происходит, как во сне. Понимаешь, какая штука: я родился бойцом. Это дар. Я уже говорил тебе, что не умею, не могу объяснить... Я не люблю убивать. Но иногда нет другого выхода. Вот Аватара поступил бы иначе. Он просто прошел бы мимо них незамеченным... или сквозь стену бы проник. Всевидящие тоже могли бы им отвести глаза, наверное... А я так не умею. Только драться. Видно, каждому свое.

— Ну, что ж... А куда, собственно, мы идем? Алеу задержал шаг.

Глядя в глаза своему спутнику, он тихо и отчетливо произнес:

— К Пауку. Как бы его ни охраняли, мы должны до него добраться. И чем скорее, тем лучше. Помнишь, ты мне рассказывал, что был в Заморе королем воров? Думаю, теперь тебе потребуется вспомнить все свои таланты по этой части.

— Ты собрался украсть морионовое ожерелье?

— А ты считаешь, мне его могут подарить?

Довольно скоро они приблизились к замку, в котором жил — и умер — чернорез. Строение не особо впечатляло размерами, но в том, что это именно замок, сомневаться не приходилось. Никаких следов охраны, тем не менее, заметно не было.

Однако Алеу прислушался к чему-то словно внутри себя и проговорил:

— Он там. Я чувствую. Но туда так просто не войдешь. Колдуна стерегут не люди.

— Тогда кто же еще, во имя Крома?!

— Кто-кто — нечисть. И она тут просто кишмя кишит. Правда, бдительность у них у всех малость притуплена. Сытые они сейчас... кровью и болью невинных жертв сытые, — глаза юноши вновь сузились и яростно блеснули, что свидетельствовало о праведном возмущении и с трудом сдерживаемом гневе. — Ладно же, ублюдки... берегитесь! Я испорчу вам празднество! — Алеу с трудом перевел дыхание. — Конан, здесь есть потайной ход. Двинемся к нему — так надежнее.

Точно собака, безошибочно взявшая след, он развернулся и пошел прочь от замка, остановившись примерно в квартале от здания.

— Здесь. Вообще-то, выходов несколько, но один из них...

— О чем ты говоришь?! Ничего не вижу!

— А тебе и не надо... — Юноша встал на колени и слегка раскачал булыжник дорожной кладки, выдернул его и отбросил в сторону, потом таким же образом поступил еще с несколькими камнями и поднял, наконец, тяжелую прямоугольную крышку, прикрывавшую вход. — Есть! Увидеть нельзя — надо знать. Или чуют.

Он сел, упираясь руками в мостовую.

— Ага. Здесь вроде лестница. Давай за мной! Гибкое тело Алеу скользнуло вниз.

Варвар последовал за ним.

— Задвинь крышку, — сказал юноша. — Камни наверху сами на место сползутся.

— Как это — сами?!

— Очень просто. Ты что, с магией никогда не сталкивался?

Киммериец пожал плечами. Сталкиваться-то приходилось не раз, причем очень часто столкновения эти заканчивались крайне невыгодно для колдунов и чародеев, но вот привыкнуть к этому... Крышка входа с лязгом встала на место, а затем он услышал, как с той стороны на нее словно кто-то аккуратно положил булыжники.

Нет, все же не любил он магов, ох, не любил!

Темнота была абсолютной, и ориентироваться приходилось наощупь да по звуку шагов Алеу, двигавшегося вперед если и не очень быстро, то достаточно уверенно. Словно юноша видел, куда идет. Они спускались все ниже. Наконец, узкие крутые ступени кончились.

— Это не просто подземный ход,— сказал Алеу.— Лабиринт. Собьешься с курса — никогда не выберешься. Хитрая штука!

— Но ты ведь не собьешься?

— Да так сразу и не скажешь. Я ведь не колдун, а здесь морок очень сильный наведен. Нежитью надо быть, чтобы не ошибиться. Понимаешь, в чем дело, Конан: я чувствую, где они и как туда добраться кратчайшим путем, но идти надо правильно. То есть в обход.

— И что?

— Ничего. Сейчас я нам с тобой подыщу провожатого. Подожди... молчи пока.

Киммериец так и сделал. В полной тишине слышно было только, как где-то падают капли

воды — медленно и редко. Потом он уловил что-то вроде хлопанья крыльев, и почти сразу услышал возмущенное и испуганное верещание.

— Мышка, мышка,— со злорадным смешком произнес Алеу,— что, мышка, влипла? Жирная потому что. Обожралась, гадина. Резвость потеряла. Да ты, мразь, не кусайся! Конан, ты здесь? Я тут упыренка отловил,— после этих слов последовал хруст тонких костей и чего-то рвущегося, сопровождаемый пронзительным визгом.

— Эй, ты что там с ним делаешь? Жрешь живьем, что ли?!

— Вот еще! Терпеть не могу сырой упырятины. Воняет противно, жесткая, да еще полный рот шерсти. Отплевывайся потом... Я ему просто крыло порвал. Отлетался, мерзавец. Остальные уже не ползут. Вон он как орет. Сигнал опасности. Точно не ползут — трусливые они все. А ты, мышка, давай-ка, показывай дорогу. Иначе — придушу.

— Он что, понимает?

— А как же. Все они понимают. Жить захочешь, научишься. Пошли, Конан.

Нежить, очевидно, действительно осознала всю серьезность своего положения. Она исправно пищала, если Алеу поворачивал не туда, куда следует, покорно выполняя роль провожатого. Идти — а местами и ползти по воде — пришлось долго. Наконец, юноша снова остановился.

— Так. Теперь опять подъем. Вижу... Давай! Но помни: как только мы высунемся, нас встретят — причем не думаю, что рыдая от восторга.

Он одним движением свернул шею проводнику и отшвырнул тело упыря в сторону. Быстро поднявшись по ступенькам, Алеу нащупал над головой еще одну дверь, отодвинул ее — и одним прыжком вылетел на поверхность, тут же присев, подобравшись в полной готовности к атаке. В тот же миг варвар оказался с ним рядом. Это была та зала, в которой ночью происходила жуткая оргия смерти. Гроб с телом Паука стоял на прежнем месте, а то, что осталось от растерзанных тел его жертв, было уже убрано.

Нечто, полузверь-полуптица с перепончатыми крыльями, острым клювом и широко расставленными когтистыми лапами, стремительно спикировало сверху, но юноша неуловимым движением уклонился, а киммериец ударом мелькнувшего в воздухе меча разрубил гадину пополам.

— Прикрой меня! — крикнул Алеу, короткими перебежками устремляясь к гробу.

Нежить налетала со всех сторон.

Конан крутился волчком, вращая мечом с немыслимой скоростью, отбиваясь сам и защищая своего спутника, которому твари норовили вцепиться в глаза. Но вот Алеу вспрыгнул на возвышение — и оказался лицом к лицу со страшным мертвецом.

В гробу лежал сморщенный старичок с непропорционально огромной, совершенно лысой головой и огромными же, широко распахнутыми остекленевшими глазами, веки которых невозможно было закрыть. Здесь, в непосредственной близости от его тела, нежить отступила — очевидно,

полагаясь на силу самого Паука, а варвар внизу продолжал держать оборону, отбиваясь от целой орды разномастных тварей, тучи которых заполнили собой залу. Медлить было нельзя ни секунды. Алеу протянул руку — и одним резким движением сорвал ожерелье с шеи покойного.

Из глаз Паука в этот момент вытекла какая-то черная жидкость, а тело его судорожно дернулось — но этого юноша уже не видел. В его собственных глазах на миг потемнело — морион обжигал его живую плоть, словно раскаленный металл, но Алеу не разжал руки, мужественно перенося страшную боль.

Не выпуская ожерелья, он спрыгнул вниз, и в этот момент в зал ворвались пятеро или шестеро из четырнадцати колдунов во главе с изувером-кхитайцем.

— Ну, мерзавцы! — яростно выкрикнул юноша, высоко поднял над головой руку, сжимающую смертоносное ожерелье. — Подходите, кто самый смелый!

Он стремительно отступал, плечом к плечу с киммерийцем. Кхитайский маг первым пришел в себя и бросился на них — но острие меча Конана вонзилось в грудь и прошло насквозь, пропоров спину. Изувер захрипел и задержался, истекая кровью. Варвар опустил меч, прижал тело кхитайца ногой и выдернул лезвие. Остальные соваться уже не осмелились, а морион в руке Алеу надежно защищал спутников от собственно магического воздействия — нападать на нового владельца ожерелья было чистой воды безумием.

Оказавшись на улице, оба, не сговариваясь, бросились бежать со всех ног до самых городских ворот, по дороге прихватив чьих-то лошадей — за своими возвращаться времени не было — и стремительно покинули Зильбербург.

Только когда они отъехали на достаточно безопасное расстояние, киммериец заметил, что с Алеу творится что-то неладное. Парень едва держался в седле. Варвар остановился сам и помог спешиться другу, продолжавшему судорожно сжимать в руке ожерелье.

— Не трогай его, — предупредил юноша, — это опасно.

— А я и не собираюсь. Да разожми ты руку!

Алеу медленно разжал пальцы, и ожерелье скользнуло на землю. Ладонь юноши была обожжена и выглядела как сплошная рана. Зеленые глаза стали белыми от невыносимой муки, губы кривились и прыгали.

— Конан, — он вынужден был опереться на плечо друга, ибо ноги не держали его, — Аватара... не ошибся в нас. Паук больше не сможет вернуться. А это, — он указал на морионовое ожерелье, черной змеей извивающееся в траве, — надо сжечь. Седьмая дверь закрыта. Последняя...

— Разве камни горят? — усомнился варвар.

— Еще как, — подтвердил его спутник, стараясь улыбнуться.

Глава пятая

Наконец морионовое ожерелье было уничтожено. Теперь спутники могли взять путь на Хааген. Слишком дорого обошедшаяся беспечность многому научила Алеу, и он стал куда осторожнее и сдержаннее, а на вино какое-то время вообще смотреть не мог, словно записной трезвенник.

И еще юноша старался ни на шаг не отходить от Конана: держаться вместе было безопаснее.

Варвар с любопытством наблюдал за товарищем. Ему было даже интересно посмотреть, надолго ли хватит Алеу — не связываться со всеми подряд женщинами, не напиваться до бесчувствия в каждом кабаке, не ввязываться в многочисленные драки и прочая, и прочая...

Аскетизм был совершенно чужд природе зеленоглазого юноши, появившемуся на свет в небольшом глухом селении, а последние два года вообще проведенному прикованным к стене и испытывавым жестокие мучения.

Унять, не перепробовав все возможные искушения на собственной шкуре, ему было чрезвычайно трудно. Алеу обожал жизнь во всех ее разнообразных проявлениях и мгновенно загорался всякой новой идеей или задачей — чем труднее и рискованнее — тем лучше. Ему непременно требовалось испытать себя в самых неожиданных авантюрах. Поэтому случайная встреча с бродячими артистами прямо-таки свела парня с ума. Ну как же — среди них были канатоходцы! Веревка, натянутая на головокружительной высоте между двумя шестами, притягивала его к себе с непреодолимой силой.

— Если тебе не терпится побыстрее свернуть себе шею, — буркнул Конан, заметив излишне пристальный интерес Алеу, — могу предложить более надежный способ. Тебе помочь это сделать безо всякого каната?

Юноша и сам понимал, что никто из них не может идти на неоправданный риск. История с дымчатым морионом все еще была слишком свежа в памяти, и он до сих пор не вполне владел жестоко обожженной рукой. Ввязываться в очередную авантюру он, в общем-то, и не желал.

Однако если человеку на роду написано оказываться в центре различных невероятных событий, попадать в единственно нужный момент в нужное место, то от судьбы не уйдешь... Смутное беспокойство, причины которого он не понимал, терзало сердце Алеу. Умея легко сходиться с людьми, он разговорился с двумя молодыми циркачами, парнем и девушкой, причем девуш-

ка была даже моложе его, не старше шестнадцати зим от роду. Оба они поразили воображение Алеу головокружительными трюками, которые легко выполняли на том самом злополучном канате, натянутом над головами потрясенной толпы. Эти двое казались как бы единым целым, что неудивительно, ибо Энар и Ретана очень любили друг друга.

Ремеслом своим они владели с раннего детства; их гибкости могла бы позавидовать даже змея, а ловкости — обезьяна. Они охотно и подробно рассказывали о своей жизни, и даже разговаривали эти молодые люди так, словно были близнецами — если один из них начинал какую-то фразу, второй легко заканчивал ее, или же они в один голос произносили одно и то же, тут же разражаясь по этому поводу искренним хохотом и не сводя друг с друга влюбленных глаз. Рядом с ними Алеу отдыхал душой.

Но чем дольше смотрел он на Энара и Ретану, тем сильнее становилась его тревога. К ужасу своему, он вдруг понял, что подобное ощущение ему очень хорошо знакомо.

Так бывало всякий раз, когда перед ним оказывался обреченный, отмеченный страшный печатью близкой смерти.

Тот самый дар, который пытался когда-то использовать в своих целях Бриккриу, снова заявил о себе. Сейчас Алеу видел, насколько один из этих счастливых людей близок к тому, чтобы покинуть мир живых — и очень скоро. Энар!.. Пройдет совсем немного времени, и хрупкое сча-

стве молодых людей рассыплется в прах, милое юное личико Ретаны исказится невыразимым горем, а прекрасное гибкое тело ее возлюбленного будет остывать, страшно изуродованное, на холодной безучастной земле. Эта картина стояла перед глазами Алеу так ясно, будто трагедия уже произошла.

— Что с тобой? — спросила Ретана, заметив его состояние. — Отчего ты печален?..

Он обязан был предупредить их!

Молчать Алеу не мог, не имел права.

— Энар... — сказал он. — Энар ни в коем случае не должен участвовать в завтрашнем представлении, его будет поджидать страшная опасность.

Девушка отшатнулась в гневе и недоумении.

— Зачем ты так говоришь? Зачем пророчишь нам какое-то зло?!

Да, теперь, что бы ни случилось, они обвинят в этом его же самого.

— Я не хочу вам зла! — в отчаянии воскликнул Алеу. — Но поймите, я чувствую... я знаю!

Энар вскочил, глядя на него с яростью.

— Убирайся! Ты просто завидуешь нам. Будь я проклят, если поступлю как последний трус и откажусь подняться на канат из-за слов какого-то завистника. Ты что, колдун?

— Да нет же! Но послушайте, я никогда не ошибаюсь...

Алеу по опыту знал, что подобные предупреждения почти всегда вызывают недоумение и гнев у тех людей, которых пытаются предупредить

дить об опасности. Но он еще не потерял надежду переубедить Энара и Ретану.

— Ну какая беда в том, если один раз отменить представление?..

— Я уже сказал тебе: убирайся! — окончательно вышел из себя Энар. — И прекрати лезть в нашу жизнь! Через три дня у нас с Ретаной свадьба, и в честь этого события мы пообещали богам сделать нечто совершенно необыкновенное... ведь у нас возможности ни в чем, кроме нашего собственного мастерства, показать им нашу признательность за то, что они к нам так благосклонны. А ты хочешь, чтобы мы нарушили клятву и тем самым, может быть, перечеркнули будущее счастье. Мы не желаем тебя слушать!..

Все бесполезно, понял Алеу.

Глубоко опечаленный, он рассказал обо всем своему спутнику.

— Да плюнь ты на них, — легкомысленно ответил киммериец. — Ты искренне предупредил их об опасности, они решили поступить по-своему. Что ж, больше все это тебя не касается. Так что седлай жеребца, и поехали-ка дальше!

С большой неохотой юноша вынужден был с ним согласиться.

Но то, что неизбежно должно было произойти, не выходило у него из головы. Энар и Ретана были так уверены в себе... Ему казалось, что точно так уже было однажды: когда он впервые предупредил Бриккриу о предстоящей гибели охотников, которую он совершенно точно увидел. Его приемный отец тогда послал людей на вер-

ную смерть. Неужели подобное должно повториться?..

— Нет,— наконец, не выдержал Алеу.— Я должен остановить Энара. Должен попытаться спасти ему жизнь. И ты мне в этом поможешь!

Юноша решительно развернул жеребца и помчался назад к тому месту, где бродячий цирк разбил свой лагерь.

Ругаясь и на чем свет стоит кляня своего спутника за ослиное упрямство и на редкость вредную привычку постоянно совать нос не в свое дело, варвар поехал следом.

По правде говоря, он сам был из той же породы, поэтому в глубине души отлично понимал, что движет его спутником.

Вновь появившись в лагере уже глубокой ночью, двое друзей, посоветовавшись, сделали единственное, что могли в такой ситуации: попросту похитили спящего канатоходца, заткнув ему рот, чтобы он никого не поднял на ноги своим криком, и надежно связав, потому что Энар отчаянно сопротивлялся подобному насилию.

— Отлично,— удовлетворенно заметил Алеу.— Теперь ты должен отъехать с ним на безопасное расстояние. И не спускать с него глаз до конца следующего дня, пока опасность не минует.

— А ты сам что намерен делать? — поинтересовался Конан, понявший по словам приятеля, что тот собирается заняться чем-то еще.

— Я должен все объяснить Ретане. Представляешь, что произойдет, когда бедная девочка обнаружит его исчезновение? Она же просто с

ума сойдет! А за меня не беспокойся. Поезжай вперед, я вскоре вас догоню.

— Ну, что ж, если ты так считаешь...

Еще бы! Алеу не выполнил еще и половины из того, что задумал. Стоило его спутнику вместе с Энаром скрыться из виду, как он произнес, словно обращаясь к самому себе:

— Представление должно состояться...

Эти же слова он повторил вконец перепуганной и растерянной Ретане:

— Не бойся. С твоим любимым все будет хорошо, поверь. Мой друг сумеет защитить его, что бы ни случилось. И пойми: я точно знаю, что Энар должен был погибнуть, сорвавшись с каната во время представления. К сожалению, даже то, что я сделал сегодня ночью, не может окончательно отвести опасность: смерть умеет ждать. Она иногда бывает очень терпеливой, и обмануть ее очень сложно. Рано или поздно... ведь будут другие представления. И она постарается настигнуть Энара, причем именно тем способом, который избрала.

— Я не верю тебе, не верю, не верю!..— рыдая, кричала Ретана.— Ты специально стараешься меня напугать!.. Где Энар?! Я хочу увидеть его! Наша свадьба... мы собирались объявить о ней после завтрашнего представления...

— Что? О какой это свадьбе ты говоришь? — матерчатый полог шатра приподнялся, и на пороге возник пожилой мужчина, которого Алеу уже видел — тот показывал такие удивительные фокусы, словно был настоящим чародеем.

Не обратив внимания на парня, мужчина почти с ужасом глядел на Ретану.

— О моей...— пролепетала та.— Иоменри, мы с Энаром...

— Но это невозможно, девочка моя! Послушай... О, если бы я знал раньше...— факир с горечью покачал головой.— Энар, которого я вырастил после смерти его матери, должен был погибнуть вместе с нею, моей дорогой Руммой... но я вымолил его у богов. Однако было мне тогда же видение. Явился мне некто, лица которого я не видел сначала, но он сиял, как тысяча солнц, так что я едва не ослеп... и возвестил, что сын мой будет жить, покамест не изберет себе спутницу и не решится вступить с нею в союз. А тогда, в последний день перед свадьбой, он погибнет, пораженный в том деле, которым будет владеть в совершенстве. И тот, который блистал, обжигая слепящими лучами душу мою, спросил, согласен ли я на такое либо же позволю сыну умереть немедленно. И я согласился, ибо не мог, потеряв Румму, отдать и его. Всю свою жизнь я посвятил своему сыну. И ты не сумеешь... стать его убийцей, Ретана! Тот вестник... едва только прозвучали слова мои, и я сказал: «Пусть так, но только не отнимай его у меня теперь...» — открыл мне лицо свое, и было он черным, словно сама ночь, и словно высеченным из камня. Прекраснее лица я не видел и не мыслил, но и страшнее — тоже. Само зло глядело на меня из его неумолимых глаз. Он жутко рассмеялся... и исчез. О, Ретана, лучше бы Энар умер тогда, ре-

бенком, ибо дети, еще не привыкшие жить, уходят легче...

Факир закрыл лицо руками. Девушка не сводила глаз с Алеу, чьи слова обрели теперь столь неожиданное и страшное подтверждение.

— Но мы любим друг друга,— тихо сказала она.

— Да,— подавленно кивнул Иоменри,— и, отказавшись от тебя, мой сын, если и сохранит свою жизнь, навсегда останется несчастным и проклянет меня, выкупившего его когда-то столь дорогою и страшной ценой! Ибо я решил за него, и душу своего сына продал за жизнь его, чтобы сохранить его для себя.

И несчастный отец обнял потрясенную невесту своего обреченного сына, в невыразимой муке не в силах даже рыдать.

Алеу подошел к ним.

— Нет, Иоменри, Энар не умрет и будет счастлив с Ретаной. Я знаю, как сделать это!

Факир с трудом расцепил руки и в недоумении воззрился на незнакомца.

— Кто ты? И о чем говоришь?

— Я из племени лесных прорицателей, Всевидающих, но наполовину человек,— ответил юноша,— Выслушай меня, Иоменри. Я увидел, что твоему сыну грозит близкая смерть, и сказал об этом ему и Ретане. Но они не поверили мне, прогнав прочь. Я ушел, однако позже вернулся с моим другом, и мы увезли Энара силой, чтобы завтра нога его не могла ступить на канат. Но представление должно состояться, ведь тот, кто при-

дет наутро за Энаром, будет ждать исполнения обещанного. Вот только сразиться ему придется не с тем, с кем он ожидает, а со мной.

— С тобой? — изумился факир. — Но ты... разве у тебя есть опыт в деле, коему сын мой Энар обучен сызмальства? Если нет... то ты напрасно погубишь себя, а ему ничем не поможешь.

— Не думаю, — упрямо сказал Алеу. — свельн, прародитель антархов, хранит меня; и мои лесные отцы со мною; и дух великого Аватары Шиндже-шедда, умершего за меня. Если я пройду от шеста до шеста, заклятие будет снято. Я облачусь в одежды Энара, и еще... если ты дашь мне немного твоей крови, Иоменри, и назовешь своим сыном, то у нас все получится.

— Немного крови? Да я отдал бы за своего сына ее всю, капля за каплей!.. — теперь факир смотрел на Алеу уже с надеждой.

— Но Энар ведь должен был не просто пройти, — подала голос Ретана. — Он должен был сделать двойное сальто в воздухе, перепрыгнув через меня...

— Я сделаю все. Не бойся; я ведь не случайно остался здесь. — Юноша вытащил свой верный нож.

— Иоменри? Ты готов?

— Да, — произнес факир.

Алеу разрезал себе ладонь и протянул нож ему. Не мешкая, Иоменри сделал то же самое и взял юношу за руку.

— Я признаю, что ты мой сын... Энар.

— Я признаю тебя своим отцом, Иоменри.

Они взглянули в глаза друг другу, и факир склонил голову: на миг ему и впрямь показалось, что вместе незнакомого лица он видит дорогие его сердцу черты...

Алеу и Энар были примерно одного возраста и телосложения, и даже одежда, в которой молодой акробат выполнял свои трюки, сидела на Алеу так, словно была сшита по его мерке.

...Утром с восходом солнца они покинули шатер.

Постепенно на представление начал собираться народ. Как это случилось уже не раз, человеческая сущность Алеу трепетала перед тем, что ему предстояло совершить, но отступать было поздно.

Чтобы как-то отвлечься от мрачных мыслей, он заставил себя сосредоточиться на том, что делали актеры, выходявшие прежде, чем Энар и Ретана; их номер, как он знал, был гвоздем программы, и люди ждали его с нетерпением, больше даже, чем удивительных манипуляций, что совершал Иоменри. Ибо великому множеству сердец весьма по вкусу, когда кто-то на потеху им рискует жизнью.

Наконец, его время пришло. Едва коснувшись рукою одной из двух высоких опор, на которых был закреплен канат, Алеу внезапно совершенно успокоился и полез вверх так уверенно и ловко, словно проделывал подобное множество раз.

Но чем выше поднимался юноша, тем отчетливее ощущал, что он не один. Кто-то преследовал его, невидимый и страшный, словно его соб-

ственная тень, повторяющая каждое его движение. Преодолевая непреодолимое желание обернуться и посмотреть, кто это, Алеу, тем не менее, продолжал подъем.

Достигнув каната, он еще несколько раз подтянул свое тело по опоре, чтобы оказаться чуть выше — и ступил на натянутую, как струна, веревку. В первый момент юноше показалось, что он не сможет заставить себя сделать ни шагу. О, глупец, как он мог мечтать пройти этот бесконечный путь? Когда он стоял внизу, это представлялось куда проще.

Девушка, ободряюще улыбаясь, смотрела на него... Алеу судорожно вздохнул — и двинулся вперед. Преследователь не отставал. Юноша затылком ощущал его ледяное дыхание. Раскинув руки, точно птица — крылья, он балансировал на страшной высоте, в любой миг рискуя сорваться и стараясь ни в коем случае не смотреть вниз, а только вперед, на приближающуюся к нему Ретану. Человек в нем сходил с ума от ужаса, но иная сущность властно приказывала продолжать идти. И это было еще не самым страшным! Алеу помнил о том, что ему предстоит сделать, когда он достигнет середины и встретится с Ретаной. Впрочем, середина казалась еще очень далекой. Не менее пятнадцати шагов. Канат слегка качался и словно дрожал под ногами, как живой.

Алеу все-таки опустил глаза... поднятые вверх застывшие лица следили за ним с приоткрытыми ртами, а канат вдруг показался ему чешуй-

чатым телом гигантской змеи. Юноша сжал зубы, а, тот сзади, злобно и отчетливо хихикнул.

От этого издевательского смеха страх внезапно отступил, сменившись всецело поглотившим Алеу желанием показать подлой твари, кто из них двоих сильнее.

Как говорится, хорошо смеется тот, кто смеется последним!

Ретана приближалась.

Истекали последние мгновения перед прыжком, который на твердой земле вовсе не был бы для Алеу проблемой, но здесь!.. Девушка оказалась прямо перед ним. «Давай, Энар!» — прошептала она и быстро пригнулась, присев, будто сложившись пополам. Он оттолкнулся от каната и взвился вверх, точно подброшенный пружиной, совершив в воздухе те самые два оборота, — и вновь опустился на шаткую, почти призрачную опору с другой стороны от Ретаны, оставив девушку позади.

Народ внизу взорвался рукоплесканиями и криками восторга, но тут преследователь шепнул: «Ты проиграл, Энар!» В какое-то мгновение Алеу, точно не вовремя разбуженный лунатик, осознал, что совершаемое им сейчас совершенно нереально, невысказано, он не может делать подобного!..

Юноша полностью утратил веру в собственные силы, в самую возможность удержаться на проклятой веревке. Толпа, словно тысячеглазый и тысячерукий монстр, исторгла единый вздох ужаса, когда гибкая фигурка, кажущаяся снизу

такой маленькой и хрупкой, пошатнулась — и сорвалась вниз.

Иоменри закрыл глаза и отвернулся, чтобы не видеть последнего полета своего сына — и с остановившимся сердцем ждал звука глухого удара тела о землю. Но прошел миг... другой... а он ничего не слышал. Заставив себя взглянуть, что же происходит, факир увидел, что парень висит, вцепившись в канат руками — значит, он совершенно непостижимым образом ухитрился схватиться за трос при падении. Ретана уже достигла противоположной опоры и была готова спуститься вниз — но она тоже стояла, замерев, и, не дыша, глядела на Алеу, отчетливо представляя себе на его месте своего возлюбленного... «Только бы ему не пришлось в голову попытаться снова встать на канат,— подумал Алеу,— о, Энар, просто перебирай руками, это в тысячу раз надежнее!» Но нет. Алеу сказал, что пройдет — и был обязан пройти, а не проползти. Он подтянулся на руках — и снова будто взлетел на канат, ощутив необыкновенную легкость; его тело словно утратило вес... Вернее, в тот момент, когда юноша на последнем пределе выдохнул одно только имя: «Оттфрид!» — он почувствовал, как невидимые, добрые и сильные руки его лесных отцов подхватили и поддерживают его. Всевидящие в самом деле оказались с ним рядом, когда он остался совершенно один, и больше надеяться было не на кого.

Преследователь взвыл от ненависти, но было поздно. Миг гибельной слабости и неверия мино-

вал. Теперь Алеу шел по канату совершенно легко и свободно — и мог бы, кажется, точно так же двигаться по воздуху, который, без всякого сомнения, выдержал бы его сейчас!..

Только вновь оказавшись на твердой земле, юноша понял, что никогда, даже за все золото мира, не повторил бы ничего подобного. Иоменри и Ретана уже бежали к нему, и в глазах их блестели слезы. Но Алеу смотрел не на них; его взгляд был прикован к другому человеку.

— Конан! Ты... был здесь? Ты видел?..

От затрещины, которую отвесил ему варвар, у парня зазвенело в ушах и, что называется, искры из посыпались. Алеу отлетел локтей на пять и едва удержался на ногах.

— Мальчишка, жалкий придурок!.. Да делай ты что хочешь — я тебя больше знать не желаю!

Ярость киммерийца была вполне оправданной. Алеу не имел права так рисковать собой, а раз он все же так поступил — значит, ему попросту наплевать на возложенную на них миссию. Конан развернулся и зашагал прочь.

— Подожди,— Иоменри догнал его и попытался остановить,— ты не понимаешь... За что ты ударил его?

— Что тут понимать?! Этот щенок в очередной раз пожелал порисоваться перед бабой. Да сколько угодно — но теперь без меня.

— Но он прошел за Энара... Вместо него. Позволь объяснить тебе... выслушай же меня!

— Не буду я слушать всякую чушь, которую вы намерены тут плести. Кстати, вот этот ваш

Энар, я привез его обратно. А ты,— обратился варвар к Алеу, который стоял рядом молча, даже не пытаясь оправдываться,— забирай свою ветку и можешь дальше идти к антархам один. С меня хватит.

Он передал юноше ветвь маттенсаи, вскочил в седло — и спустя несколько мгновений лишь облако пыли, поднимаемой копытами бешено скачущего жеребца напоминало об их прежней дружбе.

Алеу подавленно опустил голову. В сердце зияла холодная пустота. Он знал, что поступил правильно, по закону сердца,— но что было толку от правоты, стоившей возникшей между ними дружбы, если не сказать — братства?.. И что, в самом деле, можно было тут объяснить?

Иоменри положил руку на поникшее плечо юноши.

— Успокойся. Он вернется.

— Нет. Конан не из тех, кто возвращаются. Я оскорбил и предал самого удивительного человека, с которым могла свести меня судьба. Он спас мне жизнь. Возвратил утраченный рассудок. Тысячу раз рисковал собой ради меня. И он... никогда не сбивается с избранного пути. Что ж... я тоже не собоюсь. Прощайте!

— Подожди,— сказал факир.— Понимаю, что ты торопишься, но я не задержу тебя надолго. Пойдем со мной.

Ретана и Энар судорожно обнимали друг друга, не вмешиваясь в разговор. Девушка вполголоса объясняла своему жениху, что произошло.

Отведя Алеу в сторону, Иоменри снял что-то с собственной шеи и на ладони протянул ему.

— Возьми. Это больше, чем просто амулет. Эта вещь передается в моем роду из поколения в поколение и после меня должна была перейти к моему сыну... но ведь ты и есть мой сын. И я хочу, чтобы она была с тобой и хранила тебя точно так же, как множество раз защищала меня самого.

Алеу вгляделся. То, что он теперь держал в руках, было фигуркой ящерицы из полупрозрачного красноватого камня. Внутри просвечивали причудливые узоры и прожилки.

Небольшая, около пальца длиной, ящерка как будто дремала, свернувшись кольцом. Приоткрытая пасть, полная маленьких, но острых зубов, казалось, вот-вот вцепится в прозрачный чешуйчатый хвост. Фигурка была выточена из цельного куска сердолика; древний мастер — а фигурка была, безусловно, очень древней — столь тщательно обработал камень, что ящерица получилась совершенно как живая.

Несмотря на подавленное состояние, Алеу восхищенно любовался совершенством крошечной скульптуры.

— Точно. Она живая,— подтвердил его догадку Иоменри.— То, что ты видишь,— это не просто прожилки камня, а ее внутренние органы. Я не знаю доподлинно, откуда взялась эта ящерица, но мне рассказали, что дед моего деда нашел ее где-то в горах. Береги ее. Она поможет тебе, когда уже ничто не сможет дарить надежду. А

теперь иди... и пусть удача будет с тобою на всех путях, что тебе предстоит преодолеть!..

Юноша бережно повесил фигурку ящерицы на шею. Он не имел представления об ее свойствах, но не сомневался, что подарок, сделанный от чистого сердца, во всяком случае, не сможет причинить никакого вреда.

...День, ночь и весь следующий день Алеу покидал седло лишь для того, чтобы дать отдых скакуну. Стремительное движение вперед позволяло хоть немного отвлечься от тягостных мыслей о том, как нелепо он расстался со своим другом. Юноша пытался убедить себя, что слезы, произвольно наворачивающиеся на его глаза, выбивает бьющий в лицо ветер.

Просто ветер. Ничего больше...

Но даже усталость не приносила успокоения. О, если бы они с Конаном расстались не так...

К концу третьего дня он добрался до какого-то степного поселения. Такие и прежде нередко встречались на его пути, но Алеу объезжал их стороной. Ему хотелось побыть одному. К тому, чтобы снова общаться с людьми, он попросту пока не готов.

Погода однако начала резко портиться. Ветер усиливался с каждым мгновением, небо заволокло непроглядно темные тучи. И неожиданно на Алеу навалилась невыносимая усталость, глаза словно закрывались сами собой, он засыпал прямо в седле. Рассудив, что двигаться дальше в таком состоянии нет смысла, юноша все-таки решил поискать пристанища в селении, не полю-

бопытствовав даже об его названии. Что-что, а уж Бритунию он теперь знал неплохо и никаких неожиданностей не предполагал. Во всяком случае, им с киммерийцем до сих пор никто не отказывал.

Здесь все произошло, как обычно, юноша остановился в ближайшем же доме и тут же заснул, упав на предоставленное ему ложе, напоследок ощутив, будто ящерка на его груди словно слегка шевельнулась. Зажав фигурку в ладони, он подтянул к животу колени и провалился в сон, несмотря на каменную усталость, тревожный и беспокойный. Различные образы с невероятной скоростью меняли друг друга, и Алеу то видел лежащего в гробу Паука, отчего-то с лицом Бриккриу, то еще какую-либо мерзость, которая заставляла его вздрагивать всем телом и крепче сжимать сердоликовый амулет.

Потом кошмары сменились совсем иными видениями — прекрасных зеленых лугов под бескрайним небом, в котором парили большие сильные птицы. И словно он, Алеу, лежит в траве, любуясь этой прозрачной синей высью, и чьи-то нежные руки ласкают его.. Во сне юноша улыбнулся и прошептал: «О, как хорошо...» и попытался разглядеть, кто находится с ним рядом, но увидел не сразу, а сначала слышал тихий, счастливый, мелодичный смех. Алеу открыл глаза, но сон не кончился. Над ним склонилась Элрина. Она гладила его лицо, проводила пальцами вокруг его глаз, губ, и по щекам девушки струились слезы счастья.

— Алеу... ты все-таки пришел... Я сделала все так, как ты сказал, и готова была ждать хоть целую вечность...

А он едва не проехал мимо! Юноша приподнялся и молча обнял подругу. Руки Элрины легли на его затылок.

— Поверить не могу... — прошептала она. — Радость, любовь моя, прижми меня к себе крепче и не отпускай никогда...

То, что произошло между ними дальше, было не менее удивительным.

Никогда ни с одной женщиной, кроме Файоны из рода Всевидящих, Алеу не обменивался огнем. Он знал, что это причинит им страшную, а может быть, даже смертельную боль. Но когда сейчас он овладел Элриной, и она вскрикнула от неопишуемого блаженства, юноша, повинуясь какому-то внутреннему приказу, взял ее за руки, сплел свои пальцы с ее... и ничего не произошло! Девушка не чувствовала никакой боли, словно то, что он делал, было для нее совершенно естественным! От своего возлюбленного Элрина могла принять все, что угодно.

Значит, он не ошибся, избрав ее для себя, из многих — единственную!

А потом юноша словно почувствовал какой-то толчок тревоги. Резко вскочив, он выбежал из дома на улицу в чем был, увлекая за собой совершенно ошеломленную Элрину, — и вовремя.

Внезапно налетевший смерч, точно гигантская рука, в миг разнес в щепки деревянное строение, и то, что они оба не оказались погребенными под

обломками, было поистине чудом! Отчаянные крики людей, блеяние мечущихся в панике овец — все это заглушалось зловещим воем ветра.

Обрушившийся на селение смерч сметал все на своем пути, срывая крыши с домов, забивая песком горло и легкие, затягивая в бешено вращающуюся воронку все, что можно оторвать от земли. Ужасающая мощь стихии оказалась такова, что противопоставить ей было совершенно нечего.

Сначала Алеу пребывал в столь же паническом состоянии, как и все остальные, но быстро понял, что происходит: в уцелевших, наиболее крепких домах можно было попытаться спастись от разбушевавшейся стихии, и жители селения, оказавшиеся в состоянии их достичь, бросились туда, мешая друг другу и не обращая никакого внимания на тех, кому это было не под силу.

— Что вы делаете? — возмущенно крикнул юноша, но его, естественно, никто не услышал.

Тогда, убедившись, что Элрина его усилиями находится в относительной безопасности, он в одиночку принялся затаскивать в один из таких домов казавшихся уже бездыханными людей, кого-то подбирая прямо на улице, выкапывая из-под груд земли и песка, иных вытаскивая из-под обломков рухнувших строений и заборов.

О себе раздумывать было некогда. Себя Алеу защитил только какой-то тряпкой, наспех обмотанной вокруг нижней половины лица, но собственная уязвимость его сейчас меньше всего заботила.

Крик женщины, на которую обрушился внушительный деревянный брус перекрытия собственного дома, заставил Алеу метнуться к ней на помощь, но даже ему оказалось не под силу освободить обреченную из-под огромной тяжести деревянного бруса толщиной с внушительный ствол. Напрягая последние силы, юноша старался как мог, но увы — брус не поддавался, и крики несчастной становились все тише. И вдруг он почувствовал, как сопротивление резко ослабело, и проклятое дерево поддалось неожиданно легко, освободив жертву стихии. И в том была не его, Алеу, заслуга. Подняв глаза, он вздрогнул от неожиданности при виде своего, как ему думалось, навсегда потерянного друга.

— Конан!.. Но... как же?..

— Я взялся исполнить клятву Мангельды и должен довести дело до конца,— мрачно сказал киммериец.

А потом в самых уголках его глаз возникло нечто вроде усмешки.

— Я здесь еще раньше тебя оказался. В одну ведь сторону едем... в Хааген. К антархам. А тебя, вижу, ничего не учит, опять в самое пекло лезешь.

— А ты, можно подумать, лежишь, закрыв голову руками, и ждешь, когда гнев богов пронесет мимо,— парировал Алеу, бережно поднимая стонущую женщину, чтобы отнести ее в более безопасное место.— Как ты не понимаешь, Конан: стезя у нас такая — оказываться там и тогда, где мы нужны, и от судьбы своей не бегать.

Буря начала стихать только под утро, а до тех пор друзья вдвоем продолжали делать все возможное, чтобы спасти как можно большее количество оставшихся в живых селян.

— Алеу! — услышал вдруг юноша тревожный возглас варвара.— Иди скорее сюда!

— Что случилось? — парень со всех ног кинулся к своему другу, склонившемуся над какой-то женщиной.— О боги... Элрина!

Видимо, изнемогая от тревоги за своего возлюбленного, девушка безрассудно покинула укрытие, в котором он ее оставил, чтобы быть с ним рядом. Наверное, смерч поднял ее в воздух, чтобы затем со страшной силой швырнуть на землю. Элрина была без сознания, и на первый взгляд казалось, что она мертва. Тонкая струйка крови стекала по нижней губе и подбородку.

— Да как же так?... — в совершенной растерянности проговорил Алеу.

Однако при звуках его голоса девушка открыла глаза.

— Любимый... мне сказали, что видели, как ты погиб... Я хотела бежать к тебе... надеялась, что успею чем-то помочь...

Она надрывно закашлялась, кровь сильнее потекла у нее изо рта.

— Молчи,— мягко приказал он,— мы вместе, все будет хорошо.

Элрина протянула к нему руки.

— Ты ведь не дашь мне умереть... правда?

— Я помогу тебе, любимая. Ты же не допустила, чтобы я умер...

Алеу замер, прижав ее голову к своей груди. Дыхание девушки стало совсем слабым, малейшее движение изломанного тела причиняло ей острую боль, но Элрина не сводила глаз с любимого, и счастливое, какое-то умиротворенное выражение не сходило с ее лица. Не зная, чем он ей на самом деле может помочь, Алеу снял со своей шеи сердоликовую ящерицу, дар Иоменри, и положил подруге на грудь, только тут заметив, что фигурка стала иной. Положение лапок изменилось, голова, тянущаяся к хвосту, слегка приподнялась, и — боги! — она смотрела на него осмысленно и немного печально.

— Что это? — спустя какое-то время спросила Элрина, прикасаясь к амулету. — Алеу... она... возвращает мне силы!

А еще чуть позже ее дыхание сделалось спокойнее и ровнее. Умиравшая девушка в самом деле приходила в себя, и даже на щеках появился слабый румянец. Алеу понял, что теперь она будет жить!.. Ему очень хотелось остаться с любимой хотя бы на несколько дней, но друзьям нужно было спешить. Он препоручил свою невесту заботам жителей селения, которые были настолько благодарны ему и Конану за помощь, что смотрели на них почти как на сошедших с небес богов; эти двое спасли более пяти десятков жизней. На вопрос, чем они могут их отблагодарить, Алеу, не задумываясь, ответил:

— Сберегите Элрину, пока я не вернусь.

...И Конан со своим спутником продолжили поход в Ландхааген.

Глава шестая

Над Кезанкийскими горами медленно поднимался огромный тревожный диск ока Митры, когда Конан и его спутник остановились возле подножия. Им надлежало перейти казавшиеся неприступными суровые хребты, отделяющие их от земель Хаагена. Памятуя о том, что нет такого пути, который не покорился бы людям нестигаемой воли, уверенным в своей конечной победе, они, после небольшой передышки, двинулись вперед. Лошадей, которые сейчас бы не ускорили, а лишь затруднили движение, они оставили в ближайшем селении.

Как выяснилось, удивительное чутье, совершенно птичье чувство пространства и направления, не изменяло Алеу в горах так же, как и на ровной земле. Очевидно, в состоянии панического замешательства его могла приводить только обширная водная поверхность, здесь же, напротив, он испытывал невероятный восторг, усиливающийся по мере того, как спутник поднима-

лись все выше. Впрочем, этот восторг не мешал ему двигаться очень уверенно, ставя ногу всякий раз так, чтобы при каждом шаге она попадала куда нужно, без риска, что какой-нибудь камень выскользнет и обрушится вниз, заставив его потерять равновесие и увлекая за собой. По узким извилистым крутым тропам он поднимался запросто, не сбивая дыхания, и только по тому, как лицо его делалось мокрым от пота, видно было, что подъем стоит ему определенных усилий.

Иногда юноша останавливался, поднимал голову и с замирающим сердцем любовался далекими вершинами, покрытыми белоснежными шапками снегов и скрывающимися в небе под темными клубящимися облаками.

— Боги,— вздыхал он,— если бы я был птицей, то мог бы жить там всегда!

— Но пока у тебя крылья еще не выросли,— сурово опускал мечтателя с небес на землю киммериец,— двигай шустрее ногами. На вершинах тебе делать нечего.

Первые два дня пути дались им относительно легко, и оба не замечали течения времени.

Однако на третье утро их продвижение значительно замедлилось. На горы внезапно опустился густой молочно-белый туман, до такой степени плотный, что не видно было пальцев собственной, вытянутой вперед руки.

И особенно тревожным было то, что туман этот казался не явлением природы, вроде дождя, снегопада или даже песчаной бури,— он был живым и безусловно, враждебным. В его густой бе-

лесой клубящейся влаге скрывалась незримая опасность, словно туман на самом деле являлся саваном, завернувшись в который, к ним неслышно приближались монстры, жаждущие их свежей крови.

Чудилось, что если внимательно вглядеться в пелену тумана, можно рассмотреть их глаза, пристальные, неподвижные, точно у змей, желтые, пересеченные посередине узкими, поперечно расположенными зрачками,— глаза, несущие смерть и вечный холод. Конан ни на миг не разжимал пальцев, стиснувших рукоять меча, в любой момент готовый достойно встретить опасность, в каком бы обличье она ни предстала. Алеу осторожно двигался впереди.

Для него туман хоть и служил изрядной помехой, но все-таки не настолько непреодолимой, чтобы переждать, пока он отступит — оба путника понимали, что такое явление может продолжаться много дней.

Конечно, они старались держаться как можно ближе друг к другу, и все-таки силуэт юноши иногда расплывался перед глазами варвара, становясь чем-то вроде призрачных очертаний. И голоса, если один из них обращался к другому, окликая и интересуясь, все ли в порядке, звучали непривычно глухо, словно сквозь ткань капюшона.

Главной же преградой оставался все же сам туман, а навязанное им чувство необъяснимой тревоги, одинаково терзавшее обоих спутников. Только собрав все мужество, всю веру и всю силу

убежденности в том, что их путь предначертан свыше, можно было заставить себя сделать следующий шаг, и еще один, и еще, — а не упасть вниз лицом, закрыв голову руками и заткнув уши, как очень часто хотелось сделать.

Постепенно напряжение — и нервное, и физическое, — сделалось совершенно невыносимым. Все, что угодно — любой ужас, любая мерзость, способная вынырнуть, выползти, выпрыгнуть из молочной пелены, казалось предпочтительнее неизвестности.

«Иди сюда, поганая тварь, — хотелось крикнуть киммерийцу, — и прими открытый бой, а там посмотрим, кто возьмет верх!» Но он сохранял молчание. И оно атаковало внезапно.

С отвратительным свистом рассекая воздух, между варваром и Алеу возникло длинное серое щупальце, и, влажно хлопнув, обвилось вокруг тела юноши, плотно обхватив его со спины.

Алеу выгнулся назад и вскрикнул, стараясь освободиться от захвата, изо всех сил упираясь руками в неведомую скользкую плоть, покрытую матовой чешуей, сдергивая ее вниз, отрывая от себя.

Но серое щупальце было не единственным — еще два извивающихся кольца обхватили его, одно — поперек груди, второе — стараясь обвить ему ноги; эти живые захваты были прочнее металла и сжимались все сильнее, не давая дышать, сдавливая тело так, что кровь выступила из пор, хлынула изо рта и носа, неестественно алая на фоне непроглядной белесой мглы, и теперь вме-

сто крика из горла Алеу вырывался лишь сдавленный крик.

Варвар выхватил меч и шагнул вперед. Почему-то его тварь не тронула — видимо, она охотилась именно на Алеу и явно намеревалась, живым или мертвым, уволочь его в клубящуюся неизвестность.

Юноша боролся с нею на пределе сил, мышцы на его руках вздулись буграми, видно было, как натянулись все сухожилия, готовые лопнуть от немыслимого напряжения.

Одним ударом меча киммериец готов был перерубить «руки» мерзкого создания, опасаясь лишь того, чтобы сталь не коснулась тела его друга, хотя если даже и так, смерть от меча была бы предпочтительнее того, что с ним сейчас происходило и могло произойти, стань юноша живой добычей мерзкого монстра.

Варвар нанес рубящий удар, еще один и еще, и торжествующе вскрикнул, когда живые обручи распались, а невидимая гадина неестественно тонко и пронзительно взвизгнула, отступая. Из перебитой конечности твари хлынула зеленоватая, омерзительно смрадная слизь, обрубки щупальцев продолжали извиваться под ногами, а Алеу издал странный клич, не похожий на человеческую речь и совершенно невоспроизводимый, состоявший, казалось, из одних гласных.

Но это еще не было победой. Из белого мрака выныривали все новые и новые щупальца, впрочем, помельче и потоньше, чем первые три, тянущиеся теперь уже к обоим спутникам, но

это уже не представляло серьезной опасности, поскольку они поняли, что с ними есть возможность эффективно сражаться.

Алеу не отступал — кажется, он видел то, что было скрыто от глаз варвара, и пока тот направо и налево мечом, обрубая чешуйчатые конечности, парень пробивался к основной массе тела чудовища, к его вытянутой змеиной голове с желтыми, лишенными век, неподвижными глазами и острым птичьим клювом. Он подпрыгнул и мертвой хваткой вцепился в эту голову, стараясь пальцами выдавить монстру глаза.

Тварь снова пронзительно заверещала, щелкая смертоносным клювом, но отбиваться одновременно от двоих ей, наполовину ослепленной, было не под силу...

Она мотала головой, пытаясь разmozжить своего противника об отвесную стену скалы.

— Подойди к ней ближе, Конан! — закричал юноша. — Бей в грудь, туда, где сердце!

Это оказалось сложной задачей, учитывая, что щупальцев оставалось еще в избытке, и они не давали киммерийцу приблизиться к туше гадины настолько близко, чтобы он мог ясно разглядеть, куда наносить удар. Тем не менее, топчая извивающиеся конечности омерзительного создания ногами, варвар бросился вперед, ориентируясь по звуку голоса Алеу и визгу монстра, и воткнул острие меча в расплывающуюся за пеленой тумана массу, при этом резко повернув его так, как научился в бытность свою гладиатором в Халогге, разворотив то, что его друг называл «грудью»

чудовища и добравшись до сердца. Удар достиг цели. Фонтан слизи, вырвавшийся из тела издыхающей твари, окатил его с головы до ног. Ее тело продолжало конвульсивно дергаться, но уже не представляло смертельной опасности.

Туман чудесным образом быстро рассеялся, и глазам спутников открылась устрашающая картина. Туша монстра, огромная, серая, лежала поперек узкой тропы на самом краю высокогорной пропасти.

Неосторожный шаг, а тем более прыжок — и один из них или сразу оба рисковали сорваться вниз и погибнуть, разбившись о камни прежде, чем их тела долетели бы до дна...

— Кром! — прорычал киммериец, вкладывая меч в ножны и не в силах оторвать глаз от зияющей под ногами бездны.

— Видно, твой Кром милостив к тебе, — Алеу через силу улыбнулся, инстинктивно прижимаясь спиной к скале, но тут же энергично встряхнул головой: — Давай уберем эту мразь отсюда, не перелезай же через нее.

Ударами ног они сбросили то, что осталось от гадины, с тропы и завороченно следили, как ее тело, переворачиваясь в воздухе и похожее даже, скорее, не на змею, а на гигантскую сороконожку с обрубками щупальцев, летело на дно пропасти, скрывшись так глубоко внизу, что окончания полета им понаблюдать не удалось.

Туда же отправились и отрубленные части тела чудовища. Расчистив проход, юноша с облегчением вздохнул.

— Кажется, отбились. Только, думаю, это было лишь началом. Много тут летает и ползает всякой дряни...

Он сел прямо на тропу, свесив вниз ноги, и глубоко задумался, вглядываясь вдаль. Следовать его примеру Конану не хотелось. Слишком велика была положении притягивающая, гипнотическая сила страшной бездны.

— Вставай,— велел он приятелю.— Нам надо идти.

Алеу поднял голову и посмотрел на него; лицо юноши было белее снега.

— Уж очень крепко он меня прижал,— выдавил он, кривя губы в подобии улыбки.— Кажется, я еще легко отделался. Ну, может быть, парой ребер...

Юноша тяжело поднялся, превозмогая боль, и двинулся вперед, время от времени непроизвольно прижимая кисть к боку. От боли у Алеу темнело в глазах, но он держался мужественно, не жалуясь и не заговаривая об отдыхе, и они шли подряд еще несколько часов.

Лишь обнаружив подходящую для ночевки пещеру в скале и разведя огонь, Алеу снова опустился на землю и стянул с себя рубашку.

Да, тварь постаралась на славу. Верхняя часть тела юноши выглядела сплошным иссиня-черным кровоподтеком. Варвар, не особо привечавший сочувственные речи, молча влил в горло приятеля крепкого вина из фляги, и парень почти тут же заснул, сидя и скрестив ноги. Лицо его прояснилось, и во сне он вдруг снова загово-

рил, путая знакомые слова с теми, странными, невоспроизводимыми человеческой гортанью звуками, которые издавал, сражаясь с монстром.

Киммериец мог бы поклясться, что это не была речь Всевидающих — меж собой те общались почти без слов, а с людьми — вполне нормально и понятно; нет, здесь звучало нечто совсем иное, вообще ни на что не похожее, разве что отдаленно напоминающее песню, и это иное было очень красивым...

— Два солнца,— лихорадочно шептал Алеу,— два зеленых солнца.. эолла, саан эолла...

Он бредит, понял Конан. К нему самому сон почему-то не шел.

Искоса наблюдая время от времени за приятелем, варвар между тем плотно закусил, воспользовавшись запасом сухарей и солонины, и вдруг заметил, что, хотя костер догорает, света в пещере не становится меньше — и с изумлением понял, что таковой исходит от его спутника. Сначала излучение шло от кончиков пальцев, робкое, словно пробующее свои силы, затем — от всех кистей целиком и от головы, и вот уже все тело Алеу было объято голубым ровным огнем, он сиял, не ослепляя и не обжигая, ибо, когда киммериец коснулся его, пламя не источало жара земного огня, и рука, свободно проходя сквозь него, словно плавала в подобии воды или какой-либо другой жидкости, но без намека на неприятные ощущения.

Поверить увиденному было столь сложно, что Варвар решил, будто попросту спит — такого не

могло происходить на самом деле! Бродя по дорогам Хайбории, он повидал немало чудес, но твердо знал, что люди не светятся.

Во всяком случае он, Конан, с таким до сих пор не сталкивался.

Внезапно Алеу открыл глаза и совершенно осмысленно посмотрел на киммерийца.

Сияние исчезло, словно его и вовсе не было. Варвар хотел было задать вопрос, но слова вдруг застряли у него в глотке. В самом деле, о чем он будет спрашивать?

«Почему ты сияешь в темноте?» Глупее вопроса, пожалуй, и не придумаешь.

Да и что мог ответить ему приятель? «Потому, что мне так нравится?»..

— Он здесь, — ясно и отчетливо проговорил юноша. — Я чувствую, он близко.

— Да кто, во имя Крома?! — вскричал Конан.

Еще какая-нибудь серая пакость? Или нечто более опасное и грозное? Нет. В голосе Алеу звучали совсем иные интонации. Он произнес это с тоской и... да, с любовью. О монстрах или кровожадных тварях так не говорят. Но юноша уже снова спал, на этот раз молча и крепко, ребенок, и сияния от его тела больше не исходило.

Наутро он вскочил на ноги легко и бодро, словно начисто позабыв не только о вчерашнем сражении, но и понесенном им уроне, и уж точно не во власти своих ночных видений.

Но у варвара из головы не шли его слова.

«Два зеленых солнца!» Это ж надо придумать! «Он близко...»

Этот день не предвещал никакой беды и не омрачался ни туманом, ни внезапным проливным дождем, ни иными вывертами стихий. Однако не прошло и нескольких часов, как у киммерийца вновь возникло ощущение, что за ними пристально наблюдают.

Безусловно, Алеу, тоже чувствовал это, но ничуть не казался встревоженным. Он был совершенно спокоен и даже весел — Конан уже не удивлялся внезапным сменам настроения своего спутника.

Как бы тяжело ни приходилось юноше, едва опасность отступала, словно черные тучи, которые разогнал ветер, его взор делался ясным; прошлое, миновавшее зло переставало для него существовать и омрачать душу страшными воспоминаниями.

Это вовсе не означало, будто он попросту все забывает. Но то, что оставалось храниться в глубинах его сознания, ничуть не затрагивало сердце. Юноша был слишком устремлен вперед, чтобы оглядываться на пережитый ужас.

Однако все же именно Алеу заговорил первым.

— Здесь кто-то есть, кроме нас, — заметил он как бы между прочим. — Чувствуешь?

— Точно, — подтвердил варвар. — Но не думаю, что, кто бы это ни был, ему удастся застать нас врасплох. Пусть только высунется, и я его прикончу на месте.

— Может, это и не потребуется, — Алеу поднял голову и, прищурившись, взглянул на небе-

са.— Это существо не желает нам зла. Помнишь, что я тебе сказал однажды в лесу: не всегда можно судить о создании по его обличью.

— Ну, помню, и что с того? Вчерашнее создание было просто очаровательное,— скептически хмыкнул киммериец.— Кто бы мог подумать, что оно окажется таким недобрым.

Он не договорил.

Видимо, предупреждение Алеу оказалось весьма своевременным, но, несмотря на него, меч варвара словно сам собой выскользнул из ножен. Потому что из-за гигантского валуна навстречу им выступило нечто, казавшееся по меньшей мере родным братом Гориллы Грина.

Огромное, в полтора человеческих роста или даже больше, покрытое густой шерстью, напоминающей медвежью, оно приближалось, передвигаясь на задних ногах или, скорее, лапах, несколько неуклюже, а передние лапы — или все же руки? — прижимало к широченной груди.

Морда — или лицо? — его было почти полностью скрыто длинными темно-бурыми космами, и отчетливо различался только широкий плоский нос с вывернутыми ноздрями и живые серые льдинки маленьких глаз. Существо шумно дышало, приоткрывая пасть, из которой торчали крепкие и острые белоснежные клыки, сделавшие бы честь даже волку, и растягивая губы в жутком оскале, словно сияясь что-то произнести. Это и казалось в нем самым отвратительным, да еще, пожалуй, живой ум, светившийся в крошечных, глубоко посаженных глазках под низко нависаю-

щими мощными надбровными дугами, ибо что может быть ужаснее монстра, наделенного хотя бы и крупными разума?!

Конан бросился в стремительную атаку — он меньше всего желал быть растерзанным, либо пойти на обед этому гиганту, но тот с неожиданной при такой массе и внешней неповоротливости прытью увернулся от удара меча и вновь скрылся за валуном, проявив, очевидно, изрядную трусость — другой причины того, что крайне не понравившееся ему существо отказалось от боя, спасаясь бегством, варвар не находил.

— Зачем?! Ну то ты натворил?! — в совершенном отчаянии воскликнул Алеу, устремляясь вслед за косматым чудищем. Однако тот исчез без следа — словно сквозь землю провалился.

Юноша обернулся к киммерийцу.

— Зря ты так поступил. Вот теперь придется сидеть здесь и ждать, когда он снов придет.

— Сидеть и ждать... когда он... да ты в своем уме, приятель?! Тебе так уж хочется с ним схватиться? На мой взгляд, этого легко можно избежать.

— Да я не о том. Зачем с ним драться? Человек, может быть, просто хотел с тобой поговорить, а ты набросился на него, как на врага...

— Где это ты видел человека?! — спросил совершенно вышедший из себя Конан.— Ну, оборотень,— это куда ни шло, но человеческого в нем...

—...не меньше, чем в нас с тобой,— проговорил юноша, и по его тону было ясно, что он со-

вершенно уверен в своих словах. — Послушай же, он ничуть для нас не опасен. И я знаю: он должен был нам что-то сообщить — нечто важное. Теперь я должен дождаться, когда он появится вновь. Нам нельзя идти дальше, пока мы не узнаем, зачем он приходил.

— Ты что, видел раньше таких существ?

— Никогда. Их вообще, редко кто может увидеть. Они не любят чужих глаз, а вот к нам он почему-то вышел.

— Не видел, значит? — зловеще спросил варвар. — А я вот видел — и, между прочим, сражался с одним, в точности таким же, — за украденную ветвь маттенсаи! «Редко кто видит...», — предупредил он спутника. — Это демон! Точно тебе говорю!

— Ты судишь только по внешности? Вспомни: те, кто рвал мое тело на части в подземелье, имели по две руки, две ноги и ходили они не на четвереньках, и шерсти и хвостов у них тоже не было. И еще одна интересная деталь: они носили одежду! Так, стало быть, мне теперь следует бросаться на каждого, кто сходен с ними обличем, и убивать чудовищ прямо на месте?

В словах Алеу была определенная логика, но киммерийца они не очень-то убедили.

Бросив бесполезные попытки что-либо доказать приятелю, юноша все же попросил:

— Дай мне первым сделать шаг ему навстречу, если он все же покажется. И если ты увидишь, что его намерения враждебны, поможешь мне с ним справиться.

Конан утрюмо кивнул. Ладно, раз уж ему так не терпится прыгнуть косматой твари прямо в истекающую голодной слюной пасть, пусть не отказывает себе ни в чем...

Шли часы, а Алеу словно прирос к месту. Никакая сила в мире не смогла бы заставить его двинуться дальше. Он принял решение ждать — и ждал упорно, будто всю жизнь мечтал о встрече с этим чудищем и ничего лучше представить себе не мог. Варвар тоже умел ждать, если в этом был какой-то смысл, но сейчас в его душе закипало глухое раздражение, грозящее перерасти в ярость.

В конце концов, эта тварь могла встретиться с ними и в другом месте.

Юноша между тем не проявлял никакого нетерпения и ничего не предпринимал; он молча сидел на корточках и, казалось, просто дремал.

Судя по его невозмутимому виду, он вознамерился провести здесь и в такой позе хоть целую вечность.

Солнце уже готово было скрыться за вершины гор, когда косматый монстр то ли настолько осмелел, чтобы высунуться, то ли сжалился над Алеу, оценив по достоинству нестигаемое упорство парня. Во всяком случае, он явился во второй раз; увидев его, юноша медленно поднялся на ноги и, прижав руки к груди тем же жестом, что и чудище, шагнул ему навстречу и остановился, склонив голову в приветствии. Конан едва сдерживал себя, чтобы не напасть первым. Он напряженно ждал, что произойдет дальше, но...

гигантское существо тоже склонило голову — да еще и протянуло руку в сторону Алеу раскрытой ладонью вверх, очевидно, показывая, что явилось без оружия! Теперь было хорошо видно, что это именно рука — с пятью длинными пальцами и без единой шерстинки на гладкой и жесткой ладони, а не лапа зверя; от человеческой она отличалась только размерами. Вторая рука по-прежнему оставалась возле груди, сжатая во внушительный кулак. Чудище разинуло пасть и издало какие-то низкие гортанные звуки, похожие на рычание, которое, впрочем, рычало без угрозы.

— ...ттарх-х... ттарх!

Алеу закусил нижнюю губу, силясь понять, потом покачал головой.

— Я не антарх, — раздельно произнес он. — Но мы идем, чтобы помочь тем, кто выжил из рода антархов. Конан, — тут он указал косматому существу на своего друга, — спас от Гориллы Грина ветвь маттенсаи.

— Грис... вельд, — на лице лохматого выразилась крайняя степень отвращения, и он в ярости затряс головой, а потом неловко склонился перед варваром, явно воздавая ему честь за одержанную победу. — Норккт! — добавил он потом с тем же выражением и пошевелил пальцем.

Гортань его явно не была приспособлена для человеческой речи, однако он очень старался.

— Норккт? — переспросил юноша и закивал, соглашаясь. — Это тот длинный, серый, в чешуе, с щупальцами и клювом? Да! Конан убил и его

тоже. Норккт напал на нас, и Конан вонзил меч в его сердце! Иначе норккт убил бы меня. Конан — великий герой! А ты кто? — для убедительности Алеу указал сначала на себя и назвал свое имя, уточнив, что он из рода Всевидающих и отчасти человек, а потом — на косматого.

— Гэтткт! — проговорил, вернее, прорычал гигант, ничего не найдя добавить к имени или названию; зато он явно усомнился в том, что ему сообщил о себе Алеу, и выразительно потряс головой.

— Нет? Почему? — в чем бы другом, а в том, кто он такой, юноша хотя временами и сомневался, но все же не настолько, чтобы все отрицать, поэтому реакция гэтткта чрезвычайно его изумила.

Гигант, наконец, разжал и вторую руку. Она была не пустой. На его ладони лежали два предмета. Один из них был камнем, который выглядел так, словно его оплавляли в чудовищной силы огне. Алеу покрутил его в руках, в недоумении пожал плечами и отдал своему спутнику, который понимал в происходящем ничуть не больше. Второй предмет был осколком металла.

Коснувшись его, юноша вскрикнул от неизъяснимого восторга, и варвар отчетливо увидел, как между этим осколком и пальцами его друга вспыхнула синяя молния.

Алеу благоговейно взял его в ладони и прижал к сердцу так, словно осколок этот был живым существом, а потом все-таки тоже протянул киммерийцу. Тот, в свою очередь коснулся ме-

талла, и — Кром! — на миг ему показалось, будто осколок излучает тепло, хотя, может быть, он просто был согрет ладонями сперва гэтткта и затем юноши. Во всяком случае, никакой молнии не возникло.

— Что это? — спросил Алеу, и голос его дрогнул. — Откуда оно у тебя?

Гэтткт поднял руку и указал куда-то вверх, в сторону отвесных уступов высоких скал.

— С гор? С самых вершин? — уточнил юноша.

Гигант мотнул головой. Указывая на осколок, он затем опять ткнул раскрытыми пальцами в направлении неба, а потом то же самое повторил, имея в виду, безусловно, самого Алеу.

— А камень, он тоже? — продолжал допытываться тот. — Камень странный... он — оттуда?

На этот раз гэтткт не согласился, жестами показывая, что камень-то как раз не «оттуда», а подобран им на земле, из-под ног.

— Там еще есть такие? Можешь показать место, где ты это нашел?

Как ни странно, заросшее шерстью лицо гэтткта было необыкновенно выразительным; все эмоции, которые он не мог передать словами, ясно читались на этом лице. Сейчас оно выражало откровенное сомнение.

— О, сделай это! — взмолился Алеу. — Покажи нам путь туда! Я должен... должен увидеть!

Казалось, если гигант не сможет помочь ему в этом, юноша попросту тут же скончается от горя. Напрасно гэтткт жестами и встревоженными

возгласами старался отговорить его от опасного предприятия: Алеу был непреклонен. Конан поддержал приятеля.

— Ладно тебе ломаться, образина косматая, — проговорил он, обращаясь к гэтткту. — Покажи нам, куда идти, и дело с концом. А иначе он померет в твоих горах, но не уйдет, пока их все не облазит и сам не найдет то, что ему так необходимо.

Видимо, непререкаемый авторитет победителя Гориллы Грина и мерзопакостного норркта возымел куда больше действия, нежели все уговоры Алеу. Во всяком случае, в том, что у Конана хватит сил преодолеть любое препятствие, гигант не сомневался и дал, наконец, согласие отвести их на нужное место. Он бойко рванул вперед, с завидной ловкостью, до которой людям было далеко, перепрыгивая с уступа на уступ, протискиваясь в расщелины и поднимаясь, таким образом, все выше.

Что запросто удавалось этому жителю гор, заставляло однако как киммерийца, хоть тот и привык с детства лазать по горам своей скалистой родины, так и, в особенности, Алеу обливаться потом, но они старались не отстать от косматого гиганта.

Самым сложным оказалось забраться на почти отвесную и к тому же гладкую, как стекло, стену изрядной высоты, по которой гэтткт полз, как муха, невероятным образом цепляясь железными пальцами рук и ног за малейшие выступы и неровности.

— Все... — в конце концов признался Алеу, распластавшись чуть ниже середины стены и прижавшись к ней щекой. — Я больше не могу...

У парня дрожали руки, и казалось, что еще несколько секунд — и он сорвется вниз. Варвар чувствовал себя несколько бодрее и увереннее, во всяком случае, отказавшись двигаться вверх, он вполне мог преодолеть обратный путь по стене — Алеу же и на это был не способен.

— Эй, образина, — заорал киммериец гиганту, который уже почти достиг вершины, — подожди! Помоги парню, пока он не сорвался!

Этого гэткт не мог сделать при всем желании, поскольку обладал лишь одной парой рук, требующихся и ему самому, поэтому он только с печалью во взоре оглянулся, однако продолжал двигаться дальше.

— Вот мразь, — в сердцах бросил Конан, понимая, что на помощь косматого рассчитывать не приходится, и лихорадочно прикидывая, что он сам может сделать для Алеу.

По всему выходило, что — ничего.

Юноша стоял, не отрываясь от стены; пальцы, вцепившиеся в крошечную зазубрину, побелели от напряжения; лицо свела судорога напряжения и боли. Кром!

Неужели весь путь был напрасным, и зеленоглазый, такой мужественный, отчаянный, терпеливый, этот великолепный боец, способный, к тому же, излучать свет во мраке пещер, должен так глупо погибнуть, совсем чуть-чуть не дотянув до своей мечты, своей вершины?! Ну, нет!

Злость на несправедливость судьбы и безразличие богов охватила варвара, удесятерив его собственные силы. Алеу добрался бы и сам, если бы всего сутки назад серая тварь не переломала ему ребра; его друг просто был сейчас не в лучшей форме — он знал это, и все-таки пошел на такой риск!

— Алеу, держись! — киммериец спустился ниже, оказавшись на уровне своего спутника. — Не бойся. Ты можешь дотянуться до меня?

Юноша слабо кивнул.

— Тогда давай... я смогу удержать тебя.

— Нет! Я не хочу твоей смерти. Ты не сможешь двигаться вместе со мной, мы оба погибнем, — слабым голосом возразил Алеу.

— Заткнись! Или я сброшу тебя со стены! Понял?! Я не буду ждать, пока ты сам сорвешься!..

Парень поверил в то, что его спутник вовсе не намерен шутить. Затея Конана казалась совершенно неосуществимой, однако юноша отцепился от стены и перебросил руки, обхватив могучие плечи своего друга.

Варвар стиснул зубы: Алеу теперь всей тяжестью висел на нем, и с такой ношей ему предстояло продолжать подниматься! Он больше не смотрел вверх, прикидывая, сколько еще осталось — каждое движение грозило стать последним. Медленно, невообразимо медленно, рассчитывая каждый шаг, обшаривая стену в поисках малейшей зацепки, киммериец полз вверх; ему не хватало воздуха, легкие горели огнем, сердце колотилось с перебоями, то замирая, то пускаясь

в неистовый галоп, кровь стучала в висках точно гигантский молот...

Гэтткт, распластавшись на краю уступа, дотянулся до него в тот момент, когда Конан понял: это конец. Схватив варвара за запястье, косматый исполин рванул его, вместе с Алеу, вверх, спасая обоих.

Лежа на широкой гранитной площадке, варвар скоро пришел в себя. Рядом почти без чувств растянулся Алеу. Лохматый «демон» сидел и задумчиво грыз какую-то невесть откуда взявшуюся веточку.

Киммериец перевернулся на живот, подтянув под себя колени и локти, и попытался подняться на ноги — удалось ему это уже со второй попытки. Он склонился над другом.

— Эй? Ты живой или как?

— К-кажется... живой. Мне десяти жизней не хватит, чтобы отблагодарить тебя, Конан, за все...

Варвар возмущенно фыркнул. Еще чего! Можно подумать, ему очень нужна чья-то благодарность... Но, видя перед собой Алеу, в самом деле вполне ожившего, он все же ощущал что-то необъяснимое... может быть, счастье?... Кром, что за нежности! И киммериец с раздражением — впрочем, явно напускным — проговорил:

— Ну, раз живой, тогда хватит валяться, вставай да пошли дальше, если уж мы забрались сюда по твоей милости.

Могучий гэтткт вдруг приблизился к Конану и неловко опустился перед ним на колени, коснувшись широким косматым лбом гранита — он

воздавал должное тому, что варвар только что совершил. Потом косматое существо поднялось и молча указало чуть вперед, туда, где темнел огромный глубокий кратер, напоминающий жерло спящего вулкана. Алеу, наконец, тоже встал на ноги и проследил взглядом за жестом гиганта.

Глубокий вздох вырвался из груди юноши, и он устремился к кратеру, приостановившись на краю лишь на миг, чтобы потом, забыв об усталости и боли, почти скатиться по оплавленным, словно когда-то кипевшим камням. Там, глубоко внизу, Алеу замер, разглядывая нечто, выступавшее словно из глубин земли, из самого сердца Кезанкийских гор.

Разумеется, киммериец последовал за ним — наверху остался только гэтткт.

Алеу, присев, обеими руками нежно гладил вросший в землю зазубренный кусок неизвестного металла, того же самого, из которого состоял осколок, принесенный гэттктом.

Казалось, парень боится даже дышать — или не может этого сделать. Синие молнии змеились по его рукам, словно лаская содранные в кровь пальцы и ладони, и неясно было, исходят они от металла или от человека. Юноша наклонился ниже, и теперь словно пил это пламя, как воду, вбирая в себя каждой клеткой тела.

Он прикоснулся к металлу губами и замер.

Конан отвернулся. То, что здесь происходило, было таинством, и главное, он не желал видеть, как по прекрасному лицу друга струятся слезы переполнявшего его счастья.

Это понял и варвар: металл был живым; неизвестно, сколько тысячелетий, возможно, еще со времен атлантов, он пролежал в этих горах, но ржавчина его не коснулась.

Он словно ждал, когда появится единственный, может быть, человек, который заставит его проявить свои свойства и засиять от прикосновения теплых рук. Вот о чем бредил Алеу прошлой ночью, говоря: «Он здесь... я чувствую, он близко».

Рядом с этим зазубренным куском он чувствовал себя так, словно попал домой; это ощущение было стократ сильнее, нежели даже те счастливые часы, что он пережил в своем племени.

Всю ночь Алеу не покидал кратер. И всю ночь безмолвно и бессонно, возвышаясь косматым валуном, сидел на краю этого кратера гэтткт, зорко оберегающий покой великой тайны.

Киммериец расположился рядом со своим спутником.

Он мало что понимал в происходящем, да и сам Алеу тоже; так что разговаривать им было вроде как и не о чем. Только один раз Конан спросил:

— Эта штука и два зеленых солнца связаны между собой?

И юноша кивнул, соглашаясь.

— Маттенсаи тоже, — добавил он тихо.

А потом заговорил на неведомом языке, похожем на песню; речь его звучала то громче, то замирая до невнятного бормотания, почти лепета. Юноша сидел и беседовал с металлом так, слов-

но тот мог его слышать и отвечать. А может, и мог, в самом деле... кто знает?

Едва рассвет коснулся белых вершин, Алеу встал и, в последний раз бросив долгий взгляд на свою святыню, покинул кратер, ни разу более не обернувшись. Варвар посмотрел туда, где ночью сидел косматый гэтткт: его не было. Они снова остались вдвоем. Киммериец перевел сторон на лицо своего друга: два сияющих зеленых солнца переливаясь, мерцали на этом прекрасном одухотворенном лице, отражая розовые потоки того единственного светила, которое ведал Конан — и лучше которого он не знал ничего.

* * *

У спутников была цель, и был назначенный путь.

Алеу оказался прав: Кезанкийские горы были настроены по отношению к ним отнюдь не дружелюбно.

К вечеру столь прекрасно начавшегося дня они услышали отдаленный грозный гул и, оглянувшись, увидели, как огромные снежные массы сдвинулись и поползли вниз, сметая все на своем пути. Лавина неслась прямо на них, и суметь избежать ее приближения было совершенно невозможно.

— Асвельн, — в ярости взревел Конан, угрожая сжатым кулаком неведомым силам стихий, — что ж ты, отродье Нергала, вовсе ослеп или спишь?! Разве ты для того избрал нас, чтобы похоронить под снегом?

— Сюда! — перекрикивая вой ветра и гул надвигающейся лавины, внезапно прокричал Алеу. — Смотри, здесь пещера!

То, что он имел в виду, было, скорее, расщелиной в теле скалы, очень узкой и с низкими сводами, но ее хватило, чтобы два человека могли найти в ней укрытие, когда колоссальные массы снега погребли под собой окрестное пространство.

Варвар привычно и не задумываясь собирал на головы бестолковых богов все известные проклятия и изобретал между делом новые, причем, его спутник не уступал ему по этой части. Однако слишком долго предаваться столь бесплодному занятию не позволял недостаток воздуха, все сильнее ощущавшийся с каждой минутой.

Следовало как можно быстрее выбраться на поверхность, что друзья незамедлительно и попытались сделать, остервенело пробиваясь сквозь снег, пока, наконец, уже полуживые, увидели над собою тусклый свет под затянутым плотными серыми облаками небом. Снег не только сошел с гор — он валил настолько плотной густой стеной, что залеплял глаза, а порывы дико завывающего ветра опять не позволяли дышать.

Теперь спутникам показалось, что лучше было бы тихо умереть в той оставшейся глубоко внизу расщелине, нежели закончить свои дни в этой белой преисподней.

— Да что же все это значит? — прикрывая рот деревенеющей от холода ладонью, в отчаянии воскликнул Алеу. — Нечто пострашнее целой дю-

жины треклятых норрктвов не хочет нас пропускать — я это чувствую.

— Плевать на то, чего оно там не хочет, — со злостью ответил киммериец. — Пусть знает, чего мы хотим!

И тут из-за снежной завесы навстречу им выступил гигантский неясный силуэт.

Гэккт! Он удалился по каким-то своим, неизвестным человеку, делам, но не забыл об их существовании! Подхватив обоих друзей, косматое чудище, давно уже переставшее казаться устрашающим, приволокло их в свое логово. Как выяснилось, оно даже умело пользоваться огнем.

Неизвестно, правда, всегда ли гигант поступал подобным образом или разложил костер специально для них. Естественно, гэтткт жил в пещере, весьма приличных размеров, причем в ней не наблюдалось следов иных обитателей — ни самки, ни детенышей.

Особой чистоплотностью он явно не отличался, так что по углам можно было заметить солидной длины и толщины кости, свидетельствующие о вкусовых пристрастиях хозяина.

Впрочем, обращать внимание на подобные мелочи мог кто угодно, но никак не люди, в очередной раз чудом обретшие спасение — равно как и на пренеприятный смрад, наполнявший жилище гэтткта. Главное, здесь было достаточно тепло, даже жарко, и обмороженные лица и руки путников сразу отозвались на это тупой болью.

Каким-то образом уловив, что люди, даже в должной степени оголодавшие, не особенно-то

прельстятся видом сырого мяса, являвшегося, судя по всему, основной пищей гиганта, он снизошел до того, чтобы слегка подкоптить имеющуюся у него добычу, и путники, рыча от наслаждения не хуже самого гэтткта, впились в это лакомство зубами. Хозяин с видимым удовольствием наблюдал за тем, как охотно люди пользуются плодами его гостеприимства, и время от времени кивал головой — вот только при всем миролюбии этого существа лучше было не смотреть на него в те моменты, когда оно пыталось изобразить подобие улыбки: от такой гримасы кусок прямо-таки вставал поперек горла...

От обилия горячей пищи и тепла киммериец и Алеу отключились, так и не подобрав подходящих слов благодарности гэтткту, но чудище пошло в своей заботе о них еще дальше.

Оно улеглось между ними, прижав обоих к собственной шкуре и согревая своим теплом.

Конечно, гигант был не столь тонко устроен, чтобы проявлять способность к сочувствию — им двигало восхищение перед нестигаемой волей и невиданной силой этих двоих, которые по росту были почти вдвое меньше, чем он сам, лишены защищающей от холода и снега шкуры, крепких и острых когтей и зубов, но у которых было оружие куда более грозное, и таилось оно в них самих!

Да, одним ударом могучей руки он мог шутя переломить хребет любому из них — но не тащить на собственной спине себе подобного по отвесной скале! И не выступить против давнего вра-

га, скользкого норркта, сражаясь с ним на узкой тропе...

Движимое непонятно чем, чудище повернуло голову в сторону Алеу и лизнуло его в лицо шершавым, узким синеватым языком, проведя от подбородка до лба. Парень встревоженно заворочался во сне и негромко вскрикнул. Поступить подобным образом с варваром гэтткт не решился, если не поняв — ибо масса его мозга была прискорбно мала, по сравнению с массой туши, и если в этом мозгу и возникали мысли, то двигались они тяжело и медленно, — так почуяв, что подобная фамильярность могла ему в этом случае с рук и не сойти.

Правда, в отличие от своих немногочисленных сородичей, этот гэтткт был несравнимо более сообразителен и, с человеческой точки зрения, менее дик. Он был еще относительно молод, около тридцати зим — при том, что его родичи доживали, случалось, и до сотни, и редко общался с себе подобными. Зато он обнаружил тот самый кратер, к которому его соплеменники не проявляли никакого интереса, и мог часами просиживать на его дне, тупо уставясь на странный кусок металла, который чем-то притягивал к себе его внимание.

За эти часы он всякий раз становился чуточку другим, и где-то глубоко внутри гиганта — наверное, в животе, под самым желудком, — возникало и росло знание. Еще гэтткт любил совершать долгие походы через тундру в сторону угасающего Хаагена и прислушиваться к звукам че-

ловеческой речи. Они никогда не бывал замечен людьми, но подозревал, что антархи догадывались о его присутствии. И ему совсем не понравилось то, что совершил Гринсвельд.

Так сильно не понравилось, что гэткт даже пробовал его преследовать, но потом отстал — он не умел долго сосредоточиваться на чем-либо.

Он ненавидел Гориллу Грина так же, как серого норркта, за то, что из-за него в Ландхаагене остановилась жизнь, и ему не к кому стало приходить, чтобы послушать голоса и посмотреть на огонь... У него остался только кратер, заменивший все остальное, и гэткт спускался туда все чаще, иногда даже вместо того, чтобы охотиться, добывая пищу.

Зато, когда в Кезанкийских горах появились эти двое, он с любопытством принялся наблюдать за ними, почуяв какую-то связь между одним из них — и своим кратером. Если бы подобные чувства были ему доступны, гэткт несказанно гордился бы тем, что сумет связать между собой столь сложные явления и даже заставить людей понять себя. Но он не знал, что такое гордость. Он мало что знал вообще. Правда, услышав, как Алеу назвал его человеком, он не удивился.

Он ведь где-то и чувствовал себя таковым... И он был рад, когда юноша разделил его восторг перед кратером; гэткт отдал победителям серого норркта то единственное, чем владел безраздельно, и они это оценили. Он больше не был одинок.

Как странно! Ведь чтобы что-то получить, надо это взять, поймать, убить, отобрать. А здесь он сам отдавал, и у него не стало меньше, как раз наоборот. Очень странно!.. И тепло плотно прижимающихся к его шкуре тел тоже было ощущением прекрасным и новым.

Гэккт слышал биение двух сердец, кроме своего собственного, и старался не позволить сну одолеть себя, дабы продлить это чудо, — да еще, чтобы по случайности неосторожным движением не потревожить спящих людей. Острые уши косматого гиганта чутко двигались.

Он был нужен кому-то. Он мог служить чему-то неизмеримо большему, чем являлся сам. Вот хотя бы охранять и защищать... от этого его самого становилось больше...

* * *

— Ты можешь провести нас в Хааген? — спросил Алеу на другой день. — Знаешь, где это?

Он знал. Но знал и то, что там нечего делать, ибо Ландхааген был мертв. Там никого не осталось. Совсем никого. Правда, до недавнего времени в одной из хижин порой загорался огонь, но он потух две луны назад. Гэткт бродил там однажды, грозно вой от тоски. Но этот вой уже никого не смог бы напугать — некому было услышать его или увидеть самого гиганта. Если эти двое несли в Хааген спасение, они опоздали. Род антархов перестал существовать. Гэккт понимал разницу между жизнью и смертью.

Он не мог ошибиться.

— Дети,— втолковывал ему юноша,— понимаешь? Мальчик и девочка. Двое! Дети. Они ждут нас, а нам не удастся идти достаточно быстро.

Конан был мрачен. В отличие от своего друга, он ничего от гэткта не требовал; но он тоже отчетливо понял, что Кезанкийские горы не собираются их отпускать, пока они либо не перебьют всех здешних монстров и не столкнутся лицом к лицу со всеми возможными стихиями, либо не погибнут сами. Что-то сознательно задерживало их продвижение. Нечто, подобное тому, что мешало их с Иавой пути на Желтый остров. Но на сей раз оно вознамерилось во что бы то ни стало одержать верх, и вовсе не собиралось сдаваться ни стали, ни воле.

Магия, зловещая магия разливалась, казалось, в самом воздухе гор, они словно шли сквозь черные чары, как сквозь темную воду, пробивались и, когда нужно, прорубались, будто с целью ustanовить, где есть предел человеческим силам. Увы, этот предел был уже не очень-то далек.

Косматый гигант в ответ на просьбы Алеу повел себя очень странно.

В крошечных мутных глазках, на дне которых лениво ворочался разум, стояла тоска.

Он шумно вздыхал и качал головой, издавая звуки, смысл которых никак не удавалось вполне уловить. Они не складывались в слова. Юноша однако был терпелив. Он снова и снова твердил одно и то же.

— Проведи нас через горы. Нам нужно в Лан-дхааген. Нас ждут двое детей.

— Мррт... моррт...— прорычало вдруг чудище и умолкло.

— Что?! Мертв? Мертвы?— с ужасом осознал Алеу.— Кто, дети антархов? Они погибли?

Гэккт склонил голову, подтверждая страшную догадку.

— Это неправда,— твердо возразил юноша,— Нет! Я чувствую, что род антархов не угас окончательно. Мы найдем их! Где бы они ни были, чего бы это ни стоило — мы найдем!..

Несмотря на уверенность, которую Алеу из всех сил старался придать своему голосу, и его, и киммерийца охватило состояние, близкое к полному отчаянию.

Они не могли полностью исключить того, что косматый великан прав. И тогда выходило, что все их невероятные усилия были бесплодны.

Большей несправедливости трудно было вообразить — но ведь они знали, что жизнь вообще достаточно жестока и несправедлива. А если в дело вступают темные магические силы, то и по-давно. Логика у судьбы в таких случаях не больше, чем у пускающего слюни идиота...

А ведь они были уже так близко! Всего несколько дней пути!..

Алеу решительно поднялся, крепко стиснув зубы.

— Меня ничто не остановит!

Варвар встал с ним рядом. Да, другого пути у них не было. Пусть искать двоих детей, неизвестно куда заброшенных судьбой и вообще неизвестно, в самом ли деле числящихся еще сре-

ди живых, было все равно, что иголку в стоге сена,— по-другому поступить было невозможно. Они не видели последних из рода антархов мертвыми, а значит, оставалась, пусть призрачная, но надежда, которая заставляла громче биться два отважных сердца, сделавшихся как бы одним целым.

Теперь у спутников не было врага, страшнее отчаянья. И этому врагу двое мужчин снова бросили дерзкий вызов.

Глава седьмая

Дгонь догорал, и накормить его, чтобы он продолжал свой безмолвный танец, было нечем. Ванкрид посмотрел на Таону; она, казалось, тихо спала, инстинктивно стараясь держаться поближе к огню. Почти прозрачные веки однако чуть подрагивали; почувствовав взгляд Ванкрида, она повернулась к нему.

— Мангельда не вернется, Таона,— жестко проговорил он.— Как и все, кто ушел прежде.

Она отвернулась. Ей было все равно.

Таона давно перенесла пик голода и страха. Ей уже ничего не хотелось, и ее ничто не могло напугать либо встревожить.

Ледяной мрак за проемом окна, затянутого рыбьим пузырем, вспучивался и шевелился, ожидая смерти огня и момента, когда он сможет ворваться в хижину и заполнить ее целиком.

— Кроме нас никого не осталось,— продолжал Ванкрид.— Я знаю, прежде меня сочли бы негодным для того, чтобы выполнить долг. Но теперь

никто не может запретить мне идти: все равно, больше никому... Все умерли, один за другим... Ты понимаешь, Таона?

Эй, ты слышишь меня?..

Она молча кивнула. Банкрид удовлетворенно умолк, затем заговорил снова:

— Мы уже сожгли все, что могло гореть, и съели то, что могли заставить себя проглотить. Мы ждали до конца. Больше ждать нечего. Холод, темнота и отсутствие пищи все равно убьют нас. Мы похоронили всех, для кого смогли выкопать могилы. Тела остальных пошли в пищу песцам и лисицам. Я не хочу, чтобы лисицы сожрали и меня тоже, когда я умру.

Он говорил о то, что Таоне и без него было отлично известно, и она удивлялась, к чему Банкрид тратит последние силы на болтовню.

— Холодно,— бесцветно сказала она, съеживаясь в комок и подтягивая колени к животу.

— Когда огонь умрет, станет еще холоднее,— возразил, продолжая гнуть свое, Банкрид.

Порывы ветра били в стены, остервенело стараясь разрушить шаткую постройку. Ветер выл и хохотал, упиваясь своей властью.

Наблюдая из-под густых ресниц за Банкридом, Таона увидела, что он стал и начал натягивать на себя всю одежду, какую смог найти.

— Я ухожу, Таона. Лучше умереть в пути, чем лежать здесь, мучаясь от голода.

— Ты ребенок,— она, наконец, разлепила губы, но ее голос прозвучал, как тихий шелест Ты не можешь...

— Я мужчина,— возразил Банкрид.— И я воин. Я — последний антарх на земле.

— Твои руки слишком слабы, чтобы удерживать меч. И даже тетиву лука натянуть ты не в силах.

— Но у меня есть ножи! — воскликнул мальчик.— Они заменят мне меч и лук. Ты, верно, плохо знаешь меня, маленькая Таона; если мне суждено погибнуть, то в бою, как подобает мужчине, а не крысе, попавшей в мышеловку. Напрасно ты стараешься удержать меня; волк в капкане перегрызает себе лапу и умирает свободным. Разве я хуже волка?! Пусть лучше кровь вытечет из меня, чем замерзнет в жилах.

— Ты бросишь Хааген, последний антарх? Или ты забыл, что мы Хранители? И ты... бросишь меня одну умирать?

— Я люблю Хааген. Но одно лишь мое присутствие не спасет его и ничего не сохранит. Я уйду, чтобы вернуться... а ты — о, ты, конечно, пойдешь со мной!

Банкрид стоял перед нею, полностью одетый, и ремень, удерживающий за его спиной колчан и лук со стрелами, пересекал грудь мальчика. На мгновение Таоне почудилось, будто сам их великий предок, сияющий Асвельн, предстал ее глазам и велит следовать за собой.

Девочка подчинилась и, по примеру Банкрида, заставила себя подняться на ноги и облачиться в сшитые из шкур одежды.

Банкриду минуло двенадцать зим, Таоне десять. Они не были братом и сестрой, однако вы-

росли вместе. И даже черты их лиц были чем-то схожи.

Неестественно огромные, широко расставленные ярко-голубые глаза в пол-лица под идеальной формы дугами бровей, короткий нос, казавшийся чуть вздернутым, и полные, четко очерченные упрямые губы, волевой подбородок... Разве что у девочки брови были чуть потоньше и абрис лица несколько нежнее.

Взявшись за руки, Ванкрид и Таона переступили порог хижины. Они сделали первый шаг навстречу ветру и мраку и не оглянулись назад, туда, где ворвавшийся в растворенную дверь ледяной вихрь задул последние цепляющиеся за жизнь язычки огня.

Последние из антархов покинули Хааген. Они шли и шли, не разговаривая и ни о чем не спрашивая друг друга. Таона ошиблась: лук Ванкрид вполне мог удержать и натянуть тетиву его — тоже. Он был метким стрелком, и ни одна из выпущенных его рукою стрел не пролетала мимо цели. Время от времени ему удавалось добыть какую-то мелкую дичь, и это поддерживало физические силы детей. Главное же, ошибкой предшественников, в том числе и Мангельды, было то, что они выступали в путь поодиночке. Это было достойно и свидетельствовало об их мужестве; однако Ванкрид и Таона убедились в том, что силы жить придает именно сознание — ты не один и выживаешь не ради себя самого.

На многие лиги вокруг им не встретился ни один человек, словно весь мир попросту вымер.

Лишь покинутые, до самых крыш занесенные снегом жилища свидетельствовали о том, что эта земля когда-то была обитаемой. Да еще пару раз их настигал протяжный вой — дети подозревали, что эти звуки издает огромный двуногий медведь, что и раньше крутился, случалось, поблизости, но никогда не нападал, по крайней мере, прежде. Впрочем, это был пожалуй, не совсем медведь... но чем бы ни являлся, он выглядел поистине устрашающе, и встречаться с ним не хотелось.

Оказавшись за пределами Ландхаагена, они подумали было, что самое страшное позади.

Вечная зима осталась там, за спиной, — а впереди лежала бескрайняя тундра. Здесь хоть что-то росло — низкие, скрюченные, почти по земле стелющиеся кустарники, лишайники и мох, но и это жалкое подобие растительности чрезвычайно их поразило, ибо было сродни им самим, столь же упорно продолжавшим тянуться к солнцу.

Прокормиться здесь было куда проще, помимо обилия ягод, повсюду водились суслики, мыши, напроць лишенные чувства самосохранения любопытные евражки, которые прекрасно шли в пищу, почти не требуя усилий для того, чтобы их поймать. Из растущего на сопках кедрового стланика Ванкрид быстро приспособился сооружать шалаши, в которых он и Таона проводили ночи, поочередно охраняя свое убежище.

По сравнению со скованным льдами Хаагеном тундра могла показаться раем. Их не особенно смущали даже трудности передвижения по зыб-

кой почве, которая легко удерживала небольшой вес детских тел; но чем более они удалялись от Хаагена, тем сильнее становилась невыразимая тоска, гложащая сердце: стоило смежить веки, покинутая родина врывалась в их сны, целиком заполняя их, и Таона пробуждалась с мокрым от слез лицом, а Ванкрид стискивал зубы до хруста. Все ночи напролет Хааген, ледяная могила всех, кто был им дорог в этой жизни, этот темный ад, в котором они и сами едва не погибли, звал их назад, представляясь самым прекрасным местом на земле.

Им не нужно было говорить об этом вслух — они чувствовали одно и то же, и Ванкрид знал, что причиной безмолвных слез Таоны является вовсе не страх перед неизвестностью, а невыносимая печаль... их сердца навек были отданы Хаагену, они сами были его душой, теперь словно разлученной с умершим телом и взирающей на него с высоты; последними каплями его крови, всем... всем! И бездомная эта душа трепетала и билась, словно птица в силке, стремясь вернуться назад — и разжечь костры новой жизни посреди безраздельного царства торжествующей смерти.

— Мы придем туда, — горячо шептал мальчик, и глаза его сияли иступленной верой, — мы построим новые хижины на месте разрушенных и восстановим замки в городах, и Белый дворец. Ночь не может быть вечной!

— Мы родим детей, которые вырастут сильными, — вторила ему Таона, — и станут жить в

этих хижинах и замках, охотиться и править страной. И на Скарсаане растает лед... и будет сманданг! Обязательно будет — сманданг!

Так они мечтали, прогоняя точившую сердце тоску. Тундра сменилась лесом, впрочем, не густым, просматривающимся почти насквозь, — а далеко впереди маячили вершины гор.

— Послушай, Таона, — сказал однажды Ванкрид, — Гринсвельд больше не владеет маттенсаи. Он убит! Я это чувствую.

— Да, — согласилась девочка, — я тоже. Но что это значит для нас? Мы можем больше не пробираться к Желтому острову, но где теперь искать зеленую ветвь? Она в руках не антарха бессильна, и кто бы он ни был, он не может знать, что с нею делать. О, если бы Мангельда...

— Мангельда мертва. Не надейся напрасно, — немедленно возразил Ванкрид. — Пойду наберу хвороста для костра, а потом мы обратимся к богам, чтобы они, если пожелают, открыли нам, как следует поступить. Ты не забыла заклятий?

Она прекрасно помнила нужные слова, только давно утратила веру в их силу; если бы боги могли слышать их, они бы не допустили... нет, нет! Нельзя впускать в сердце гнев и ненависть. Даже жестокие сонные боги, кои вели себя так, словно им наплевать на неописуемые страдания и всю меру людской боли, достойны того, чтобы получить еще один шанс...

С помощью кремня Таона развела огонь в ожидании Ванкрида. Он отчего-то задеживался, хотя собрать охапку хвороста было достаточно

пустяковым делом, не требующим длительных усилий. Тревога сжала сердце ледяным обручем. Напрасно девочка старалась убедить себя в том, что Ванкрид мог попросту отвлечься, приметив легкую добычу и преследуя ее. Что-то случилось, что-то по-настоящему опасное. Покинув довольно просторный шалаш, Таона окликнула мальчика, и, к ее несказанному облегчению, он тотчас отозвался. Но это облегчение было преждевременным. Ванкрид в самом деле приближался к ней, но шел он как-то странно, приволакивая ногу, и был смертельно бледен. Девочка шагнула ему навстречу.

— Ванкрид? Что?..

— Кажется, я наступил на что-то,— растерянно проговорил он,— подвернул ногу и упал; я почувствовал, что какая-то дрянь вонзилась в ногу ниже колена, но на ощупь ничего не смог определить, только болит очень сильно. Скорее, Таона, помоги мне!

У девочки оборвалось сердце. Ванкрид сел и, не мешкая, распорол штанину, по которой расплзлось кровавое пятно.

В самом деле, рана была небольшой и вовсе не выглядела страшной — скорее, как глубокая ссадина, но вокруг нее кожа отчего-то стремительно чернела, словно в кровь проник яд как при укусе змеи.

Но никакие змеи в этих местах отродясь не водились, откуда бы им было взяться здесь, где тонкий слой почвы скрывал под собой вековые толщи льдов?

Тем не менее, не поверить собственным глазам Таона не могла, а мальчик, похоже, испытывал гораздо большие страдания, чем от обычной ссадины.

При том, что он был чрезвычайно терпелив к боли, как подобает воину, нынешнее состояние Ванкрида казалось необъяснимым.

Таона прекрасно помнила, как, когда они были значительно меньше, мальчик по неосторожности пропорол себе руку острием ножа — даже тогда он не подумал пожаловаться либо плакать. А сейчас выглядел так, словно вот-вот потеряет сознание.

Чтобы не допустить распространения черного пятна, Таона решилась сделать то единственное, что было сейчас в ее силах: раскалив в пламени костра стальное лезвие ножа, она поднесла его к ране и... опустила руку.

— Я не могу, Ванкрид... не могу!

Мальчик все понял.

— Дай мне нож. Я сам справлюсь.

Вторично раскалив лезвие, он собственной рукой приложил металл к ране — и, не позволив себе даже вскрикнуть, лишь молча откинулся назад, содрогаясь от боли и сводящего с ума запаха собственной горячей плоти, и до крови закусил нижнюю губу.

Положительно, боги снова доказали, что им, в лучшем случае, нет до людей никакого дела!

Трое суток Ванкрид находился между жизнью и смертью, и Таона не знала, спас он себя или только продлил свои мучения. Озноб сотрясал

его тело; от жара трескались губы; вместо ясных синих глаз на девочку жутко смотрели испещренные багровыми прожилками белки.

Он не приходил в себя. Если Таона пыталась напоить его принесенной из ручья водой, жидкость выливалась обратно тонкой струйкой, бессильно стекавшей по подбородку — видно, глотать мальчик был не в состоянии.

Все мышцы Ванкрида сводили судороги такой неистовой силы, что он непрерывно кричал от боли, ибо в бессознательном состоянии держать себя в руках уже не мог. Последний антарх погибал в невыносимых муках, и девочка, склоняясь над ним, отчетливо слышала хлопанье незримых черных крыльев смерти, нетерпеливо поджидающей, когда же она сможет забрать свою законную добычу, столько раз укользавшую от нее. Каждый антарх, в том числе и Таона, от рождения знал, что победить всякое зло можно только силой любви.

Но сейчас она познала иную силу — чистой и звонкой ненависти, вытеснившей все остальные чувства.

Девочка не могла согласиться с тем, что Ванкрида не станет! Ненависть к смерти обожгла ее душу так, что разом выкипели все слезы.

— Будь оно все проклято! — крикнула она в пустоту, в черное небо, когда дыхание мальчика сделалось прерывистым, а потом и вовсе прекратилось, и схватила своего единственного друга за плечи. — Борись! Борись, Ванкрид, как положено мужчине и воину!

И оттуда, из невыносимой дали, куда уже уносились душа мальчика, он слышал ее.

Спустя показавшиеся ей бесконечными мгновения, Таона увидела, что грудь Ванкрида снова начала подниматься и опускаться. Он жил! Да, жил, наперекор пожирающему его тело и разум неведомому яду, наперекор злой воле сил, уже готовых торжествовать победу.

Смерть отступила; во всяком случае, решила повременить.

Однако Ванкрид продолжал терять силы и не мог заставить себя подняться.

Вся нога ниже колена сочилась гноем, и с этим ничего невозможно было поделать. Правда, теперь юный антарх был в сознании, но от этого его страдания только умножились. Тем не менее, он не позволял физическим мучениям взять верх над разумом и волей до такой степени, чтобы перестать искать выход из положения.

— Обратись к богам, Таона! — убеждал он подругу. — Я знаю, здесь не могло обойтись без магии, а значит...

— Боги нас не слышат, Ванкрид. Им все равно. Вспомни Хааген: когда все умирали, разве они вмешались хоть раз? Разве они спасли тех, кто ушел за маттенасаи и не вернулся назад? Помнишь день, когда мы поняли, что остались одни? Мы ходили из дома в дом... и повсюду видели только трупы тех, кто был нашими друзьями, соседями... а когда ты попытался прорубить лед на Скарсаане, чтобы принести воды, и сталь крошилась, но лед не поддавался? Где тогда были

твои боги, Ванкрид? Когда-то я умела молиться... теперь не могу. С тех пор, как...

— Замолчи. Лучше ты вообще не говори ничего, но прекрати проклинать,— устало прошептал мальчик.— Ты не понимаешь. Когда ты так говоришь, ты словно заодно со льдами, сковавшими наши холмы, ибо лед в твоём собственном сердце. Ты же предаешь тех, кто остался там, и тех, кто погиб в пути: они умирали, надеясь... что весна придет еще раз!

Голос его затих. Таона прижала ладони к лицу с глухим стоном: Ванкрид прав. Себя саму преодолеть труднее всего. Проклятия в адрес богов и собственное тупое, бессмысленное упрямство не помогут.

— Прости,— выдавила она.— Я попробую...

Девочка выпрямилась и постаралась сосредоточиться на собственных внутренних ощущениях, мысленно произнося слова известных ей заклинаний, поначалу чисто механически, не вдумываясь в их смысл. Но вот сердце ее дрогнуло и забилося сильнее; Таона почувствовала, как оно раскрывается внутри, подобно лепесткам цветка, его жар озаряет сознание и заставляет видеть то, что скрыто от глаз простых смертных. Описать свои чувства словами она бы не смогла — таких слов попросту не существовало в человеческом языке, ибо изреченное странным образом исказило бы самую сокровенную суть происходящего в безмолвии таинства.

Теперь, храня пылающий в душе огонь знания, девочка приблизилась к Ванкриду — и уви-

дела... то, что открылось ей, заставило Таону содрогнуться и отпрянуть.

Черное, живое, извивающееся трубкообразное существо, длинное и толстое, с отвратительным, как у пиявки, «ртом», окруженным щупальцами, избрало мальчика своей жертвой и присосалось к нему через поврежденный участок тела.

Вот почему не помог даже раскаленный металл! Это не могло поддаться воздействию природной силы, будь то огонь или что угодно иное, ибо оно имело совсем другую, чуждую природе и зримому миру сущность. Это трубкообразное черное образование, «присосавшееся» к ноге Ванкрида через рану, имело — как убедилось девочка, когда, преодолевая ужас и отвращение, вгляделась внимательнее,— с одной стороны основание в виде туманного облачка.

Чем дальше она всматривалась в него, тем сильнее становилось неопишемое ощущение искажающегося пространства. Таона была как бы здесь же, она ведь никуда не уходила, не перемещалась, и в то же время совсем в другом месте, а именно там, где Ванкрид и получил свою странную рану. Продолжая теперь уже вслух, в полный голос, нараспев произносить слова древних заклинаний, дочь антархов определила, что это место тоже было весьма непростым. С виду самый обычный участок реденького леса на поверку оказывался чем-то вроде черной хлюпающей воронки, из которой, очевидно, и выбралась трубкообразная полуживая пакость, набросившаяся на свою жертву. Но действовала она не сама

по себе, руководствуясь собственной волей, какой не обладала вовсе, а была послана... Таона сосредоточилась еще больше... да, послана, спущена с цепи, как сторожевая собака, хозяином воронки — и только им же могла быть уничтожена или отозвана назад!

— Ванкрид,— проговорила девочка,— я поняла... кажется, поняла! Подожди, я скоро вернусь.

Она направилась в сторону воронки. Конечно, Таона понятия не имела, каким количеством подобных «трубок» располагает местный хозяин, и не представляла себе даже, что такое он сам.

Сохранялась вполне реальная опасность, что он попытается напасть и на нее. Стараясь не приближаться на чересчур близкое расстояние к краю воронки — хотя для взгляда обычного человека таковой и вовсе не существовало — совершенно ровная, поросшая сероватым мхом поверхность под ногами, и все; ничего более! — девочка остановилась.

Собрав все мужество — и все равно один раз ее голос сорвался и дрогнул,— она стала вызывать Хозяина при помощи хорошо известного ей заговора.

Каков же был ее ужас, когда в страшной клубящейся спирали, уходящей глубоко вниз, что-то отвратительно хлюпнуло, и пространство начало активно шевелиться и вспучиваться, словно сама воронка выворачивалась наизнанку! Таоне больше всего на свете хотелось повернуться и убежать прочь от страшного места — куда угодно, лишь бы не слышать этих звуков, напоминаю-

щих чавканье гигантских челюстей, и уже тем более не видеть обладателя таковых. Но она не позволила себе сделать ни шагу. Дочь антархов знала закон: если зовешь кого-то, изволь довести дело до конца — либо не начинай его вовсе.

И Хозяин явился.

Самое богатое воображение не могло бы нарисовать более отталкивающей картины, чем та, которая предстала перед внутренним взором Таоны. У нее мигом пересохло во рту и язык прилип к гортани, когда не менее тысячи круглых, пристальных глаз уставились на нее одновременно, причем глаз выпуклых, похожих на отвратительные сгустки слизи.

Но помимо множества глаз, на огромной яйцеобразной голове Хозяина имелся еще и рот — в виде темного округлого углубления, из которого и доносилось чавканье. Задумываться о том, что он так активно пожирает, не хотелось. Самым же странным было то, что глаза смотрели на девочку с явным, хотя и ленивым любопытством — словно Хозяин не мог взять в толк, каким образом некто осмелился нарушить его покой.

— Последние из рода антархов приветствуют тебя, великий,— обратилась к нему Таона,— и просят простить их за дерзость. Сила твоя велика, и облик устрашит всякого, кто усомнился бы в ней, ибо ты один — безраздельный властелин этих мест!

Хозяин снова хлюпнул, на сей раз, скорее, благосклонно.

Поистине, воздействие дести не знает преград обличий. Было бы достаточно самодовольства..

— Мы — потомки Асвельна, — продолжала девочка, теперь уже более уверенно, — но, по молодости и беспечности своей, совершили великое святотатство, не испросив воли твоей на то, чтобы ступить на твою территорию, господин. Если хочешь, прояви свою милость, ведь она столь же велика и безгранична, как и твоя мощь! Всяким мыслимым качеством наделен ты в превосходной степени! Что слугам твоим в том, чтобы погубить нас?.. Отзови их и дай нам свободу; даруй нам жизнь, о великий, ибо, подобно всякой твари, мы боимся потерять ее. Кроме того, — добавила Таона, — к чему тебе навлекать на себя гнев отца нашего Асвельна, который желает, чтобы мы исполнили долг перед его землей?

Неизвестно, что тут подействовало сильнее — лесть, мольбы или откровенная угроза, исторгнутая отчаянием, а может быть, просто изумление бесстрашием слабого существа, посмевшего звать к силе, неизмеримо более могущественной, но Хозяин согласился с ее доводами.

Девочка почувствовала это, ибо сердце ее успокоилось, и страх отступил. Она возвратилась к Ванкриду и стала ждать, что произойдет дальше, вновь сосредоточив внимание на черной «трубке», высасывающей жизнь из ее друга.

Ожидание, впрочем, длилось недолго; по воле Хозяина неизвестно откуда появилось еще одно существо. На этот раз выглядело оно подобно крупной, в половину человеческого роста, яще-

рице, с переливающейся чешуей, длинным толстым хвостом и гребнем на покрытой бородавками спине. Приблизившись к «пиявке», оно медленно раскрыло огромный рот, достоящий до самых глаз, выпученных и глядящих в разные стороны, и вцепилось в ту, отрывая ее от Ванкрида, а затем проглотило одним движением — и исчезло, скользнув назад в воронку!..

— У меня получилось! — воскликнула Таона, которая все еще не могла прийти в себя и с трудом верила в то, что справилась со столь сложной задачей.

Она приподняла обеими руками голову мальчика и поцеловала его в губы, как взрослая женщина; она и была взрослой — за эти дни в светлых волосах девочки появилось немало серебряных нитей...

Теперь жизнь Ванкрида была вне опасности, но он все же был слишком слаб для того, чтобы они могли двигаться дальше. Таона добывала пищу для них обоих, таскала воду, поддерживала огонь и ревностно ухаживала за своим другом. Видимо, здесь им предстояло задержаться надолго, а значит, стоило подумать и о более надежном убежище, чем девочке и пришлось заняться незамедлительно, хотя поначалу подобная задача казалась совершенно невыполнимой. Будь она одна, у нее давно опустились бы руки. Но Ванкрид!

Он не должен был страдать от дождей и холода; ни один зверь не смел приблизиться к нему. Ради этого можно было горы свернуть. Или

своими руками в одиночку сложить целую крепость. Иначе им не суждено будет никогда больше увидеть благословенный Хааген, который не смогли отстоять старшие антархи.

Таона старалась не отлучаться надолго, чтобы не оставлять мальчика одного. Она взяла его ножи, лук и колчан со стрелами, и теперь стреляла не хуже, чем он. И еще — заговоры; девочка припомнила все, какие знала, и воспользовалась ими, обращаясь к духам земли, и воды, и деревьев, и к тем, что охраняли зверей. Всякий раз, когда Таоне случалось подстрелить добычу, она обращалась к духу убитого зверя или птицы, испрашивая себе прощение, чтобы те не гневались. Но богов на помощь она не призывала, о нет — здесь она была непримирима.

Если даже антархи совершили великий грех, позволив Гринсвельду похитить маттенсаи, они заплатили сполна, принеся неисчислимые жертвы — и она, Таона, равно как и Ванкрид, ничего больше не были им должны. У них и так отняли все, что они имели. Кроме жизни. Но вот это она не собиралась уступать ни богам, ни демонам, ни кому бы то ни было.

В отличие от нее, мальчик продолжал возносить молитвы. В нем проснулся пророческий дар. Его посещали видения настолько отчетливые, что Ванкрид не отличал их порой от реальности, и вещие сны.

Он в подробностях описал Таоне человека, который теперь владел маттенсаи, а позже и второго, являвшегося его спутником.

«Первый — великий герой, — пояснял мальчик, — а другой — наш брат, похожий на нас, хотя и не антарх, и глаза у него не голубые, а зеленые. Оба они сильны, как древние атланты, и не ведают страха... хотя они люди, и они смертны, но для них превыше всего — честь и долг... Они знают о нас и о том, что мы живы, и спешат, чтобы помочь нам и Хаагену. Кровь зеленоглазого помнит первый Хааген...»

«Какой еще первый? — нахмурилась девочка. — Я знаю только один». — «Был и другой, давно... — словно в трансе, проговорил Ванкрид. — Очень давно! Все забыли. Он далеко... из него вышли антархи, и не только антархи, и...»

«Антархи — потомки Асвельна, — решительно возразила Таона. — Это было известно каждому! Ты сам все забыл».

Ванкрид не стал с нею спорить. Если женщина решила поставить на своем, лишь глупец унизится до того, чтобы понапрасну сотрясать воздух, пытаясь ее переубедить.

Невероятная же юность Ванкрида с глупостью ничего общего не имела, поэтому он попросту предпочел до срока не возвращаться к этой теме.

Таона хранила саму жизнь, Ванкрид — ее дух, смысл и суть, делая то, что и положено женщине и мужчине. Она уже в десять зим была колдуньей; он, в двенадцать, пророком.

О таких людях через века доходят только легенды, слишком мало общего имеющие с реальностью и наделяющие слабых людей невиданными способностями... Нет, они не могли бы голы-

ми руками разорвать пасть внезапно напавшему хищнику или выжить после прямого попадания молнии.

Они были смертны, и точно так же, как и все остальные люди, хрупки и уязвимы, подвержены тем же слабостям, как и всякий человек из плоти и крови, сомнениям, страху и отчаянию; так же страдали от холода, жажды и боли. Разве что неимоверно сильный дух поддерживал в них тот огонь, что сиял в глазах, не угасая, и озаряя собою долгий путь через жизнь, — которая в действительности не проста и не обыкновенна, а трудна и сложна.

Они не хотели и не могли ждать, когда им придут на помощь иные герои, кем бы таковые ни оказались. Ожидание в бездействии — вот что было по-настоящему губительным. Ибо тем, которые пробивались к ним, было не менее тяжело, и Ванкрид знал об этом. Пусть он не мог проследить за каждым шагом Конана и Алеу, однако почти всякий раз, когда на тех двоих надвигалась новая катастрофа, сердце его замирало и обрывалось, падая куда-то вниз; и мальчик сжимал кулаки так, что белели костяшки пальцев, а ногти до крови впились в ладони... Когда же опасность отступала, он в очередной раз вздыхал с облегчением.

— Мы сами должны идти к ним! — восклицал юный антарх. — И вместе вернуться в Хааген!..

Таона была с ним вполне согласна. Сознание того, что где-то есть люди, думающие о ней и

Ванкриде, придавало ей сил. Что бы ни случилось, они придут, эти двое сильных! И принесут с собой маттенсаи... обязательно принесут.

Ах, если б в самом деле можно было двинуться им навстречу! Но сначала этого не позволяло сделать состояние ее друга, а потом произошло нечто еще более жуткое. К своему ужасу, Таона обнаружила, что, в каком бы направлении они ни шла, неведомый морок возвращал ее назад на прежнее место. Она описывала круг — и возвращалась. Ни вперед, ни назад пути не было. Один и тот же заколдованный круг — против которого были бессильны заклятия и заговоры. Девочка боялась сообщить Ванкриду о своем прискорбном открытии. Но он узнал об этом сам.

— Кажется, нам сложновато будет отсюда выбраться, — сказал он однажды.

Таона взглянула на него в панике.

— Ты... тебе известно?

— Да, известно. Ты не можешь перешагнуть границу круга, ведь так? Но, Таона, самое плохое не в этом.

— Что же может быть хуже?! — воскликнула девочка.

— То, что наши спасители тоже не смогут этого сделать. Это место, где мы находимся, оно теперь будто под колпаком. Они могут пройти совсем рядом с нами, но не увидеть и не услышать нас.

Таона беззвучно шевельнула губами.

— Но, Ванкрид, ведь один из них видит даже в темноте и в тумане. Может, он все же почув-

ствуем наше присутствие?.. — неуверенно произнесла она, цепляясь за робкую надежду.

— Нет, — печально возразил мальчик. — Ему это тоже недоступно. Здесь его способности бессильны, так же, как твои... и мои. Я знаю, что произошло, но ничего не могу с этим поделать. Мне не разорвать круг.

Значит, они вырвались из ледяного плена Ха-агена лишь затем, чтобы очутиться в еще более изверской ловушке! Из которой нет выхода...

Они могут прожить здесь долгие годы, но покинуть ее — никогда. Причем извращенно жестокий разум той силы, которая совершила это, поймав их в магический капкан, был не лишен оригинальности. Ванкрид сохранил свою способность видеть на расстоянии и правильно оценивать происходящее.

Он знал, что им вынесен окончательный приговор, и подобно обреченному на казнь, ничего не мог изменить.

— И как же нам теперь быть?! — спросила Таона, глядя на него остановившимися помертвевшими глазами.

— Не знаю, — бесцветно отозвался мальчик. — Клянусь, я не знаю.

* * *

...Он был древнее мира людей.

Настолько древнее, что иногда ему казалось, будто он был всегда — хотя это не соответствовало действительности. Но исчислять его возраст в человеческих мерках было бы тем же самым,

как сравнивать жизнь мотылька-однодневки с длиной земного пути людей. Да что там говорить о людях.

Ни один считающийся бессмертным демон не мог бы с ним равняться. Вообще никто.

При этом он вовсе не был стар, потому что существовал вне возраста и как бы вне времени. Для него не было ни «до», ни «после», одно только «сейчас»; а также не имело особого значения пространство, в котором он, вернее, его разум, перемещался столь стремительно, что оставалось только «здесь». Ибо не существовало щели, в которую он не смог бы проникнуть, когда только пожелает.

Власть его была неизмеримо огромна. Боги и демоны равно повиновались ей, и все стихии — огонь, вода, земля и воздух — тоже; всем этим он играл, забавляясь, подобно злему и при том безумному ребенку. И, опять же подобно таковому, он не мог ничего сотворить — только разрушить, изгадить или отравить то, что было не им создано. О, за тот срок, что он существовал, он сделался подлинным виртуозом по этой части и обзавелся неисчислимым множеством подручных, весьма помогавших ему. Города, цивилизации и континенты превращались в пыль по его воле — которой противостоять не могло ничто, — как любовно возведенный на берегу песочный замок, походя втоптаный в грязь ногой тупого озорника, с гиканьем пробегавшего мимо.

Он любовался собственной непредсказуемостью, этим непременно атрибутом власти; он во-

обще мог подолгу любоваться собой и плодами своих усилий, пребывая в подобии мрачного удовлетворения.

Возможно, он страдал бы, пресытившись своими победами, если бы не знал поражений. Но таковые случались, увы, случались...

И кто же, помилюйте, разочаровывал и приводил в ярость того, в чьей власти было буквально все на земле?! Люди, души которых были его излюбленным обиталищем и самой сладостной добычей. Ничтожные, слабые существа, чья жалкая жизнь длилась не дольше всполоха молнии — ни один из них не покорялся до конца, а если покорялся, то это уже был не человек, его сущность полностью изменялась, делаясь демонической, то есть скучной, понятной и неинтересной. Впрочем, попадались и такие, которые вообще не допускали его внутрь себя или, того хуже, изгоняли.

Его законное место было занято, заполнено чем-то иным, враждебным и сильным. Настолько сильным, что он вынужден был отступать, и ограничиваться уничтожением оболочки, ставшей прибежищем его векового врага.

Правда, в таких случаях он проявлял особую виртуозность, и непокорные покидали его мир в немислимых мучениях. Он уничтожал их — руками верных, тех, которые ему не противились, или использовал стихии.

Очень редко попадались такие, которых просто стереть с лица земли отчего-то не удавалось. Мало того, что они погнали собой — с его

точки зрения — мир, они еще и покидать таковой не желали, оказывая ему не только внутреннее, но и внешнее сопротивление, да еще и бередили души верных, заставляя тех восхищаться собой и на долгие века оставаясь в памяти людей, называвших их героями. Впрочем, как бы редко ни рождались такие, он знал их немало и ненавидел особенно сильно, потому что, как ни странно признавать подобное, он их боялся.

Как, например, проклятого синеглазого мальчишку-киммерийца, всякий раз нарушавшего все его планы и превращавшего благословенную бесформенную грязь жизни в сверкающий ограненный бриллиант.

Ладно бы этот варвар был потомком тех, которые явились из иного мира, коим Блистающий не владел — подобно своему спутнику или ненавистным антархам...

Но Конан — киммериец — не имел никакого отношения к тем, из мира двух зеленых светил. Он был порождением земли по плоти и крови, а казался выкованным из неведомого металла.

Там, куда ступала его нога, вырастала надежда. Не только люди, верные Блистающему, — но даже демоны не могли справиться с ним. Юный варвар безрассудно бросался в бой всякий раз, когда Блистающий был всего в одном шаге от полной победы, — нисколько не щадя своего покрытого шрамами тела, и побеждал, орудуя где мечом, где хитростью — а главным его оружием являлась воля и редкостная способность не поддаваться отчаянию.

Из-за его вмешательства оказалось под угрозой и уничтожение Хаагена. А ведь с этим проклятым клочком земли давно пора было покончить — здесь количество оказывающих внутреннее сопротивление, непокорных, было необычайно велико.

И неудивительно, ведь Ландхааген хранили те, в чьих жилах текла кровь из иного мира, пусть за века и множество сменившихся поколений и разбавленная человеческой, но и того, что осталось, было довольно. Потому что неземная кровь держала в себе знание и память. Это каждого людского детеныша требуется заново обучать всему; он подобен пустому сосуду, в который можно влить все что угодно — среди собак он вырастет собакой, и волчонком станет в волчьей стае. Антархи же были другими. В каждом из них от момента зачатия уже было нечто большее, чем только плоть. Потом вокруг них и цвела земля.

Потому они и были так ненавистны Блистающему, и по той же причине он столь долго возился с ними, не в силах извести этот род. И что же! Когда вполне можно было считать, что с антархами и Хаагеном покончено, является донельзя надоевший ему человек из Киммерии — и путает своим неуместным вмешательством все карты! Мало того, он ведет с собою зеленоглазое отродье мира двух светил, способное, соединившись с антархами, влить в их жилы свежую кровь, наполненную знанием и надеждой! Нужно было не играть с ним так долго, с этим зеленоглазым, а

позволить еще в Туонелле разорвать его на куски. Но Блистающему уж очень нравилось наблюдать за тем, как верные терзают его юную плоть, он наслаждался, растягивая удовольствие. Сдавленные крики и стоны Алеу были для него столь же сладостны, как и лицемерие медленно погибающей деревни антархов на закованных в вечные льды берегах Скарсааны.

Блистающий позволил себе не думать о том, что произойдет, если антархи и этот каким-то образом соединятся. Такого попросту не могло произойти — и не произошло бы, не ввяжись не в свое дело проклятый киммериец!

Ну, что ж... Так тоже вышло неплохо. Теперь, когда они уже почти у цели — эта пара Великих, эти невероятным образом объединившиеся представители двух миров, они попросту пройдут мимо, в двух шагах от цели своих поисков, и прежде, чем издохнуть наконец во льдах Ландхаагена, проклянут час своего зачатия и утратят надежду, а вместе с нею и способность противиться ему, Блистающему, ибо только там, где безраздельно царит отчаяние, наступает его полный триумф. Так всегда было — и так вечно будет.

Обычно Блистающий использовал магический колпак, чтобы помогать скрываться верным. Они творили его волю, умудряясь оставаться никем не замеченными, и отчаянных воплей их жертв люди могли не услышать, проходя буквально на расстоянии вытянутой руки от места трагедии. Естественно, он проделывал подобное не во время великих катастроф в периоды всеобщих раз-

рушений — а когда требовалось провести, так сказать, единичную акцию. Такая мера срабатывала без всяких сбоев.

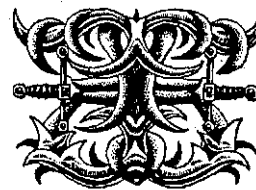
Вор, под покровом ночи забравшийся в мирно спящий дом и вырезавший целую семью, разбуженную его появлением; вероломный раб, вонзающий нож в сердце властителя и господина; безумный насильник, среди дня терзающий свою жертву — совершали свое дело и словно испарялись, не позволяя не то что схватить, но даже увидеть себя. Ювелирная работа!

Сейчас тот же бесчисленное количество раз испытанный прием служил несколько иной цели. Скрыть от проходящих мимо присутствие двоих детей, тщетно призывающих на помощь.

Прекрасно! Ванкрида и Таону убьют не демоны, и не дикие звери, и не яд змеи. Их погубит то же самое отчаяние. Можно будет сделать так, чтобы они прикончили сами себя, таким образом предав саму жизнь. Хорошо! Очень хорошо!.. Достойнейшее, красивое, просто виртуознейшее завершение игры!

Глава восьмая

ни приняли решение идти в Хааген, хотя на сей раз гэтткт ни в какую не соглашался их сопровождать. Переубедить его никак не удавалось. Ну, в конце концов, они до сих пор как-то обходились без его помощи. Алеу рванул на себе ворот рубашки, словно ему не хватало воздуха, — и сердоликовая ящерка как будто сама собой выскользнула на поверхность.

Увидев ее, гэтткт вдруг чрезвычайно разволновался и протянул к амулету руку, словно этот предмет был ему хорошо знаком.

— Она тебе нравится? — улыбнулся юноша. — Да... и силой немалой обладает. Эх, могла бы эта зверушка нам хоть немного помочь!

В ответ на эти слова ящерка чуть заметно шевельнула хвостом. Конана это не удивило. Он, как и Алеу, знал, что она вовсе не то, чем кажется. Этот камень был некоей странной формой жизни, хотя очень редко проявлял себя именно как живой. Вот только всякий раз, внимательно

разглядывая фигурку ящерицы, можно было заметить, как меняется положение ее лапок. Со всем чуть-чуть.

А вот то, что совершенно неожиданно сделал гэтткт, было уж совсем непонятным. Он явно и настойчиво *просил* юношу дать ему амулет.

— Поближе хочешь рассмотреть? На, держи,— Алеу снял ящерку с шеи и вложил в ладонь гэтткта.— Только осторожнее с нею.

Словно полностью пренебрегши предупреждением, гигант бросил фигурку в огонь.

Юноша вскрикнул и готов был тут же выхватить свой талисман из пламени, рискуя обжечь руки,— но такое странное обращение ему ничуть не повредило. Наоборот, именно в центре горящего костра ящерка почувствовала себя как дома. Она полностью развернулась и забегала по кругу, вовсе не собираясь выбираться из огня! Киммериец и Алеу наблюдали за ней как зачарованные.

Ящерка даже не просто бегала, а словно плавала, с явным удовольствием купаясь в пламени, явно оказавшись в своей, наиболее благоприятной для нее стихии. Раскалившийся подвижный камень светился изнутри, а гэтткт, глядя на эту картину, удовлетворенно покачивал головой.

Он-то и прежде находил подобных ящериц — здесь, в горах, хотя и очень редко, и знал, что их выбрасывает откуда-то из-под земли, причем не просто из-под земли, а с очень большой глубины, когда просыпается фонтан огня на вершине самой загадочной и страшной горы, Кениффы,

единственной среди Кезанкийских хребтов. На памяти гэтткта фонтан вырывался всего один раз, и это было поистине жуткое зрелище. Вся земля вокруг дрожала и выгибалась, а из кратера потекла огненная река, погубившая больше живого, чем все снежные лавины вместе взятые за всю его жизнь. Гэтткт тогда спасся чудом, а вот несколько его сородичей оказались менее поворотливыми, в том числе и те, что произвели на свет его самого.

А потом, когда земля снова остыла, он ходил к той горе Кениффе и вот там обнаружил этих созданий — маленьких, живых, но свернувшимся кольцом от холода.

Между тем ящерка ни на секунду не прекращала движения, поглядывая на Конана и Алеу так, словно хотела им что-то сказать. Но если гэтткт все-таки мог издавать хоть какие-то членораздельные звуки, то ей не было дано даже пищать...

Дождавшись, пока костер прогорит, а огненное создание вновь успокоится, свернется в кольцо и застынет, юноша поднял ящерицу и опять повесил к себе на шею. Видно, пока еще не пришло время научиться общаться с фигуркой из сердолика.

...Еще день спутники потратили на то, чтобы спуститься вниз по восточным склонам гор и оказаться в тундре.

Вопреки ожиданиям, пока что больше никакие твари либо стихии им не препятствовали, но друзья покидали горы с тяжелым сердцем, раз-

мышляя о судьбе последних антархов и о том, каким образом и где следует их разыскивать.

— Понимаешь,— сказал Алеу,— я чувствую, что они не просто живы, но где-то совсем рядом. Не могу этого объяснить, однако знаю, что не ошибаюсь.

— Рядом? — усомнился варвар.— Да ты только погляди вокруг! Здесь вообще не живут люди. Разве что волки... Ты мне все-таки объясни вот какую вещь. Зачем тебе понадобилась именно Элрина? Ты на самом деле собираешься сделать ее своей женой?

— Конечно, собираюсь.

— Но почему? Только из благодарности?

— Вовсе нет. Просто Элрина сможет родить от меня детей, а другие женщины, сколько бы я их не встречал, на это не способны. Я ведь устроен не так, как обычные люди. Для того, чтобы мог родиться мой ребенок, я должен обмениваться с женщиной *огнем*, вырывающимся из кончиков пальцев в момент, когда... ну, в общем, ты понимаешь. Так всегда происходит у Всевидящих. А вот Элрина отчего-то способна его вместить: такое встречается крайне редко. Мой огонь для нее не опасен... наверное, потому, что она принимает и мою силу так же хорошо, как и предельную слабость.

Так, беседуя, спутники двигались все дальше, пока не достигли того же самого леса, в котором были заключены Ванкрид и Таона. Алеу внезапно повел себя весьма странно. Он все время останавливался, озираясь, словно потерявшее след

животное. Сердце в груди юноши ныло и рвалось, колотясь о ребра с такой силой, что было готово разорвать грудную клетку. То, что он испытывал, не было предощущением опасности, а скорее походило на тоску долгого ожидания.

Алеу заметался: он то забегал вперед, то возвращался назад, то совершал какие-то непонятные прыжки в разные стороны, точно утратив зрение, втягивал носом воздух, прислушивался...

Но ни пять обычных, каждому человеку присущих чувств, ни шестое, свойственное ему как порождению Всевидящих и мира двух зеленых светил, сейчас не помогали...

— Ну,— не выдержал киммериец,— и долго ты намерен прыгать как белка по всему лесу?

— Это не лес,— отозвался юноша,— то есть не совсем лес. Внутри него есть что-то еще, а я никак не могу уловить, что именно. Вот как дом, который видишь снаружи, а внутри какие-то иные помещения, но через стену-то не видно. Так и здесь. И пространство здесь неправильное. Расстояния не такие, каким кажутся.

— Какие это еще *не такие*?

— Ну, понимаешь... Ты вон то дерево видишь?

— Вижу, конечно.

— Так вот, если до него идти... сколько нужно сделать шагов?

— Около ста, наверное. Да что ты воду мутишь? Шаги какие-то... Говори толком!

— А ты сделай их, эти шаги. Раз это так просто. Немного ведь — всего сто шагов,— задумчиво произнес Алеу.

Варвар решительно направился к указанному дереву, однако здесь и в самом деле происходило что-то непонятное. Потому что он, ясно ощущая, что двигается, тем не менее, ничуть к нему не приближался.

Расстояние отказывалось сокращаться, словно перед Конаном находилась прозрачная и при том упругая стена, сквозь которую было невозможно пройти. Она отталкивала его назад!

— Ну и как? — поинтересовался юноша; он стоял, склонив голову к плечу, и сосредоточенно наблюдал за попытками Конана преодолеть невидимый барьер: теперь движения его друга, мечущегося вдоль *стены*, весьма напоминали его собственные, вызывавшие у варвара такое недоумение.

Киммериец в бешенстве выхватил меч и нанес удар в *пустоту*. Меч рассек воздух, и ничего не изменилось. Препрады как бы вовсе не было, и в то же время она была — идти-то не позволяла!

— Не понимаю,— выдохнул, наконец, он, устав от совершенно бесплодных усилий.

— Вот именно. Я тоже. Но туда нам не попасть.

— А обойти кругом?

— Обойти — сколько угодно. Но толку-то от того... Нам нужно как раз *туда*. Внутрь. За *стену*. А у нас ничего не выходит. И ты прислушайся — с той стороны не доносится никаких звуков. Вообще ничего. Словно там полная тишина,— Алеу поднял камень и бросил вперед; ка-

мень упал на землю, в самом деле, совершенно бесшумно!

— Хорошо. Но если это *стена*, в ней должны быть двери. А если их нет, преодолеть ее можно, забравшись на нее сверху или сделав подкоп,— предположил киммериец.

— Ну, двери, как мне думается, здесь явно не предусмотрены. Забраться, не имея опоры, по воздуху, мы тоже вряд ли сможем. А копать... лет десять, наверное, копать придется, и без всякого результата. Хочешь поглядеть, как оно получится?

Юноша встал на колени и принялся рыть землю прямо руками, как животное передними лапами. Комья земли летели в стороны, но никакого углубления... не возникало! Кончилось тем, что Алеу в изнеможении сел, поджав под себя ноги, и отер пот со лба.

— Видишь? — произнес он почти что с торжеством.

— А почему ты, собственно, решил, что нам непременно нужно проникнуть именно туда? До Хаагена не так уж далеко, *стена* ничуть не мешает идти, куда нам надо. Есть она — ну и Нергал с нею! — со злостью проговорил Конан.

— Да потому... что тот, кто нам препятствует, скрыл от нас нечто чрезвычайно важное как раз за этой проклятой стеной или завесой!

— И с чего ты это взял?! Может, это вообще ловушка — как раз для того, чтобы задержать нас здесь на демоны знают сколь долгое время, а мы, как два полудурка, готовы на это купить-

ся. И как раз теперь, когда до Хаагена рукой подать.

— Ну, не знаю... У меня, признаться, от этого голова кругом идет, — в растерянности произнес юноша. — Хотя, погоди-ка... У меня появилась одна мысль. Вот, смотри. Когда я бросил туда камень, он же пролетел насквозь и упал с другой стороны. Мы этого не слышали, звука не было, — но ведь видели же! И когда ты ударил мечом — то же самое. Меч сквозь *стену* прошел. Может, она только *живое* не пропускает? Или... то, что движется по земле? Если так, это в корне меняет дело.

— Каким образом? Нам что, нужно будет помереть — или взлететь, чтобы там оказаться?

— Допустим, умирать нам пока рановато. Давай лучше попытаемся прыгнуть.

И, не долго думая, Алеу отошел от преграды шагов на двадцать, разбежался и прыгнул вперед, оттолкнувшись ногами. Увы, и на этот раз ничего не вышло. Юноша словно завис в воздухе, а потом упал, больно ударившись копчиком о землю, после чего сидел, ошарашенно мотая головой и хватая ртом воздух.

— Не пускает, — произнес варвар.

— Ага, не пускает, — Алеу совсем по-детски шмыгнул носом — и в этот момент отчетливо услышал знакомый издевательский смешок, точно такой же, какой издал *преследователь*, когда он шел по канату вместо Энара.

Юноша побледнел от гнева и вскочил на ноги. Смешок обжег его, словно пощечина. Какая-то

мразь откровенно глумилась над ними, и это было необыкновенно унижительно.

— Конан, — сказал он, весь дрожа от возбуждения, — давай попробуем иначе.

— А как?

Алеу бросил сквозь стену еще несколько камней — с прежним результатом — и закусил нижнюю губу.

— Ты ведь запросто можешь поднять меня... и швырнуть точно так же. Вдруг получится?

— Да ты спятил! Допустим, ты прав, и на самом деле получится. Но я-то за тобой последовать не смогу — а ты не сможешь вернуться обратно. *Оттуда*, знаешь ли, перебрасывать будет некому.

Преследователь уже не усмехался. Он визгливо и торжествующе хохотал, наслаждаясь предельным замешательством и унижением людей. Четверых — ибо Ванкриду и Таоне он позволил видеть все, что происходит с киммерийцем и Алеу. Они были совсем рядом друг с другом! Если Ванкрид еще был в состоянии сохранять достоинство и молчать, то его подруга рыдала в голос. Девочка отчаянно кричала, звала своих спасителей, но тщетно — они ее не слышали!

— Прекрати! — не выдержал Ванкрид. — Это бесполезно. Они могли просто пройти мимо. А так хотя бы догадываются о нашем с тобой здесь присутствии. И раз так — значит, они что-нибудь непременно придумают. Надо ждать.

Алеу вовсе не был намерен оставить попытки проникнуть за преграду. Тем более, что в какой-

то момент он совершенно отчетливо понял, что именно она скрывает.

— Антархи,— у юноши в изумлении расширились глаза.— Конан, там, за этой стеной, дети антархов!

Крика Таоны он не слышал. Вместо ее призывных воплей внутри него звучал тихий настойчивый голос Ванкрида: «Мы знаем, что вы рядом. Помогите нам!»

— Они понимают, что мы здесь, Конан! Мы не можем уйти, пока не освободим их!

Алеу даже не просто слышал — он все отчетливее видел лица юных антархов, с надеждой обращенные к нему.

В то же время варвар, желая доказать, что идея его друга проникнуть внутрь тем способом, который тот предлагал, неудачна, быстро пригнулся и поймал ошалевшую от неожиданности евражку, рискнувшую подойти к людям слишком близко. Он бросил ее за стену — и животное словно растаяло в воздухе на лету. Живому путь туда был явно заказан; оно, по меньшей мере, в отличие от камня, переставало быть видимым. Лицезрение этого однако вдохновило киммерийца на другую идею.

— Послушай, Всевидящий или кто ты там есть. Нам нужно нечто, которое было бы не живым и не мертвым. Вроде ожившего камня.

— Как это? — юноша не понял — у него и прежде случались моменты, когда он соображал довольно медленно и не сразу входил в суть вопроса. Потом, когда до него, наконец, «доходило»,

он мог действовать очень решительно, только сначала ему нужно было «проснуться». Вот и сейчас он стоял и в полном недоумении и растерянности хлопал длинными ресницами.

— Алеу,— снисходительно, как говорят с детьми или с умственно отсталыми, произнес варвар,— у тебя же есть именно то, что нам необходимо. Ящерица твоя, понимаешь? Камень, способный оживать в огне.

— Точно! — ахнул парень, изумляясь теперь, как он сам не додумался до подобного.— Конечно же, она бы могла перебраться внутрь. Но,— тут он опять помрачнел,— без огня она бегать не может.

— А позвать антархов, чтобы они подошли как можно ближе к стене со своей стороны, ты способен? Они тебя слышат?

— И они меня, и я — их,— подтвердил Алеу.

— Так позови их! Давай, давай! Да очнись ты наконец! Смотри: мы разведем костер здесь, со своей стороны, и сделаем ящерицу живой. А им следует разжечь огонь там, у себя, но очень близко к преграде, и так, чтобы трава и мох горели вплоть до самой стены...

Киммериец еще с полминуты объяснял спутнику суть своей затеи, и, наконец, растерянной лицо юноши прояснилось. Он кивнул.

— Да, нужно попробовать!

...Ванкрид и Таона, откликнувшись на зов Алеу, стояли на расстоянии чуть дальше вытянутой руки от своих спасителей, но по-прежнему оставались не видимыми для них. Сообразно

ожиданиям, в жарко пылающем пламени костра ящерица вновь ожила. Дождавшись, пока по ту сторону преграды тоже вспыхнет огонь, зажженный незримой рукой, и низкая трава превратится в узкую горящую дорожку, Конан сделал знак юноше:

— Ну же, не тяни! Она же тебе подчиняется...

Парень, обжигая пальцы, выхватил ящерицу из костра и бросил ее сквозь стену:

— Выручай, зверушка!

Докрасна раскаленный живой камень, извиваясь в воздухе, оказался на огненной дорожке со стороны Ванкрида и Таоны, причем пробив ощутимую брешь в проклятом куполе — настолько, что теперь антархов было прекрасно видно и варвару. Ящерица подбежала к ним вплотную.

— Назад, ко мне! — крикнул ей Алеу. — Прыгай! А вы — за ней!

Ящерица развернулась, повинувшись его голосу, и в самом деле прыгнула вперед, еще более нарушив целостность купола, и, покуда проход не затянулся, за ней последовали Ванкрид и Таона. Спустя мгновение оба они стояли перед киммерийцем и Алеу, еще не смея поверить, что это не сон. Юноша бросился на колени, обнимая детей и смеясь от счастья.

— Ночь кончилась, — сказал Ванкрид, когда вообще смог говорить.

Потом юный антарх подошел к киммерийцу, восхищенно, с глубочайшим уважением и признательностью глядя на него, человека, возвратившего Хаагену маттенсаи... и саму жизнь.

Таона в это время, держа в своей маленькой руке ладонь Алеу, что-то быстро шептала, колдуя над его обожженными — в очередной раз — пальцами.

И это подействовало — боль быстро прошла, словно ее и не было, а дочь антархов, наконец, улыбнулась, впервые за очень долгое время.

— Ну вот, правда, так лучше?..

Но это был еще не конец пути. Юный воин-антарх, Ванкрид, худое, почти прозрачное лицо которого светилось счастьем и торжеством, спросил Конана:

— Ты ведь пойдешь с нами в Ландхааген? Ты окажешь нам такую великую честь, ступив на нашу землю?

Киммериец кивнул, соглашаясь, и протянул мальчику ветвь маттенсаи.

Путь, который занял у Ванкрида и Таоны много дней, вчетвером они прошли втрое быстрее. Непосредственная близость вечно зеленой ветви маттенсаи, которую дети несли поочередно, не выпуская из рук, стремительно возвращала юным антархам силы, заставляя кровь быстрее бежать по жилам, а сознание того, что теперь они не одни, наполняло сердца надеждой. Огромный черноволосый варвар до такой степени восхищал Ванкрида, что тот готов был не отходить от Конана ни на шаг и разве что шею себе не сворачивал, стараясь заглянуть ему в лицо.

— Хотел бы я, когда вырасту, быть похожим на тебя, — признался он как-то. — Я никогда тебя не забуду!

Таона же предпочитала общество Алеу, который, чувствуя, когда девочка устает идти, запросто брал ее на руки и нес, а она благодарно обхватывала его шею руками, опускала голову ему на плечо и закрывала глаза.

— Ты ведь всегда будешь с нами? Ты не бросишь нас, правда? — время от времени спрашивала Таона.

— Я для того и пришел, чтобы остаться в Ландхаагене. Мой дом теперь — там, где вы.

— Мы ждали так долго! Мы бы давно умерли, если бы не знали, что вы обязательно разыщете нас... Но, Алеу, этого мало...

— Мало чего? — не понял их слов юноша. — Быть вместе?

— О, да. Белый дворец... понимаешь *наш* Белый дворец, что выстроен возле храма Эрлика, стал гнездом какого-то зла. Когда я думаю об этом, мне становится страшно.

То же самое говорил и Ванкрид, да и сам Алеу чувствовал, что дети совершенно правы.

Чем ближе они подходили к границам Ландхаагена, тем ощутимее становилось присутствие темной силы, так долго препятствовавшей им и не только не собиравшейся сдавать своих позиций, но сделавшейся еще более грозной и устрашающей, нежели до сих пор.

Ни туман Кезанкийских гор, ни чары Паука не могли с этим сравниться, ибо если прежде все чудовища, в любом образе встречавшиеся им на пути, были только посланцами, слугами этой ужасающей силы, то теперь в бой вступала она

сама. Без посредников. И намерена была отыгаться за все прошлые поражения.

— Это несправедливо, — решительно и мрачно произнес Ванкрид. — Никто не смеет вставать между нами и Хаагеном.

— Блистающему плевать на справедливость, — отозвался юноша, — Теперь он ни перед чем и ни перед кем не остановится и сделает все, чтобы нас уничтожить.

Конан посмотрел на него с интересом. Блистающий? Это имя называл Шин-дже-шедд. Значит, Алеу оно тоже известно?

— Да, — подтвердил парень, словно прочитав его мысли. — Он с самого рождения преследует меня. Это он превратил мать мою Линн в нечто похуже дикого зверя, ожесточив ее сердце, ведь даже волчица не обнажает клыки против собственного детеныша. И сестры мои тоже перестали быть людьми. Блистающий ненавидит саму жизнь и питается страданиями людей, стараясь преумножить таковые. Но теперь я знаю его! И больше не боюсь.

Лицо Алеу, осунувшееся, с пылающими глазами, выражало отчаянную решимость.

— В мире двух зеленых светил он не смог захватить господства, а в мире людей почти всегда торжествует, как полновластный правитель, и, не задумываясь, губит тех, кто смеет ему противостоять, — продолжал юноша. — Поэтом *лучшие* зачастую гибнут рано, он попросту выбивает их одного за другим, будь то воин, дитя или женщина. Или прекрасная, цветущая земля, на которой

вечный мир. Маленький Хааген с его удивительным народом...

— Так Блистающий преследует и меня тоже? — спросил варвар.

— Разумеется. Тебя-то в первую очередь.

— Но его можно убить?

— Он полагает, что смертным это не под силу. Но Блистающий ошибается. Мы тысячу раз убивали его в нас самих!

— Смотрите, — сказал вдруг Банкрид, останавливаясь и склоняясь в глубоком поклоне.

Прямо перед ними возникла призрачная фигура, движущаяся им навстречу, и, к изумлению своему, киммериец узнал Аватара.

Только на сей раз меруанский маг выглядел совсем иначе, чем прежде. Тогда, в Немедии, он явился как странник в нищенском одеянии, босиком, лицо его было обветренным и темным от загара — сейчас же словно светился изнутри и казался подобным молодому войну. Только глаза могущественного чародея оставались прежними и лучились бесконечным пониманием, и любовью, и той самой мудростью, так поразившей тогда Конана.

— Шин-дже-шеда! — воскликнул варвар. — А я полагал, что ты погиб...

— Меня много раз полагали погибшим, — улыбаясь, возразил Аватар, — и такое станет повторяться и впредь, но никогда не будет до конца верным. Я всегда рядом с теми, кто не желает покориться моему врагу. Сейчас, когда вам предстоит последняя битва за Хааген, знайте: я не ос-

тавлю вас. Я не могу сделать вас неуязвимыми, ибо вы смертны. Но помните: главное оружие — не то, что в руках, а то, что внутри вас самих. Не поддавайтесь ни страху, ни отчаянию, потому что Блистающий сам боится вас в тысячу раз больше, чем вы его. Идите в Белый дворец. Я надеюсь на ваше мужество... и вашу любовь, ибо она — то, над чем Блистающий не властен. Сейчас не время для слабости и сомнений.

— Я тоже могу принять участие в битве? — спросил, чуть выступив вперед, юный антарх.

— Ты давно уже участвуешь в ней, дитя. Возраст в таких делах не имеет значения.

— И я тоже?.. — подала голос Таона.

— Каждый антарх рожден воином, — тихо промолвил Аватар, глядя на девочку. — Но женщины вступают в бой лишь тогда, когда мужчины сделали все, что могли. Помни об этом.

— Как Мангельда...

— Да. Не спеши, Таона. Всему свой черед.

Шин-дже-шеда благословил четверых спутников — и исчез столь же внезапно, как появился. В беседе с ним не участвовал только Алеу. Но ему и не нужны были ни слова, ни вопросы. Он все понял, когда Аватара просто посмотрел ему в глаза.

Хааген встретил их прежним ледяным безмолвием. Да, здесь не было жизни, и даже намек на жизнь. Только невыносимый холод и полусумрак дней, сменяющийся непроглядной темнотой ночи. Но взор Банкрида и Таоны примечал то, что было незаметно для остальных их спутников —

снег еще не таял, однако был в некоторых местах словно пронзен солнечными лучами, и льды, сковавшие Скарсаану, стали тоньше — сквозь них видны были темные струящиеся потоки, готовые вырваться на свободу...

Белый дворец, резиденция множества поколений сменявших друг друга правителей Хаагена, был на четверть занесен снегом. Внутри же него теперь жил совсем иной правитель.

Сам Блистающий обосновался в прекраснейших залах, равным которым не было во всей Хайбории, ибо дворец этот, в незапамятные времена возведенный великими мастерами, чьи имена, увы, не сохранились, создавался с такой любовью, как никакое иное строение. Размеры его были не так уж велики, но Белый дворец, устремленный ввысь, словно летел над холмами Хаагена, не на земле стоял, а как бы парил в воздухе... Так было. Вот только теперь, когда в нем царствовала сама смерть, где билось прежде живое сердце мира, оскорбленными подобным надругательством стены Белого дворца начали сами собой разрушаться.

Дворец умирал, не желая служить вместилищем зла и гибели, и уходил — по-прежнему гордый и прекрасный, словно смертельно раненый воин, до самого конца отравляющий собственной стойкостью торжество своего убийцы.

Ярость Блистающего по поводу появления киммерийца, Алеу и обоих антархов была неопишима. Ну, что ж. Важны не сами обстоятельства, а отношение к таковым.

Игра продолжается. Блистающий не стал даже препятствовать тому, чтобы спутники без помех проникли в Белый дворец.

Пусть напоследок увидят красоту этого здания... в котором всем им предстоит окончить свои дни. Он — не Гринсвельд и не Паук. Тех можно было убить... либо навсегда закрыть путь к возвращению в мир живых. Блистающему не суждено было погибнуть от руки смертного, так что опасаться было нечего. И все же... страх возник. Невыносимый, отвратительный, унижительный страх.

Эти четверо шли, гордо подняв головы, и в глазах их пылал огонь веры и любви, словно каждый из них был сейчас Аватаром.

Огромный, с гривой развевающихся черных волос варвар, под ногами которого, казалось, гудел и накалялся при каждом шаге белый мрамор полов; невысокий гибкий Алеу с упрямо сжатыми губами и решительным, исподлобья, взглядом чуть прищуренных малахитовых глаз; Ванкрид, мальчик-воин со стиснутыми кулаками — и девочка Таона, такая тоненькая и хрупкая, но тоже готовая сейчас на все...

Вот они вступили в центральную часть дворца. Чем дальше они шли, тем яснее становилось, что это не просто люди. Белый дворец приветствовал их. Глубокие, от пола до потолка трещины на его стенах затягивались и исчезали сами собой за спинами этой четверки, и снег, груды которого были наметены ветрами, свободно врывавшимися сквозь разбитые окна и гулявшими,

как полновластные хозяева, по залам, таял, словно растопленный жаром их сердец.

Огромный сияющий зал открылся перед ними, словно дверь в небо. Вместо потолка над ним был голубой купол, создававший непередаваемое ощущение высоты; никакого вычурного убранства, ничего лишнего, не было даже обычных живописных орнаментов по стенам. Три цвета — белый, золотой и обжигающе яркий синий придавали этому грандиозному помещению торжественное величие.

— Боги,— воскликнул Алеу,— один только раз увидеть подобное чудо — после этого не страшно и умереть.

— Значит, тебе повезло,— оглушающий голос взорвал тишину Белого дворца.— Ты умрешь после того, как увидел. А страшно тебе будет или нет, сейчас сможешь узнать доподлинно.

Ноги юноши словно выросли в белый мрамор пола.

— Конан,— произнес он,— Аватара велел нам явиться сюда для битвы.

— Значит, будем биться,— киммериец выхватил из ножен меч.

Стены Белого дворца содрогнулись, когда перед спутниками возникло не менее десятка существ, рядом с которыми нетопыри Гандерланда и человеко-птицы показались бы невинными младенцами. Эти были просто апофеозом мерзости и отталкивающего уродства, с челюстями и глазами гигантских насекомых, длинными тонкими конечностями и телами, жутким образом на-

поминающими человеческие. Причем облик тварей не был одним и тем же — он постоянно менялся. У них то отрастало нечто вроде хоботов, то вдруг оно же превращалось в змеинные раздвоенные языки; конечности меняли длину как хотели, то становясь лапами, то ножками, то руками с присосками на пальцах. При одном взгляде на это — не только что при прикосновении! — можно было сойти с ума. Отвращение оказывалось даже сильнее страха.

Как ни странно, Алеу думал в этот миг не о себе, не о Конане и даже не об антархах.

Эта мразь оскорбляла собою красоту Белого дворца. И того самого прекрасного зала, куда посмели сползти эти мерзкие монстры. Во что бы то ни стало убрать их отсюда, смыть с мрамора хоть потоками собственной крови...

Этого Блещающий не учел. Восхищение красотой и гармонией ему было недоступно. И того, что при виде поруганной красоты, безмолвной музыки камня и цвета, превращенной в мерзкую какофонию, можно выйти из себя,— он бы никогда не понял.

Сын Всевидящих защищал Белый дворец Ландаагена, в котором не могло быть места уродству! Ярость клочотала в юноше. Варвар же испытывал несколько иные ощущения. Для него в представшей взору мерзости сконцентрировалось все зло мира. Если он сейчас не победит — получится, что Мангельда погибла зря. И шемит Иава... И льды Скарсааны никогда не растают! Киммериец напал первыцм, с грозным кличем

бросившись в самую гущу мерзопакостных тварей. Меч его мелькал с невиданной скоростью, Конан не замечал ничего вокруг, не чувствовал боли от укусов и ударов, которые они ему наносили. Рядом, плечом к плечу, сражались Алеу и юный антарх. Любую тварь, над которой им удавалось взять верх, они готовы были разорвать на куски, и юноша только время от времени встряхивал головой, смахивая заливающие глаза пот и кровь.

Не сразу до отважных воителей дошло, что тварей таким способом не одолеть. Разрубленные либо оторванные друг от друга части тел чудовищ сползались и срастались вновь либо же обращались в новые самостоятельные существа, тут же бросающиеся в бой. Теперь они напозлали со всех сторон! Алеу первым понял, что происходит. Отвратительные гады даже не особенно спешили. Они выжидали, пока у него, киммерийца и Ванкрида кончатся силы в бесконечных атаках, а сами не столько нападали, сколько отбивались. Да и куда им было торопиться?! Рано или поздно дерзкие рухнут под грузом усталости на пол, и тогда... Тогда Белый дворец навсегда превратится в их гробницу. Ну уж нет! Юноша отступил, стараясь только удерживать тварей на расстоянии, и оказался в самом центре зала, под синим куполом. «Сделай это,— прошептал голос Аватары,— ты можешь!»

— Но что?!

Алеу спрашивал — а сам был так близок к тому, чтобы *понять*, понять и сделать то един-

ственное, на что в самом деле уже почти ощущал себя свободным.

Но тут произошло нечто катастрофическое. Ибо твердая почва ушла из-под юноши, и, к безмерному своему ужасу, он ощутил, что находится в воде. Не ограниченный стенами зал, а бескрайние бушующие воды океана, глубокие, темные, не имеющие ни берегов, ни дна окружили его. То, чего Алеу боялся больше всего на свете!

И оттуда, из страшной глубины, поднимались скользкие, черные туши все тех же монстров, перед которыми он теперь был совершенно беззащитен.

Юноша бился в воде, чувствуя, что тонет, захлебывается хлынувшими в нос и рот потоками, и тогда он на пределе сил воззвал о помощи — кого угодно: Конана, Оттфрида, Шин-аже-шеда... но никто не откликнулся на этот отчаянный зов. Он остался один на один с собственным ужасом.

Алеу не хватало воздуха, океан торжествующе накатывал на него одну гигантскую волну за другой, стремясь поглотить юношу, и он все кричал и кричал, не узнавая и не слыша собственного голоса, беспорядочно извиваясь и совершенно без толку колотя по воде руками и ногами, однако погружаясь все глубже навстречу грозно раскрытым пастьм чудовищ.

В последней отчаянной мольбе о помощи, обращенной неизвестно уже к кому, на мгновение вновь будучи вытолкнутым очередным валом на поверхность, Алеу поднял голову... Над ним было не небо. То есть синева выглядела совершенно

натурально, но облака не плыли по ней, а словно замерли на месте, что при таком ветре было совершенно невозможно.

Купол, понял он. Все тот же купол центрального парадного зала Белого дворца. Значит, никакого океана *нет!* Это собственный неодолимый страх топит его в себе, разрывает сердце, тянет на дно полного безумия. Труднее всего преодолеть самого себя...

Алеу справился с очередной волной, и ему показалось, что на фоне нарисованного неба он видит силуэт женщины с белыми крыльями за спиной... Ро-А, вспомнил юноша; если даже мимолетно вспыхнувшее теплое чувство могло даровать прекрасный человеческий облик такому уродливому созданию — неужели же сила любви и долга не окажется способной победить страх?!

Нож, судорожно сжатый в руке юноши, вонзился в скользкую спину очередной гадины, уже приготовившейся сожрать его живьем. Он снова дрался — а начав делать это, почувствовал, что ему, в сущности, все равно, где бы ни происходила битва. В воде или на суше боец оставался бойцом, а герой — героем.

Призрачный океан исчез, словно никогда и не существовал. Алеу вновь стоял на твердом полу! И вновь ясно видел Конана и Ванкрида, продолжавших битву — но оба его друга уже едва держались на ногах. Почуввав это, твари изготовились облепить варвара и антарха.

— Не-ет! — отчаянно крикнул Алеу. — Не их! Идите ко мне... *идите!*

Словно повинуюсь приказу, ибо голос юноши звучал с невиданной властью, гады повернулись к нему...

Алеу собрал в один кулак всю внутреннюю мощь, которой одарили его два мира, слитые в нем воедино, и вытянул вперед руки. Из его глаз и кончиков пальцев вырвался поток огня. Того же самого, который был дарован ему, чтобы давать новую жизнь, но тысячекратно усиленного и направленного на защиту самого смысла бытия. Кишащая груда насекомоподобных монстров разом вспыхнула, источая невообразимо едкий смрад. Черный дым наполнил собою прекрасный зал... и наступила тьма.

...Первым, что он снова увидел, когда очнулся, было лицо Конана. Варвар сидел, поддерживая голову юноши и вытирая с его лба смешанную с копотью кровь. Алеу сделал глубокий вдох и попытался сесть.

— Где... где они?! Монстры...

— Монстры! На себя посмотри. Сам страшнее любого монстра... Подняться-то можешь?

Алеу помотал головой.

— Не-а. Да и незачем...

Улыбаясь сквозь слезы, над ним склонилась Таона.

— Мы думали, ты...

— Не выйдет, — покачал головой юноша. — Я умирать не собираюсь. Рано еще. Я же обещал остаться с вами. А где Ванкрид?

Словно в ответ на его слова, юный антарх вбежал в парадный зал Белого дворца.

— Скарсаана!..

Все трое повернулись к нему.

— На Скарсаане тронулись льды. Река сбросила их с себя! Я видел! Это так прекрасно...

— Что мне река? — изо всех сил стараясь казаться безразличным, проворчал Алеу. — Плавать-то я все равно не умею...

СВЯТИЛИЩЕ ПИКТОВ

Резкий крик птицы и хлопанье крыльев заставили человека, быстро идущего по лесной тропе, в мгновение ока исчезнуть за толстым стволом ближайшего клена.

Птица так и осталась невидимой в густой зелени — только качнулись ветки. И снова в лесу воцарилась тишина — душная, тяжелая и полная угрозы.

Человек осторожно выглянул из-за дерева. Настоящий великан — около семи футов роста, — он двигался с грацией тигра. Его костюм был обычен для жителей пограничья: мягкие высокие сапоги, короткие штаны, сшитые, правда, не из кожи, как у большинства поселенцев к западу от Боссона, а из шелка, кожаная куртка-безрукавка, стянутая широким поясом, за которым торчал короткий топор.

Кроме топора человек был вооружен большим двуручным мечом. Один вид этого грозного оружия говорил о том, что его хозяин не земледelec

и не охотник. Таким мечом мог владеть только опытный воин.

«Клянусь Кромом! Неспроста эта пичуга раскричалась! Ведь не я же ее спугнул... И никто из пиктов не сделает такой глупости, разве что спяну. А кто здесь еще может быть?»

Мысль о том, что птица могла кричать просто так, без причины, не пришла ему в голову. В пиктских дебрях ничего просто так не случалось. Кто так считал, тот очень скоро отправлялся к престолу Митры.

Человек бесшумно скользнул в заросли. Несмотря на погожий солнечный день, в лесу царил полумрак. Лучи солнца почти не проникали под густую зеленую завесу, отделявшую царство света, простора и свежего ветра от душного царства зловещих теней, лежащего под кронами деревьев. Человек словно сам превратился в тень: он будто скользил над землей, быстро, но в то же время осторожно пробираясь к подозрительному месту. Движение его не замедляли ни сплетения лиан, ни колючий кустарник. Обнаженный меч тускло мерцал в зеленоватом сумраке.

«Где-то здесь...»

Великан замедлил шаг и пригнулся, словно хищник перед прыжком, готовый к немедленно-му отпору.

И тут до его слуха донесся слабый стон. Человек с мечом на мгновение замер, обводя взглядом стволы деревьев и кусты, прислушиваясь и приносясь, затем медленно двинулся в направлении звука.

Почти обнаженное, покрытое коркой грязи и засохшей крови тело лежало за полусгнившим замшелым бревном. Мутные, полные муки и тоски глаза загорелись, увидев иссеченное шрамами лицо и гриву черных волос.

— Конан...

— Троттен, старина! — Конан наклонился над раненым. — Чего это ты тут разлегся?

Троттен был одним из лучших следопытов в приграничье, уступая в умении и опыте лишь самому Конану: никто из цивилизованных людей, даже родившихся и выросших под сенью Пиктской пуши, не мог на равных тягаться с могучим варваром из Киммерии.

— А мы уж думали, твой череп давным-давно скалится на шесте в какой-нибудь пиктской деревушке, — продолжал киммериец, заботливо приподнимая Троттена и прислоняя его к стволу дерева. — На-ка, глотни!

Следопыт с жадностью принял к горлышку флаги, долго пил, наконец обессиленно опустил голову.

— Уф, полегчало... Как ты здесь оказался?

— Занимаюсь обычным делом, — пожал плечами Конан. — Пикты в последнее время совсем обнаглели — шныряют среди бела дня под самыми стенами Велитриума. Такое нахальство не по нутру ни жителям города, ни его правителю. В конце концов этот жирный индюк вспомнил обо мне — и вот я здесь, собираюсь лишний раз доказать, что не зря получаю жалованье. Если повезет, то притащу в Велитриум какое-нибудь пуга-

ло в перьях, там из него сумеют выжать все. Ну а не получится — разнюхаю все сам, пока не ослеп, хвала Крому! Но со всеми этими делами придется денек подождать. Сначала надо тебя отправить за Громовую реку.

Троттен слабо покачал головой:

— Тебе надо спешить... Дело слишком серьезное. А я... я уже не жилец, Конан. Четыре дня назад получил стрелу в правую ходулю...

Конан присмотрелся и вздохнул. Глаза сказали ему то, о чем давно говорило обоняние: нога Троттена почернела и распухла. В воздухе стоял тяжелый запах гниющей плоти.

— Во мне уже не кровь, а дерьмо,— тяжело дыша, пробормотал следопыт.— Ты мне можешь помочь только своим мечом. Понимаешь?

Конан медленно кивнул.

— Я надеялся до последнего, хотя еще вчера все было ясно. А когда стал перелезать через это проклятое бревно, то от боли потерял сознание и грохнулся с нее, как пьяная шлюха с порога борделя.

— И спугнул птицу,— пробормотал Конан.

— Когда очнулся, ясно понял, что слишком долго жил на этом свете. Дальше мне ползти незачем. Так что...

Конан вздохнул. В суровой жизни, которую он вел с детских лет, не было места жалости, но подобные просьбы не вызывали у него восторга. Тем не менее неписанный кодекс чести варвара вынуждал его выполнить эту работу. Конан кивнул и поднял меч.

— погоди! Пока все тихо, я расскажу о том, что со мной произошло. Клянусь преисподней, тебе стоит меня послушать!

Конан, нахмурившись, бросил взгляд по сторонам. В лесу царила тишина.

— Говори, друг.

— Правитель беспокоится не напрасно. Пикты готовят набег, по сравнению с которым резня в Конаджохаре полгода назад — детская забава. Велитриум эти дьяволы могут сожрать на завтрак, а где они будут ужинать...

— Зубы поломают! — ощерился киммериец.

— Я знаю, о чем говорю. Не знаю только, когда... и где. Они ведь могут и обойти Велитриум, пройти южнее, через Тандару... или севернее, там даже удобнее. Во имя Митры, Конан, запомни мои слова: все пограничье, весь Боссон содрогнутся — и скоро!

Троттен замолчал и провел языком по пересохшим губам. Киммериец вновь поднес к его рту свою флягу. Отпив несколько глотков и переведя дух, следопыт продолжал:

— Ты знаешь, я ушел на разведку около двух месяцев назад, вместе с Лотто и Ривьером. Мы прошли всю Конаджохару, нигде не встретив даже следа пиктов. Вышли к Черной реке, севернее форта Тускулан, почти у самых болот. Там нас и сцапали, как будто знали, что мы идем именно туда, устроили засаду по всем правилам. Ривьеру повезло больше, чем нам с Лотто, он успел прикончить двух размалеванных псов, а потом свалился с раскрытым черепом. Меня с Лотто взя-

ли в плен — мы успели только схватиться за оружие, но пустить в ход не сумели.

— Скорее всего вас заметили давно и вели до самой реки,— буркнул Конан.— А сразу не напали потому, что хотели убедиться, не идет ли следом более сильный отряд. Пикты обычно используют этот прием, если их не слишком много и они не уверены в своей победе.

— Связанных, как баранов, нас переправили через Черную. Очухались мы уже на западном берегу, в деревне Ггавель... ты ее знаешь...

Конан кивнул: конечно, он ее знал. Землю Конаджохары — девятнадцать лиг с востока на запад и девятнадцать с севера на юг — он исходил вдоль и поперек, часто бывал и за Черной рекой, углубляясь в пиктские дебри так далеко, как не отваживались и храбрейшие из следопытов. Сейчас в Конаджохаре безраздельно хозяйничали пикты. Полгода назад колдун клана Ворона Зогаг Саг, родом из этой самой Ггавели, сумел объединить около десятка племен, и раскрашенная орда, взяв приступом форт Тускулан, хлынула на восток. Только неожиданная смерть Зогаг Сага спасла Велитриум от незавидной участи сожженных конаджохарских деревень: потеряв предводителя, пикты сражались уже не столь яростно.

С тех пор граница проходила по Громовой реке, а Конаджохара стала камнем преткновения для нескольких пиктских кланов, которые никак не могли решить, кому из них владеть этой землей. Но какая разница аквилонцу, пикт какого клана разможжит ему голову медным топором?! Любой

дикарь был непримиримым и вечным врагом любого хайборийца.

Конан, предки которого на протяжении тысяч лет сражались с предками нынешних пиктов, был еще более непримиримым врагом лесных дикарей. За годы странствий по цивилизованным странам он не утратил звериного чутья на опасность, не раз спасавшего ему жизнь. Сейчас его инстинкт молчал.

Вряд ли поблизости находятся враги, но, слушая Троттена, киммериец все равно держал ухо востро. Расплатой за беспечность всегда была жизнь, а Конан, в отличие от Троттена, не считал, что чересчур зажился на этой земле.

Следопыт тем временем продолжал говорить. Он был совсем плох, каждое слово Троттен будто выталкивал из себя, часто останавливался, чтобы перевести дух, иногда его речь становилась совсем тихой и неразборчивой, и тогда Конан склонялся к самым губам умиряющего.

— В Ггавели нас бросили на площади, перед шалашом колдуна. Веревки, разумеется, не развязали. Мы были уверены, что нам не дожить до заката... Ты знаешь, как пикты истязают пленных. Сознаюсь, мысль о предстоящих пытках сверлила мне мозг. Я боялся, что не смогу их выдержать, буду орать и извиваться на потеху этим ублюдкам. Судя по лицу Лотто, его обуревали те же сомнения.

«Выдержишь?» — спросил он меня одними губами.

«Постараюсь», — прохрипел я, сплевывая кровь

Удар по ребрам заставил меня прикусить язык.

Между тем пикты даром времени не теряли: нас быстро привязали к двум столбам на площади, развели большой костер...

Перед шалашом колдуна собралась огромная толпа, наверное, все обитатели деревни. Однако сам колдун не появлялся. Я напряг мышцы, когда нас привязывали, но пикты знали свое дело. Я с ужасом понял, что очень скоро мы с Лотто запоем на два голоса — ясно, что пыток не избежать. Тут и колдун появился, не из шалаша — из леса. Толпа внезапно раздалась в стороны, и мы увидели, что в распахнутые ворота входит он. И важной походкой, что твой король, направляется к нам.

Ты ведь видел Зогар Сага? Тот старый пень был кровожадным чудовищем, но он был пиктом!

Голубые глаза Конана сверкнули, рука непроизвольно стиснула рукоять меча.

— Ты хочешь сказать...

— Да! Новый колдун клана Ворона — белый!

Конан прищурился, размышляя.

Строго говоря, пикты тоже принадлежали к белой расе, но скажи об этом любому пограничному жителю, и останешься без нескольких зубов или получишь синяк под глазом, это уж как повезет. Низкорослые мускулистые дикари были очень смуглыми и внешне никак не походили на хайборийцев.

Точно так же и пикты не переносили любого не пикта. И уж совсем невероятным казалось, что белый смог получить в клане верховную власть.

— Говорю тебе.— Троттен сжал руку Конана.— Он белый, но не аквилонец. Скорее, он похож на тебя — очень высокий, черноволосый...

«Киммериец? Но это уже сущий бред».

— Видел бы ты, как пикты дрожали перед ним! Старый Зогар даже мечтать не мог о таком величии. На голове у него были перья — обычное украшение колдуна, но волосы схвачены золотым обручем с огромным рубином. Даже в столь жалком положении я не мог не восхититься игрой света на гранях камня. Это нечто невиданное!

Колдун был обнажен до пояса, и грудь его была разрисована — ну, как всегда у пиктов. Только там, где сердце, я заметил татуировку — иглу, вроде наконечника копья...

— Наконечника копья, говоришь? — переспросил Конан. Лицо варвара окаменело — воспоминания прошлого стремительно пронесли в голове: таинственный Талисман Света, черный колдун Нэг, полчища мертвецов-зомби и еще девушка... как ее звали? Кажется, Эшали. Ее киммериец припомнил с удовольствием: лицо его смягчилось и загадочная улыбка заиграла на губах.

— Что с тобой, Конан, тебя что-то встревожило?

— Нет-нет, продолжай, друг,— отмахнулся северянин от воспоминаний.

— И вот, этот парень, остановившись в трех шагах, долго глазел на нас и о чем-то думал. Глаза его были черны, как кожа кушита! Просто дырки в черепе, из которых на меня глянула ночь! Я даже почувствовал холод, меня всего зат-

рясло, и я ничего не мог поделать с этой проклятой трясучкой: дрожал так, что зубы стучали не хуже пиктских барабанов. Тут впервые я подумал, что нас ждет кое-что хуже пыток и смерти.

А колдун, повернувшись к молчавшим пиктам, только бросил:

— Не сегодня и не здесь.

И — ни звука! Пикты послушно стали расходиться. А ведь лишить их любимого зрелища — это все равно что отнять кость у голодного пса. А тут не то что не взвыли, никто даже не пикнул. Колдун скрылся в своем шалаше, а нас отвязали и бросили в какой-то сарай до утра. Утром они за нами явились размазеванные, что шлюхи в Велитриуме. Без колдуна пришли, приказали идти вместе с ними.

Шли мы на запад — солнце все время за спиной оставалось, долго шли, то болотом, то лесом. Не знаю, куда они нас тащили, только чем дальше в лес, тем на душе у меня тревожнее становилось. Что-то скверное есть в тех болотах, я бы туда по собственной воле ни за что не пошел. Холодом от них веет могильным... Ты меня знаешь, Конан, я никогда трусом не был, но тут и меня проняло, да и сами дикари, вижу, трясутся, словно хвосты заячьи, и все молчком топают.

«Ну, — думаю, — не иначе в гости к колдуну направляемся».

Я как встречу с ним представил, как глаза его вспомнил, у меня сердце заколотилось.

И тут случай этот представился, и, уж поверь, я его не упустил. Прыгнул в воду головой вниз —

лучше утонуть, чем сдохнуть от пыток. Обратную дорогу я хорошо запомнил. Удивительно, эти демоны даже не гнались...

Конан стремительно наклонился к другу, зажимая ему рот ладонью. Прислушался — не показалось ли?

Нет — вот опять зашуршало. Киммериец взглянул на Троттена — следопыт глазами дал понять, что тоже услышал. Конан осторожно выглянул из-за бревна, долго и пристально всматривался в густую зелень.

Шагах в пятидесяти веточка слегка шелохнулась — словно от дуновения ветерка.

«Да только ветер сейчас не с той стороны. Слишком близко дикари подобрались, — посетовал про себя Конан. — Сколько их, двое? Да нет, пожалуй, трое... Кром, один прямо сюда ползет! Ну что ж — встретим!»

Киммериец отдал Троттену свой топор, знаками показал, что врагов всего трое и где находится каждый из них. Следопыт кивнул в ответ, мол, понятно.

Словно змея, Конан бесшумно скользнул в заросли ежевики.

Пикты были совсем рядом. Сейчас прижавшемуся ухом к земле киммерийцу казалось, что лес содрогается от их тяжелой поступи.

Не каждый осмелился бы устроить в конаджохарских лесах засаду на пиктов — эти бестии чуяли любую опасность за лигу и нередко ничего не подозревающий охотник сам превращался в дичь.

Конан тоже не любил засад, но совсем по другим причинам. Для северянина существовал только один достойный способ боя — когда ты лицом к лицу с противником, глаза в глаза, клинок против клинка. Стрельба из-за кустов и удары в спину не для него. Он и сейчас не собирался изменять этим правилам, готовясь выйти навстречу врагам.

Но в этот раз что-то сразу не заладилось, и, когда Конан понял, в чем дело, было уже слишком поздно. Пиктов оказалось больше — двое против него, двое против Троттена.

С криком, в котором смешалась ярость и досада, Конан бросился на врагов. Пикты, не ожидавшие нападения, на мгновение застыли, и этого вполне хватило киммерийцу.

Сверкнуло лезвие двуручного меча, и оба воина рухнули на землю, скошенные одним, страшной силы ударом.

Теперь успеть помочь другу. Через валежник, через колючие кусты ежевики... Уже не скрываясь, с громким вызовом на поединок — может, это привлечет внимание пиктов или хотя бы даст выиграть время. Впереди послышался хриплый стон. Затем возня...

Конан вырвался из кустов, перемахнул через колоду, сбив с ног замешкавшегося пикта, склонившегося над окровавленным телом Троттена. Удар был настолько силен, что воин кубарем покатился по траве да так и остался лежать бездыханным. Второго киммериец нашел в нескольких шагах с проломленной топором головой.

Конан похоронил всех в одной могиле. Отыскал небольшую ложбинку, перетащил тела и старательно завалил камнями, чтобы дикие звери не растащили останки.

Слова Троттена не шли у Конана из головы. Но сведений слишком мало. Наверняка придется лезть к пиктам в логово, чтобы узнать все подробнее. Так стоит ли откладывать? Кроме того, таинственный колдун, судя по всему, земляк киммерийца, весьма заинтересовал Конана. В душе варвара кипели презрение и ярость к предателю. Черная метка на груди колдуна всколыхнула мрачные воспоминания, а огромный рубин разбудил любопытство варвара.

Конан принял решение. Отсюда через леса Конаджохары, через Черную реку до пиктской деревушки Ггавель он знал дорогу. Далее на запад, в глубь болот. Так далеко киммериец еще не забирался. Дурные слухи о болотах ходили по всему приграничью — злые места, населенные демонами.

Три дня крался Конан нехоженными лесными тропами, забираясь все дальше и дальше в глубь страны пиктов. Он поднимался с первыми лучами солнца и шел до заката, порой прихватывая часть ночи и ориентируясь только по звездам. Переправившись через Черную реку, он обогнул земли пиктов, принадлежавших клану Ворона и повернул на запад, туда, куда вели Троттена и Лотто, и где, как считал погибший следопыт, находилось логово таинственного белокожего колдуна. Конан чувствовал, что именно там он най-

дет корень зла, источник нависшей над западной Аквилонией опасности.

Впрочем, добро, зло — пусть над этим ломают голову мудрецы. Конан делал лишь то, что считал нужным, помня о службе, которую обязан нести. К тому же его гнало вперед любопытство.

Опасности? Ха! Кто более опасен — тигр или волки? Вопрос спорный.

Тем не менее путь Конана был действительно опасен. Лес кишел пиктами, как захудалый постоялый двор клопами.

В первый же день Конана обогнал отряд его старых знакомых — пиктов из клана Ворона. Киммериец двинулся следом за ними и чуть было не столкнулся с воинами другого отряда, шедшего с севера, в волосы которых были вплетены перья ястреба.

Дойдя до лесной дороги, по которой час назад прошли Вороны, клан Ястреба также повернул на запад. В течение дня перед Конаном поочередно сменились Филины, Гадюки, Рыси, даже Волки — самое могучее племя, жившее далеко к северу от этих мест. Все говорило о том, что лесная дорога, вернее, просто широкая тропа, на которую посчастливилось выйти Конану, вела именно туда, куда он и стремился попасть.

В конце концов киммерийцу надоело тащиться следом за пиктским войском, и, отойдя от торной дороги примерно на лигу, он пошел быстрее.

На третий день начались болота.

Конан не любил болот. Даже больше — он их терпеть не мог. Если раньше он бежал волчьей

рысью, то сейчас тащился словно улитка, а противное чавканье, с которым Конан выдирает сапоги из вонючей жижи, разносилось по всей округе. Гудение полчищ изголодавшихся москитов не смолкая звенело в ушах.

— Пикты, наверное, все разом оглохли, — бурчал киммериец себе под нос, — раз не слышат, как я шлепаю по этой каше.

На закате третьего дня Конан набрел на островок, где и решил заночевать. Мокрый до нитки, измазанный грязью киммериец растянулся во весь рост на мягком мху, положив рядом с собой обнаженный меч. Глубоко вздохнув, закрыл глаза.

...И тут же открыл их. Где-то совсем рядом — ему показалось, что прямо над ухом, — раздался пронзительный вой, от которого любой человек вскочил бы и побежал во все лопатки — неважно куда, лишь бы подальше.

Киммериец давно избавился от такой глупой привычки. Он продолжал лежать, только крепче сжал рукоять меча.

Конан узнал этот леденящий душу крик.

Многие жители пограничья слышали подобные вопли по ночам, особенно при сильном южном ветре. Они доносились с болот, окружающих Конаджохару. Ну, а здесь, в сердце Пиктской пущи, почему бы болотному демону не выйти на прогулку?

Высокая худая фигура вынырнула из вечернего тумана. Высоко, будто цапля, поднимая ноги, она шла прямо на островок.

Киммериец стиснул зубы. У него был шанс остаться незамеченным — демоны плохо различали неподвижные предметы. Но если тварь попросту наступит на него? Островок настолько мал, что это вполне вероятно. Конан знал, с какой дьявольской быстротой могут двигаться эти бестии, а если демон завопит, то на призыв тут же сбегутся его приятели: весьма проворные ребята с хорошо заточенными коготками почти в фут длиной. Эти коготки очень ловко могут отхватывать головы, киммериец такое видел неоднократно. Выход один — бить так, чтобы демон не успел даже пикнуть.

Киммериец лежал не шевелясь. Тварь почему-то замешкалась.

«Учуял?»

Демон сделал пару шагов и снова застыл в пяти ярдах от Конана, пригнувшись и поводя своей безобразной головой со светящимися глазами вправо-влево.

Медлить было нельзя.

В одно мгновение тело Конана взметнулось вверх и вперед. Миг — и киммериец стоит на согнутых ногах в двух ярдах от чудища. Тварь резко обернулась, огромные горящие глаза остановились на неожиданном враге. Меч варвара коротко свистнул, послышался чавкающий звук...

Конан расслабил напряженные мышцы и перевел дух. Его клинок был точен: косой, снизу вверх удар аккуратно отделил левую лапу и плечо вместе с головой от туловища. Бесформенный ужасный обрубок еще стоял несколько мгнове-

ний, содрогаясь от фонтанирующей крови, и наконец упал на землю.

Конан перевел дыхание.

Вдалеке слышались завывания демонов. Тварь, разрубленная пополам, издохла мгновенно, не успев воззвать к сородичам.

Могучий вековой лес жил ночной жизнью: рыкнул вышедший на охоту ягуар, где-то затрубил мастодонт, далеко-далеко зывала к звездам заунывная песня волков. Древней чаще не было дела ни до Конана, ни вообще до всего людского рода.

Конан вытер клинок о траву и снова прилег на моховую перину. Проспав до рассвета, он утром чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, как будто спал на роскошной постели.

Киммериец продолжил свой путь. О схватке с демоном он и не вспоминал — велика важность... Так, незначительный эпизод, один из многих.

Солнце не успело пройти и половины пути до полудня, когда Конан вдруг понял — что-то вокруг изменилось. Подсознательно он ощущал это и раньше, а тут будто пелена с глаз спала: варвар застыл, до колен увязнув в илистой грязи.

Место, где он сейчас находился, ничем примечательным не выделялось. Все то же лесное болото, поросшее чахлыми лиственницами, соснами и березами, кочкарник, изумрудно-зеленые лужайки, скрывающие бездонные окна, мох, вереск — все как вчера. И все-таки...

Конан поднял голову, медленно огляделся. Обостренное чутье на опасность подсказывало —

нет, громко кричало, — что он напрямик лезет в змеиное гнездо. Ему припомнились слова Троттена о необъяснимом ужасе, который тот испытал в этих местах. Сейчас он понимал, о чем говорил следопыт.

«Кажется, я у цели».

Некоторое время Конан раздумывал. Приняв решение, он повернул налево, туда, где по его расчетам находилась дорога. Он действительно вскоре вышел на нее. Сотни, если не тысячи ног, обутих в сапоги, превратили тропу в грязное месиво, двигаться по которому было еще труднее, чем по болоту.

Но теперь Конан не спешил.

Киммерийцу казалось, что сам воздух здесь пропитан злобой... Даже не злобой, а чем-то настолько чуждым людям — и не только им, а самому миру: этим деревьям, кустам, болоту, небу и солнцу! Всему, даже пиктам!

Конану никак не удавалось отделаться от мысли, что с каждым шагом он удаляется дальше и дальше от земли, на которой родился и жил почти сорок лет, что он уходит куда-то в невообразимое *нечто*.

Или *ничто*?

«В гости к Крому, что ли?»

Скорее уж, в преисподнюю, потому что это загадочное *нечто* определенно было враждебным — именно в силу своей чужеродности.

Пытаясь разобраться в своих чувствах, Конан окончательно запутался, наконец он плюнул на все мудрствования, крепче сжал меч и пошел

дальше, понимая одно: там, впереди, — враг, а какой — неважно.

Местность мало-помалу повышалась. Лиственницы и ели сменились кленами и дубами. Идти стало легче, но Конан замедлил шаг.

«Теперь уже скоро. Немного осталось».

Перед киммерийцем открылся невысокий пригорок, к вершине которого он направился в надежде осмотреться и наметить дальнейший путь. И хотя находился холмик всего-то в нескольких шагах, дорога к нему заняла уйму времени.

Солнце успело высоко подняться над лесом, прежде чем он достиг вершины.

Пришлось удвоить осторожность — вся земля вокруг была испещрена многочисленными следами пиктов, но еще раньше Конан почувствовал сладковатый запах дымка, который принес с собой западный ветер. Небольшие отряды воинов так и сновали взад-вперед, торопясь по своим непонятным делам.

Наконец Конан выбрался на пригорок и смог оглядеться. Прямо от подножия простиралось бескрайнее болото.

Но болото необычное: его поверхность, практически лишенная иной растительности кроме мха, бугрилась и топорщилась, словно свежая пашня после нашествия кротов. Вся местность была изрезана складками, точно исполинское зеленое покрывало, откинутое великанской рукой, с равномерно рассеянными на ней камнями, и, если бы не их правильный облик и четкие, хотя и притертые временем грани, Конан решил бы, что

раньше здесь была гора, разобранная неведомыми каменотесами на отдельные глыбы.

Однако киммериец не сомневался, что видит перед собой мертвый город. За время долгих странствий он повстречал их достаточно и в знойных землях юга, и далеко на востоке за морем Вилайет.

Руины некогда огромного человеческого поселения дышали древней силой и тайной. Конан не чувствовал в ней враждебности, но все же источник зла находился именно здесь. Пытливый взгляд киммерийца поневоле все время возвращался к одному и тому же месту, где среди развалин и остатков фундаментов громоздилось непонятное сооружение в виде циклопического кольца, опоясанного цепью каменных менгулов. В самом центре его находился небольшой домен, словно гигантская землянка, отмытая дождями, с крохотным глазком чернеющего входа в подземелье. Именно оттуда тянуло угрозой и могильным холодом, чувствующимся даже на расстоянии.

Многочисленные отряды пиктов расположились вокруг каменного кольца походным лагерем. Сразу бросилась в глаза непривычная для столь многолюдного сборища тишина и какое-то необъяснимое, немного торжественное состояние воинов, застывших, будто каменные изваяния, вокруг своих костров. Никто не смел входить внутрь кольца, как заметил Конан, и лишь вожди кланов переносили туда странные свертки, аккуратно складывая их у входа в домен и поспешно покидая таинственный круг.

Солнце уже давно перевалило за полдень, когда над болотом послышался жалобный плач, словно погребальная песнь, которая, казалось, шла из-под самой земли. И верно, вскоре из подземелья потянулась длинная вереница пиктов в нелепых и непривычных для них одеяниях, вроде жреческих хламид, которые эти дикари и носить-то не умели.

Конан от души посмеялся, глядя на столь необычное зрелище, но эти недавно посвященные адепты неведомых сил вели себя так важно и надменно, будто шагали во главе колонны богов. Некоторые из них несли чаши, вырезанные из человеческих черепов, — они-то и исполняли гимн, от которого у киммерийца сводило зубы. Лица и руки жрецов были разрисованы яркими красками. Видимо, полностью отказаться от своих дикарских привычек пикты все-таки не смогли.

Те, кто был свободен, без промедления принялись заносить свертки внутрь подземелья. Чашеносцы же покинули круг и разбрелись среди замороженных, словно в гипнотическом сне, воинов. Устрашающего вида сосуды передавались в руки вождей, с жадностью голодных хищников лакающих таинственное питье. Чаши прошли по рукам, пока последний из воинов не пригубил хотя бы каплю напитка, и вернулись к хозяевам. На этом церемония закончилась. Жрецы скрылись под сводами домена, а пикты через некоторое время потянулись прочь с болота. Но их места тотчас занимались другими, кому не досталось божественного напитка и кто не успел к на-

чалу церемонии, ибо бесчисленные отряды дикарей все шли и шли сюда из леса.

Вскоре внутри каменного кольца вновь выросла гора даров и подношений. Терпеливые в своем ожидании пикты неподвижно сидели у костров, не смея даже шорохом нарушить могильную тишину. Конан прекрасно понимал, что здесь он больше не увидит ничего интересного. Нужно попытаться проникнуть внутрь долмена. Но как это сделать, когда повсюду дикари?..

Заморосил теплый летний дождик. Снова выглянуло солнышко. Весь день Конан провалялся на вершине холма, наблюдая за пиктами. Ближе к вечеру торжественный выход жрецов повторился.

Перед закатом отряд дикарей загнал в священный круг десятков пленных хайборийцев — ужасно изможденных и смертельно уставших, — и они тут же повалились на стынущую землю. По действиям воинов киммериец догадался, что жрецы не появятся раньше утра. С несчастными пленниками осталось всего двое сторожей из разных кланов, меняющихся каждые несколько часов.

«Пожалуй, это единственный шанс», — решил Конан и немедленно приступил к осуществлению своего плана.

Конан соскользнул с холма и где бегом, где ползком подобрался к спящему лагерю. Здесь, в самом сердце своих владений, пикты вели себя крайне беспечно, не опасаясь демонов болот и иных обитателей ночи, не боясь, что какой-то смельчак рискнет забраться сюда — поэтому даже не удосужились выставить охрану.

Непроглядная ночь была Конану верным союзником. Незамеченным он подобрался к затухающему костру и осторожно выглянул из-за развалин. Пикты спали вповалку, закутавшись в теплые меховые одеяла. Мощным рывком Конан выдернул из кучи первого попавшегося пикта и, словно гигантский удав, сдавил его в своих могучих объятиях. Послышался хруст ломаемых костей. Пикт даже дернуться не успел, как его душа уже отправилась к предкам. Киммериец завладел одеялом — грязными вонючими лохмотьями, грубо спитыми из обрывков козьих шкур, — и, морщась от отвращения, завернулся в него с головой. Безжизненное тело он без лишнего шума утопил в одном из бочагов.

Лавируя между кострами, киммериец подобрался к каменному частоколу менгиров. Последний раз критически оглядел себя с ног до головы. Теперь он ничем не отличался от оборванных пленников, беспокойно метавшихся в сонном бреду. Правда, рост... Но с этой проблемой он как-нибудь справится. Конан слегка присел и на полусогнутых ногах прошелся между столбами, поправил спрятанный на спине меч, удовлетворенно хмыкнул.

Ночь стояла — рук не видно. Пробраться между дремлющими часовыми и присоединиться к пленным для ловкого северянина не составило большого труда.

Он бы и в подземелье проник, но там вдруг замелькали огни и слышались голоса. Киммериец устроился среди грязных, потерявших чело-

веческий облик пленников и уже через несколько минут безмятежно дремал.

Бледное туманное утро медленно наползало с востока, растворяясь в густых испарениях болот. Лагерь пиктов постепенно оживал, но давно проснувшийся Конан оставался лежать вместе с другими. За плотной занавесью тумана он не мог ничего разглядеть, и казавшийся таким удачным вчерашний план поутру оказался не столь уж блестящим замыслом. Но отступать было поздно. Оставалось лишь ждать, и Конан терпеливо ждал, хотя неясная тревога ни на миг не покидала его: обострившиеся чувства вновь уловили волны зла, что, подобно морскому прибою, накатывались из черных глубин долмена.

Долго ждать, пребывая в неизвестности, ему не пришлось. Лежа на холодной, сырой земле, киммериец почувствовал, как дрогнули под ним глубины и откуда-то из их потаенных уголков полилась протяжная уже знакомая погребальная мелодия. Она близилась, становясь все громче и громче и отчаянно отзываясь пульсирующей кровью в висках.

Жрецы вышли на поверхность и занялись привычными делами. Перебросившись парой фраз с часовыми, они стали пинками поднимать обессиленных, замерзших за ночь пленников. Измученные люди с трудом держались на непослушных ногах — безропотные, покорные, смирившиеся со своей судьбой.

Крепкий пинок под ребра заставил Конана заскрежетать зубами от ярости. Он с усилием пода-

вил в себе гнев и тяжело поднялся, стараясь во всем походить на своих угрюмых и безответных товарищей по несчастью. Только тут он заметил, что среди пленных есть женщины, но такие грязные и забитые, что взгляд киммерийца не задержался на них.

Куда больше его интересовали жрецы. Пленниками занимались четверо — все плотные, кражистые, вооруженные короткими копьями с длинными широкими наконечниками, которыми при желании можно было рубить, как боевыми топорами, — оружие явно не пиктское. Подгоня тычками и окриками сбившихся в испуганное стадо хайборийцев, надсмотрщики погнали их в зияющий зев прохода.

Конан оказался в центре колонны, между полураздетой женщиной со следами безжалостных побоев на всем теле и здоровенным пожилым аквилонцем с мощной мускулатурой молотобойца и бегающим затравленным взглядом из-под ниспадающих на лицо засаленных соломенных косм. Никто из пленных не обратил на киммерийца внимания.

Несчастные люди покорно сносили пинки и издевательства своих конвоиров и тупо брели вперед, не задумываясь, куда и зачем их ведут.

Колонна вступила под мрачные своды долмена, задержавшись возле убегающих куда-то вниз лестничных ступеней, пока жрецы раздували трут для своих факелов. К удивлению киммерийца, внутри подземелья оказалось просторно и сухо. Болотная грязь, растасканная множеством ног,

еще покрывала верхнюю часть лестницы, но чем глубже она уходила под землю, тем становилась суше и чище. Высокие потолки, идеально ровные, гладкие стены и полы из плотно пригнанных друг к другу плит, между которыми почти не различались швы кладки, строго выдержанные прямые линии и углы — творения рук неизвестных строителей — ничто не ускользнуло от пытливого взгляда Конана.

Но с каждым пройденным шагом все холодной становилось вокруг, и это вовсе не походило на зимнюю стужу. В морозном воздухе подземелья слились могильный холод и леденящее кровь чувство чего-то потустороннего, что давно покинуло земной мир, превратившись в частицу вечности. Каменный лабиринт дышал ужасом, заставляя учащенней стучать сердца и будоража воображение немыслимыми кошмарами. Мрак клубился по углам величественных залов, на серых стенах танцевали замысловатые, зыбкие тени, словно ожившие чудовища подземных недр. Встреча с неведомым, притаившимся где-то там, в глубине, под сенью гнетущих сводов, не сулила для смертных ничего хорошего. Даже безучастные ко всему невольники почувствовали это, заволновались и замедлили шаг. Лишь безжалостные побои и угрозы надсмотрщиков заставили обреченных людей двинуться дальше.

Вскоре спуск закончился, и пленников оставили в большой сумрачной зале. Откуда-то из темноты явились другие жрецы и о чем-то заговорили с конвоем. Конан прислушался, он понимал

гортанный говор дикарей, в котором всего-то и была одна-другая тысяча слов. Но гулкое подземное эхо коверкало слова, и как ни старался киммериец, а разобрать удалось лишь обрывки отдельных фраз. Пленников построили в ряд. Старший среди жрецов, с бронзовыми браслетами на руках, прошелся вдоль строя, придирчиво рассматривая людей. Для своих неведомых целей он отобрал пятерых самых крепких и сильных мужчин, которых тут же куда-то увели. Остальных, включая женщин и Конана, которого жрец принял за горбуна, точно скот погнали по длинному и узкому боковому тоннелю. С недобрыми смешками надсмотрщики втолкнули их в зловонную пещеру, поспешно захлопнув за ними каменные створки массивных дверей.

Узники тут же уселись на пол, не обращая внимания на холод и какую-то слизь под ногами. Конан сбросил лохмотья и с удовольствием выпрямился во весь свой гигантский рост.

Из пиктского одеяла он изготовил некое подобие факела, достал кремь и кресало. Своявшаяся, плохо выделанная козья шкура никак не хотела загораться, но вот слабые язычки пламени затрепетали на кончике импровизированного светильника, один миг — и он, ярко вспыхнув, осветил их узилище.

Весь пол пещеры покрывала кровь, всюду валялись груды рванья с белеющими человеческими костями. В дальнем конце пещеры виднелся широкий проход во всю стену, за которым нельзя было рассмотреть ничего, кроме темноты. Под

землей что-то глухо зарокотало. Конан приблизился к одной из куч, громоздившихся вдоль стен, ковырнул ее мечом. Первое, что он увидел, была оторванная человеческая голова.

«Кром! Что же здесь происходит?»

Ответом ему стало приближающееся из тоннеля громоподобное рычание, будто шквальный ветер хлестнувшее по подскочившим в испуге людям.

Перепуганные невольники от страха готовы были слиться со стенами. А грозный звериный рык все близился. И вскоре к нему присоединилось эхо тяжелой поступи, от коей содрогались незыблемые пещерные своды.

Люди в панике заметались по пещере, в иступлении колотя кулаками в безмолвные и равнодушные к их участи двери. Кто-то неведомый, но очень большой и грузный знакомой дорогой шел прямо к ним. Узники словно обезумели, и только Конан трудился с лихорадочной быстротой, поджигая истлевшую ветошь и кости, вспыхивающие, словно сухой тростник.

Киммериец сперва почувствовал, а уж затем увидел чудовище, вызванное сюда из глубин преисподней, чтобы стать их палачом. В беспорядочно мечущемся свете доброй дюжины костров толком ничего невозможно было разглядеть. Что-то уродливое и косматое, то ли зверь, то ли демон, заполнило собой весь проход и остановилось на пороге, наблюдая сквозь узкие щелочки глаз за агонией вопящей в иступлении пищи. Тягучая слюна потекла по бесформенной морде, и голод-

ное брюхо чудовища отозвалось утробным урчанием.

Конан, выставив перед собой меч, медленно пятился, оставаясь все время лицом к противнику, и остановился, только когда почувствовал спиной холодный камень стены.

— Умоляю, убей меня! — послышался слабый голос откуда-то снизу.

Конан бросил короткий взгляд, не успев толком разглядеть сжавшуюся в углу женскую фигуру.

— Сиди тихо, женщина. Мне вовсе не хочется умирать! — грубо приказал он.

В следующий момент чудовище сделало шаг, с завидным проворством сцапав ближайшую жертву. Пещера наполнилась источным воплем несчастного. За первой смертью последовала настоящая бойня, безучастным свидетелем которой поневоле стал киммериец. Но вот все кончено, настало время и ему встретиться со смертью один на один... Женщина не в счет.

Чудовище слегка притомилось, гоняясь по всей пещере за удирающей бестолковой пищей, тяжело дышало, высунув до земли длинный, шершавый язык, но по-прежнему глядело на Конана, как на лакомый кусок мяса.

Переваливаясь на исполинских лапищах, оно лениво направилось к киммерийцу. Не дожидаясь нападения, Конан атаковал, вложив в удар всю силу. Меч рубанул по оскаленной морде, пройдя наискось через глаз и оставив глубокий кровавый след. От неожиданности чудовище отшатну-

лось и с жалобным мычанием, мотая лохматой башкой, уселось на задние лапы. Ободренный успехом Конан ринулся на врага, осыпая его ураганом ударов. Зверь лишь ревел от злости и боли, неуклюже отмахиваясь от не знающего промаха клинка когтистыми лапами. Несколько раз Конан успешно ускользал от его смертоносных когтей, но движения зверя становились все резче и стремительнее. И вот одно из них настигло киммерийца. Он сам это понял, лишь когда, словно кошка, опустился на ноги, описав под потолком невероятную петлю. Тут же ему пришлось низко пригнуться, уходя от следующего удара. Меч, выбитый из рук разъяренным чудовищем, остался где-то за спиной у зверя. Чудовище заковыляло к киммерийцу и нависло, поднявшись, подобно медведю, на задние лапы, над ним с неотвратимостью самой смерти.

— Лови! — Пронзительный женский крик, точно горячая пощечина, хлестнул северянина.

И будто вендийский факир, Конан выхватил меч прямо из воздуха и вогнал его в необъятное, обрюзгшее брюхо. Зверь всей громоздкой тушей грохнулся на пол, скребя когтями каменные плиты, дернулся несколько раз и затих навсегда.

Конан, еще не веря в столь легкую победу, с опаской обошел чудовище стороной и приблизился к женщине.

— Как твое имя? — хрипло спросил он, протягивая ей руку.

— Мейн, господин мой, — чуть слышно ответила она, вкладывая свои тонкие длинные паль-

чки в могучую, мозолистую ладонь киммерийца.

— Идем, Мейн...

— Куда?! Нам ни за что не выбраться из этого ужасного подземелья!

— Пойдем по этому тоннелю, — мягко ответил Конан. — Что-то подсказывает мне, что этой дорогой мы попадем к хозяину зверя.

— А если хозяин окажется страшнее чудовища? — Женщина все еще боялась, но в глазах ее загорелась надежда.

— Что ж, тогда мы убьем и его, — просто ответил киммериец и, не тратя времени на болтовню, зашагал к проходу, увлекая женщину за собой.

Путь их по бесконечному лабиринту коридоров и переходов, чередовавшихся с залами и лестничными маршами, был долог. Им встретилось множество помещений: различных кладовых и складов, забитых припасами до потолков, молелен со статуями звероподобных богов, давно исчезнувших из памяти людей, крохотных жреческих келий, где широкоплечий Конан с трудом мог повернуться.

Ненадолго они задержались в оружейной, рассматривая диковинное искусно сделанное оружие неведомых мастеров. Мейн прихватила огромный боевой лук.

— Умеешь стрелять? — с сомнением спросил киммериец.

— Я выросла на ферме в приграничье... Немного великоват, но думаю, справлюсь, — гордо вскинув голову, ответила девушка.

— Поглядим,— проворчал киммериец и больше вопросов не задавал.

Последний факел давно догорел, и, если бы не звериное чутье северянина, бродить бы им по подземелью до конца своих дней. Но ветерок удачи привел их к незапертой железной дверце, из-за которой слышалось нестройное пение и тянуло отвратительным запахом пригоревшего жира.

Беглецы осторожно заглянули внутрь. В небольшом зале висел тяжелый смрад от тысячи сальных горелок, сквозь копоть с трудом угадывалась противоположная стена с множеством таких же дверей. В дальнем конце располагался невысокий помост с пятью каменными монолитами, по форме и высоте напоминающими усыпальницы древних царей. Но, приглядевшись, киммериец понял, что ошибся.

На каменных глыбах распростерлись человеческие тела. Люди были отмыты и раздеты, так что Конан не сразу узнал в них недавних товарищей по заключению, уведенных жрецами. Никто не был связан или прикован цепями, люди лежали свободно, расслабившись, будто просто отдыхали. Двое еще живых и трое мертвецов ничем не отличались друг от друга, не считая аккуратных шрамов на горле убитых и алых пятен крови, залившей алтари и тонкими струйками стекающей по желобкам.

Зал был битком набит пиктскими жрецами, но Конан с бешеной ненавистью смотрел лишь на одного, что, скрестив на груди обнаженные руки, стоял позади алтаря и, казалось, не принимал ни-

какого участия в кровавом обряде. Но именно он являлся вожаком всей своры. Да, он был киммерийцем — широкоплечим, мускулистым, на две ладони выше самого Конана.

Обнаженный до пояса, лишь в невесомом коротком плаще-накидке, он казался живым воплощением бога, с рельефным торсом, будто вырубленным из цельного куска мрамора. Неподвижно застывший взгляд глубоких, неопределенного цвета глаз, устремленный поверх голов пиктов, казалось, пронзал немыслимые дали. Голову его венчал обруч с невероятных размеров рубином, пульсирующим на лбу великана, словно живое человеческое сердце.

Конан облизнул пересохшие вдруг губы.

— Сейчас я войду-туда,— бросил он, не оборачиваясь.

— Я с тобой! — поспешно откликнулась Мейн.

— Хорошо, но держись позади. Стреляй в любого, только оставь мне вон того, высокого.

Пинком Конан распахнул настежь дверь и ворвался в жертвенный зал. Рукоятью меча свалил ближайшего жреца и остановился над поверженным телом — грозный и страшный, будто сам бог войны. Пение оборвалось на полуслове, глаза присутствующих с удивлением и ужасом воззрились на пришельца.

— Повелитель! Это одна из девушек, что предназначены в жертву Стражу! — заголосил какой-то жрец.

— И тот, кто его убил,— растягивая слова, процедил великан, без злобы, с нескрываемым любо-

пытством разглядывая киммерийца. — Легко догадаться, что это должен быть непростой человек.

— Предатель! Сейчас и ты умрешь! — бросил Конан ему в лицо, заноса клинок для удара.

На лице великана мелькнула тень досады.

— Задержите его! Нам нужно закончить...

В руках верховного жреца сверкнуло лезвие кривого кинжала, и тело очередной жертвы забилось в предсмертных судорогах. С яростным криком Конан ринулся в самую гущу врагов, хмелея в предвкушении битвы.

Рассерженным шершнем прогудела пущенная Мейн стрела. Перекошенные злобой лица жрецов кружились перед глазами киммерийца, разящего налево и направо, едва успевая выхватывать из завывающей толпы пиктов испуганные и ненавидящие взгляды, чтобы тут же гасить в них блеск жизни.

— Остановитесь! — прогремел на весь зал повелительный голос верховного жреца. — Оставьте нас, все прочь отсюда!

Дважды пиктам повторять не пришлось, и уже через миг Конан остался лицом к лицу с великаном посреди груды изрубленных и пронзенных стрелами тел.

— Довольно, Конан из Киммерии! Видишь, мне известно твое имя. Мне многое известно... Вот эта дверь ведет в тайный ход. Ты можешь сейчас же уйти, и никто не посмеет тебя остановить, — миролюбиво обратился в нему великан.

— Без твоей жизни я отсюда не уйду, — прохрипел в ответ Конан. — Бесчестный, гнусный преда-

тель! Как мог ты, киммериец, связаться с грязными пиктами?!

— Для меня они лишь инструмент и ничем не отличаются от тебя, Конан. Попробайся понять меня. Я мог бы взять нужное мне силой, прибегнув к колдовству, но предпочел мирный путь...

— Вступив в сговор с извечным врагом своего народа?!

— Я, как и ты, давно покинул родину. Для меня между ними и прочими людьми нет разницы. С их помощью я нашел этот храм, очистил его от скверны...

— Чем ты за это заплатил?!

— Я дал им знание и силу, чтобы бороться с врагами.

Конан недобро рассмеялся ему в лицо:

— Не говори, что не знал, кого пикты считают своими врагами. Теперь прольется море крови и оборвутся тысячи жизней.

— Какое мне до этого дело? У меня своя цель. Я шел к ней всю жизнь, нашел Талисман Света, отыскал этот город и обрел истинного учителя. Нам больше нечего делать в этом мире, и скоро мы уйдем за грань времен.

— Я постараюсь, чтобы ты остался здесь навеки.

— У каждого человека свой путь — у меня, у тебя, у пиктов... Ты выбрал дорогу воина и скоро достигнешь высот. Знай же, Конан, ты завоеешь себе трон и станешь королем... Я же избрал тропу знаний и сейчас стою на пороге своего величайшего триумфа. Наши пути разные, но в чем-то они все-таки схожи...

- Твои знания — зло!
- Стоит ли называть злом то, чего ты не в силах понять?
- Путь колдуна — путь без чести!
- Чародей беззлобно ухмыльнулся:
- Ты говоришь как простой вояка. Взгляни на свой меч, он весь в чужой крови...
- Меч в руках воина всегда останется только мечом. Зато я видел, как ваши черные знания в мгновение ока уничтожали целые армии и обращали в рабство народы.
- А разве с помощью клинков пролито меньше крови? Я, как и ты, презираю тех магов, кто свернул с пути постижения истины, поставив во главу угла свои честолюбивые цели.
- А эти несчастные, которым ты выпустил кровь, словно это не люди, а свиньи, лишив их воли и права умереть достойно?!
- Они все равно умерли бы у пыточных столбов под улюлюканье толпы, в страшных корчах и муках. Я же освободил их от пыток. Послушай, Конан, уж если мы не можем стать друзьями, то давай хотя бы расстанемся мирно.
- Я поклялся именем своего бога перед памятью погибших друзей, и будь я проклят, если дам тебе ускользнуть, не отомстив за их кровь. Выходи и дерись, как мужчина!
- Что ж.— Колдун с сожалением вздохнул. За время разговора он ни разу не повысил голос и оставался спокоен.— Я мог бы испепелить тебя на месте, земляк. Но, уважая твое мужество, готов принять глупый вызов.

- Тогда защищайся! — взревел Конан, набрасываясь на ненавистного врага.
- Хищное жало его клинка уже почти коснулось горла колдуна, когда, неведь откуда, в руках мага возник длинный посох с замысловатым медным набалдашником. Словно шутя, чародей парировал удар, а другим концом палки крепко прошелся по ребрам Конана и сам перешел в нападение, орудуя посохом с поразительной ловкостью. С трудом отбиваясь, потрясенный Конан только и мог, что отступать, не находя в защите колдуна ни малейшей лазейки. Вскоре он пропустил еще несколько крепких ударов, но лишь скрипел зубами от боли и злости, терпеливо ожидая ошибки противника.
- И она не заставила себя долго ждать. Чрезмерно увлекшись атакой, колдун неосторожно открылся и тут же получил удар в голову. Непосредственным образом он уклонился, клинок всего лишь скользнул по лицу, оставив царапину от уха до подбородка. И если бы не золотой обруч, слетевший с головы и нечеловеческая реакция мага, не миновать ему смерти.
- Бойцы остановились, переводя дыхание и испепеляя друг друга гневными взглядами. Колдун смахнул с лица проступившую кровь, и алые капли брызнули на жертвенный камень. В тот же миг стена за алтарем пришла в движение, открылась потайная дверь, за которой угадывалась небольшая комната. В глубине помещения стоял трон, на котором неподвижно сидел высокий человек в шитых золотом одеяниях, ниспадающих

до самых стоп. Лицо скрывала искусно вырезанная золоченая маска, и только обнаженные кисти высохших мумифицировавшихся рук, унизанных дорогими перстнями, сжимали на коленях сверкающую хрустальную пирамиду, известную Конану как Талисман Света.

— Ты пролил на алтарь свою кровь,— зазвенел в ушах киммерийца замогильный голос незнакомца,— нарушив ход священного обряда. Теперь нам нужно спешить, Торид...

— Да, учитель,— как эхо отозвался колдун и бросился к открытым дверям.

— Ну уж нет!

Конан прыгнул следом, успев схватить беглеца за край развевающегося плаща. Щелчок, и киммериец остался с бесполезной вещью в руках — заколка не выдержала и сломалась. Оба были стремительны и настроены самым решительным образом, вцепившись намертво в двери, каждый со своей стороны. Мускулы на руках противников вздулись буграми, глаза ненавидяще сверлили друг друга, и ни один не желал уступить. Краем глаза Конан заметил, как дрогнула рука мумии и перстни на высохших пальцах перемигнулись разноцветными огоньками. Неведомая сила подхватила киммерийца и швырнула через весь жертвенный зал. Дверь с грохотом захлопнулась.

— Очнись, да очнись же! — Мейн безжалостно трясла Конана за плечи.

Кругом хлопотала вода, которая стекала по стенам, звенела каплей с потолка и медленно сочилась из-под дверей.

— Нужно убираться отсюда!

Рывком он поднялся на ноги и не раздумывая потащил женщину к двери, за которой скрывался потайной ход. Вода прибывала. Дверь оказалась не заперта. На пороге Конан замешкался, пропуская девушку вперед.

— Иди, я сейчас,— подтолкнул он ее.

Киммериец вернулся в зал и стал шарить в мутной воде, ища что-то возле жертвенников.

— Хвала богам! — ликующе заревел он, держа золотой обруч в руках.

Дальше было бегство — сперва по колено в воде, затем она поднялась им до пояса, достигла груди. В конце концов пришлось плыть, и только чудо помогло беглецам выбраться из подземелья и достичь безопасной вершины, продираясь сквозь ночь и вспучившееся, вставшее на дыбы болото.

Конан проснулся, когда ласковые солнечные лучи, пробравшись сквозь густую листву дубов, отогрели простывшую за ночь землю. На месте болота сверкало огромное озеро. Пикты разбежались. Рядом сидела Мейн, пытаясь рукой расчесать свои русые волосы и примерить обруч с рубином. Вода отмыла с нее грязь, и киммериец без удовольствия отметил, что женщина мила и привлекательна.

— Что ж, Мейн, нам пора уходить. Вряд ли пикты отказались от своих планов, даже потеряв предводителя... Мне нужно спешить в Велитриум.

— Пусть будет Велитриум. Но,— женщина загадочно улыбнулась, и ее пальчики нежно косну-

лись широкой груди киммерийца, — не лучше ли переждать час-другой? Мне кажется, это будет благоразумно, не так ли?

— Кром, о чем я меньше всего думаю, так это о благоразумии! — фыркнул Конан и привлек девушку к себе.

ЧЕРНОЕ ПЛАМЯ

росперо!

— М-мм?

— Ты что, спишь, старый гриб?

— Нет, мой король!

— Точно, спишь. И спросонок спутал меня с Нумедидесом, раз называешь королем, когда вокруг нет ни души.

— Конан, твой иноходец так ровно идет...

— Оправдывайся! Стареешь, друг, только старики могут спать в самых неподходящих местах. На крупе лошади, например, держась за пояс своего короля.

— Прошу простить, ваше...

— Ты опять?!

— Молчу, молчу! — улыбаясь, сказал высокий черноглазый пуантенец, который действительно, был уже далеко не молод. Просперо, граф Пуантена — богатейшей провинции Аквилонии, недавно встретил свою пятьдесят шестую весну. Некогда стройный, широкоплечий, сейчас он

сильно сутулился и заметно погрузнел, а черные роскошные локоны поседели и стали реже на макушке.

Тем не менее в его движениях чувствовалась белая сила и ловкость. Граф, скорчившись, сидел на крупной лошади, за спиной Конана Великого, короля Аквилонии.

Позиция эта, не слишком удобная по многим причинам, могла вызвать сочувствие у любого, но только не у короля.

Гигантского роста, могучий, как вековой дуб, Конан до сих пор был вынослив, словно вол, несмотря на то, что разменял уже седьмой десяток лет.

На смуглом, иссеченном шрамами лице нельзя было заметить не малейших следов усталости, хотя король провел в седле весь день.

— Слушай, Конан, а почему ты меня все-таки разбудил?

— По трем причинам. Первая. Мне стало скучно и захотелось просто поболтать. А начну я с того, что прямо тебе скажу: ты скверный наездник, Просперо, раз допустил, чтобы твоя гнедая сломала ногу на ровном месте.

— О, Митра! Тот бурелом ты называешь "ровным местом"!

— Бурелом?! Ты умудрился отыскать единственную колоду в этом чудесном, ухоженном парке... И оленя того мы упустили только из-за тебя.

— О, Митра!..— снова возопил Просперо, не на шутку обиженный.

— Ладно, не злись. Вторая причина гораздо серьезнее.

— Что такое?

— Не найдется ли в твоей фляге глотка вина?

— Конечно! — рассмеялся Просперо, передавая Конану почти полную флягу.

Король закинул голову, и жидкость, булькая, поспешила переместиться из одного сосуда в другой, гораздо более вместительный.

— В горле пересохло, сил нет, — извиняющимся голосом признался Конан. — А моя фляга слишком мала. В следующий раз возьму побольше.

— Ага, бери уж сразу несколько. А что еще?

— Что?

— Ну, третья причина?

— А! Видишь ли, друг, я, похоже, заблудился.

Некоторое время Просперо молчал, тупо уставившись в затянутую зеленым бархатом спину короля и пытаясь осознать услышанное. Потом встрепенулся и завертел головой.

— Шутишь? — он нервно усмехнулся, пытаясь в лучах предзакатного солнца найти хоть какие-нибудь ориентиры. — Ты — киммериец, заблудился в местах, где бывал тысячу раз? И кто же после этого старый гриб — ты или я?

— Ну, положим, погоня за оленем увела нас туда, где ни ты и ни я не бывали ни разу: если не ошибаюсь, то чуть ли не к границе с Аргосом, которая в этих местах довольно условна — дремучий лес, бурелом...

— Мне что-то помнится, ты говорил про парк.

— А?

— Ничего, я так. Все равно, Конан, выехали мы из этой чащи недалеко от Алиманы, еще были видны вершины гор... Да они и сейчас видны!

— Верно.

— Так, в чем же дело?

— А в том, что пока ты спал, я доехал уже до знакомых мест, здесь мы охотились на кабана в позапрошлом году.

— Вот и замечательно!

— Я тоже так подумал. Там еще неподалеку была деревушка... забыл название.

— Тиера,— тут же подсказал граф.

— Ну да. И я решил немного сократить путь. Чтобы не ночевать под открытым небом и до темноты добраться до постоянного двора. Из деревни бы послали гонца за нашими слугами, которые не могут угнаться за своим королем и оставляют его одного в непролазной чаще в компании с засыпающим на ходу старым графом Пуантенским. Я не мог ошибиться!.. Но я ошибся. Деревни нет, нет постоянного двора, гонец пусть отдыхает, а свита будет дрожать от страха, что я поспимаю с них головы за нерасторопность.

— Ну, и где же мы? — Просперо продолжал озирается.

— В чудесном, тихом и очень красивом месте. Эх, жаль, что я не могу складывать песни.— Конан остановил лошадь.— Слезай, друг! Вот ручей, вот сочная трава для коня, вот камень, что по-

служит нам столом. Надеюсь, у нас в седельных сумках осталось что-нибудь на ужин...

Просперо соскочил с коня, походил, разминая затекшие ноги.

— Да,— сказал он, оглядывая окрестности.— Место прекрасное. Я даже не жалею, что мы сбились с пути. Лучше провести ночь здесь, чем кормить клопов на постоялом дворе.

Местность, в которой они остановились, действительно, заслуживала восторженных строк поэта. Заходящее солнце своими нежными лучами ласкало лежащую перед охотниками небольшую долину, заросшую густой травой. На склонах сплошной стеной темнел лес, над ним — луга и, наконец, высоко-высоко,— но казалось, что совсем рядом, протяни только руку,— начиналось царство дикого камня. Отвесные скалы упирались в вечернее небо и казались розовыми в свете заката.

Лес рос и в долине, его опушка была совсем недалеко от путников: дубы и клены тихо шелестели листвою, когда вечерний ветерок игриво пробегал по их кронам.

Чуть в стороне серебрилось небольшое озеро с необычайно синей, скорее бирюзовой водой. Из него вытекал звенящий ручей, на берегу которого Конан остановил коня.

Воздух был чист и прозрачен, словно тончайший хрусталь. Вокруг стояла умиротворенная тишина, только невидимый соловей выводил свою изысканную балладу — извечный предмет зависти поэтов всех времен.

Конан прыгнул с коня и, нахмурившись, огляделся вокруг.

— Ты совершенно прав, друг мой,— не сразу откликнулся он на восклицание Просперо.— Здесь прекрасно!

— Клянусь своим титулом! — восторженно крикнул граф.— Я прикажу выстроить здесь охотничий домик, и когда почувствую, что уже ни на что не годен, поселюсь на берегу этого дивного озера... Послушай, Конан, если ты в самом деле решил отказаться от трона в пользу сына, то вот чудеснейшее место, где мы можем состариться и умереть...

Конан с улыбкой покачал головой.

— Нет, друг,— сказал он с необычной для него мягкостью,— такой конец не для меня. Я, действительно, скоро откажусь от престола и объявлю сына королем Аквилонии. Мальчик достоин меня, и страна окажется в хороших руках... Дело это решенное. Но тихо состариться, даже в таком прекрасном уголке... Нет! Я еще могу крепко держать меч в руках.

— Ты хочешь сказать?..

— Да, я хочу собрать старых вояк, таких же как я, и снова оседлать коня... Или поднять паруса! Мы уйдем в неизведанные дали и погуляем там под старость лет. Кром призовет меня не из постели, а с палубы корабля!

Просперо сокрушенно вздохнул.

— Ты так и остался варваром, Конан.

— Да! И горжусь этим. Единственная смерть, достойная мужчины — это смерть в бою.

Коня расседлали, достали из седельных сумок припасы, которых оказалось вполне достаточно, чтобы утолить голод двух человек.

Пока разводили костер, почти совсем стемнело.

Конан последний раз окинул взглядом долину и, сев рядом с Просперо, с рассеянным видом потянулся к копченым бараньим ребрышкам.

— Тебя что-то тревожит? — спросил граф.

— Что?.. Нет.— Конан впился крепкими зубами в мясо, задумчиво прожевал и проглотил изрядный кусок.— Во всяком случае, никакой опасности я не чувствую, если ты об этом. Просто... Просто не могу отделаться от мысли, что я тут не в первый раз.

— И когда же ты здесь был? В позапрошлом году?

— Нет. Раньше. Много раньше!.. А может и не был. Знаешь, я столько скитался по свету, что немудрено спутать одно место с другим. Может, я видел подобное где-нибудь в Кхитае!

Конан замолчал и больше за весь ужин не произнес ни слова. По его нахмуренным бровям и отсутствующему взгляду Просперо понял, что король сейчас перелистывает страницы своей юности, и тоже молчал, не желая ему мешать.

— Кром! Бывает же так — какая-то мелочь, а не дает покоя,— отмахнулся Конан от привязавшейся мысли.

— А что ты мог здесь делать?

— Не помню! А что, по-твоему? Не цветочки же собирал!

Едва эти слова сорвались с его губ, как Конан вдруг страшно изменился в лице. Кинжал, которым он помогал себе за едой, выпал из его пальцев, глаза уставились куда-то за спину Просперо.

Граф мгновенно вскочил, оборачиваясь и выхватывая шпагу из ножен.

Никого.

— Конан? Во имя Митры...

— Цветок!... — услышал Просперо хриплый голос короля. — Лепестки, окрапленные кровью, отворяющие Дверь Миров, и... Таврония! Кром!

Король вдруг схватил голову руками и застыл.

Перепуганный Просперо кинулся к нему.

— Конан... Ваше Величество! Что случилось?! Конан, разорви тебя Сет, приди в себя, наконец!

Конан медленно отнял руки от лица, и граф увидел, что король Аквилонии все-таки стар.

— Все в порядке, Просперо. Я просто вспомнил... Лучше бы не вспоминал.

— О чем?

— О том, что произошло со мной на берегах этого озера... в этом лесу. Тогда я подходил сюда с другой стороны, с востока, поэтому и не признал его сразу. Столько лет прошло... Да и не в годах дело. Воспоминания о тех днях были потерянны для меня — я не помнил почти ничего до этого дня! А сейчас...

— Вспомнил?

— Не все... Но я хочу вспомнить все до конца! И почему-то боюсь этого... Ложись-ка лучше спать, Просперо.

Граф не прекословил. Когда Конан говорил таким тоном, спорить с ним было бесполезно и небезопасно.

Снедаемый любопытством и, отчасти, беспокойством, Просперо улегся на расстеленный плащ. Усталость давала о себе знать, и графа сразу потянуло в сон. Последнее, что он видел, был Конан, сидевший на камне, сутулый, огромный, освещенный пламенем костра. Голубые глаза короля — глаза варвара-киммерийца — неотрывно смотрели на пляшущие языки пламени, губы беззвучно что-то шептали.

Веки Просперо закрылись. Граф уснул.

* * *

Конан на дух не переносил ни колдунов, ни их темных дел. Других дел, кроме темных, по разумению семнадцатилетнего варвара, у колдунов и чародеев просто и быть не могло.

Поэтому, когда к его столу подсел мелкий, невзрачный старикашка и с невероятно мерзким хихиканьем представился: "Гонза, придворный маг Правителя Офирского", настроение у киммерийца сразу испортилось.

А так хорошо было, пока не появился этот плюгавый старик! Карманы полные денег — Конан в прошлую ночь потрудился на славу — красивая девчонка, устроившаяся у него на коленях, заискивающая улыбка хозяина таверны, который за каждую кружку вина получал стоимость чуть ли не целого обеда, сладостный для слуха варвара шум постоянного двора.

С приходом колдуна, Конан почувствовал себя отрезанным от всего этого.

Девчонка, прижимавшаяся к его широкой груди, куда-то исчезла, едва чародей открыл свой вонючий рот с остатками гнилых зубов, даже шутить в зале стали поменьше — но это, возможно, Конану просто показалось.

Зато хозяин сразу подскочил к ним с резвостью необъезженного жеребца, перегибаясь пополам в пояснице, но сказать ничего не мог, только губами шлепал и выкатывал глаза.

— Кувшинчик лучшего вина для моего друга. Ты позволишь называть тебя другом, юноша?

Конан почувствовал острое желание проверить на прочность череп колдуна. Ну, хотя бы вот этой обглоданной костью.

— Мой друг,— продолжал между тем старик,— прежде всего, хочу выразить свое восхищение — хи-хи! Твоя слава докатилась от Аренджуна и Шадизара до наших мест. В таком юном возрасте и так — хи-хи! — прославиться! Говорят, что ты заткнул за пояс самого Тауруса — немедийца, прозванного королем воров. Я в это — хи-хи! — не верил...

— Почему это? — набылся Конан: "В конце концов, можно двинуть этого червяка кулаком... а то костью, пожалуй, и убить можно — разбирайся потом со стражниками".

— О, сейчас я вижу, что был не прав! Одного взгляда достаточно, чтобы — хи-хи!..

— Слушай, колдун, или ты прекратишь свое хихиканье или, клянусь Кромом, я забью его

тебе в глотку вместе с остатками зубов,— зарычал Конан и стал вставать из-за стола.

— Спокойнее, спокойнее, мой юный друг,— Гонза продолжал улыбаться, но в его бесцветных глазах мелькнуло нечто, похожее на угрозу.— Горячность иногда вредна... Можно упустить выгодное дело!

— Какое дело? Ты о чем это? — насторожился киммериец.

— Сначала отведай вина. Даю слово, такого ты еще не пробовал. Я-то знаю, что у этого проходи,— кивок в сторону хозяина таверны,— есть вино, которое он не выставляет в зал.

Конан покосился на кубок, облизнулся, но пить не стал.

— Какое дело? — требовательно повторил он.

— Надо кое-что украсть для меня,— пожимая плечами, ответил колдун. Больше он не хихикал.

Прищурив голубые глаза, Конан пристально смотрел на чародея. Гонза молчал, постукивая пальцами по столу. И хотя внешне колдун казался спокойным, постукивание выдавало его волнение. Преодолевая неприязнь, Конан все-таки задал вопрос:

— Сколько?

— Вот это называется деловой подход, хи... хм, да... Я люблю людей твоего склада. Что ж на прямой вопрос, нужно давать прямой ответ. Три тыщи...

Услышав сумму, Конан перестал прищуриваться, наоборот, глаза его округлились.

— Дело трудное,— предупредил Гонза.

Колдун ждал. Конан все еще боролся с желанием отделаться от старика. Но — три тысячи золотых!

— Конечно, за такую сумму можно нанять двух, и даже трех людей,— небрежно бросил чародей.— А еще говорят, что в Шадизаре появился знаменитый Соркат из Арэнджуна, так что, если ты по каким-то причинам...

— Соркат проспал свою удачу! — рявкнул Конан.

К несчастью, он произнес эти слова слишком громко.

Шуметь в зале вдруг перестали, и это уже Конану не показалось. В самом воздухе таверны повеяло чем-то недобрым.

Из-за соседнего стола поднялся изящный молодой человек лет тридцати с волнистыми белокурыми волосами до плеч, изысканно одетый. Мягко ступая высокими, начищенными до блеска сапогами по грязному полу, он подошел к Конану и слегка поклонился.

— Соркат — это я,— негромко произнес он, положив руку на эфес длинной зингарской ламиры.

Конан почувствовал, что багровеет. Плохое настроение и винные пары сыграли с ним дурную шутку: он попал в глупейшее положение. Обычно его ответ, словом или мечом, не заставлял себя ждать, но сейчас киммериец молчал, судорожно сжимая и разжимая свинцовые кулаки.

Сорката это видимо забавляло.

— Мы ведь не знакомы? — учтиво спросил он у варвара.

— Нет,— выдавил из себя Конан, искоса поглядывая на Гонзу.

Колдун с большим интересом слушал их содержательную беседу. Его маленькие глазки так и поблескивали от удовольствия.

— Оскорбить незнакомого человека, к тому же за его спиной — весьма недостойный поступок,— назидательно произнес аренджунец.— Скажем больше — это свинский поступок? — продолжал он, и это было его ошибкой, не стоило перегибать палку.

Бешенство, клочотавшее в груди киммерийца, выплеснулось наружу.

Варвар встал. Он был на голову выше Сорката, которого никак нельзя было назвать низкорослым. Аренджунец слегка нахмурился, но не отступил.

— По-моему, тебе лучше убраться на место,— прорычал Конан.

На лице вора пробежала легкая тень досады. Видимо, так просто поставить на место этого неотесанного верзилу ему не удастся. Что ж...

— Юноша,— вкрадчиво произнес он.— Хорошим манерам тебя может научить лишь хорошая трепка.

В следующий момент медвежья лапа Конана легла на плечо зарвавшегося вора, и Соркат очень удивился, почувствовав, что его ноги отрываются от пола. Удивление длилось недолго — ровно столько времени, сколько потребовалось

ему, чтобы долететь до ближайшего окна. После встречи белокурой головы с оконной рамой — на счастье аренджунца, ставни из-за духоты были распахнуты настежь, — а чуть позже — с мягкой после недавнего дождя улицей, удивление на его лице сменилось умиротворением, и Соркат без чувств рухнул в грязь.

После гробовой тишины таверна взорвалась диким шумом. Кто орал, кто стучал кулаками по дубовым доскам столов, кто топал ногами.

— Блестяще, мой юный друг! Потрясающе! Великолепно! — Старый Гонза хлопал в ладоши и захлебывался своим хихиканьем.

Разъяренный Конан схватил колдуна в охапку и швырнул его вслед за Соркатом, сопроводив полет не слишком изысканным, зато крепким и точным выражением на родном языке.

Все-таки Конан не любил чародеев и ничего не мог с этим поделать.

Четверо угрюмого вида мужчин в серых туниках, сидевших за одним столом с аренджунцем, вскочили с мест и бросились к киммерийцу. Блеснула сталь.

Конан обернулся к нападавшим, но кинжал одного из них успел задеть плечо варвара. Киммериец перехватил запястье, сжал его, и человек издал дикий вопль, заглушивший хруст сломанной кости. Крик тут же прервался, так как Конан успокоил бедолагу кулаком по голове. Подручный Сорката мешком свалился на пол.

Меч висел у киммерийца за спиной. Миг — и стальной вихрь заставил податься назад осталь-

ных менее расторопных — или более осторожных — противников.

Конан издал боевой клич, тот самый, который рвался из сотен киммерийских глоток чуть больше года назад, заставляя в ужасе разбегаться закаленных аквилонских солдат в Венариуме.

Дикий рык варвара ударился в низкий закопченный потолок, вырвался в разбитое окно и был услышан нарядом городской стражи.

Тем временем Конан перешел в наступление, прыгнув следом за пятившимися бандитами. Киммериец был в своей стихии: ноздри бешено раздувались, голубые глаза метали молнии. Он двигался с таким проворством, что его противники, а их оставалось трое, оказались бессильны противостоять неистовому напору. Когда упал еще один, пронзенный мечом насквозь, двое чудом уцелевших решили спастись бегством и бросились к двери.

Прочие посетители таверны только сейчас поняли, что на их глазах происходит смертоубийство — так быстро события сменяли друг друга, — и в панике бросились кто куда. Визг женщин, грохот опрокидываемых столов и бьющейся посуды, всеобщая давка и сумятица не дали возможности Конану покончить с удиравшими ворами. Пока юный варвар раскидывал толпу, они успели выскочить за дверь. А когда Конан с окровавленным мечом выбежал в ночную духоту улицы, его ожидал неприятный сюрприз в виде нацеленных в грудь наконецников копий.

Однако остановить разбушевавшегося киммерийца таким пустяком было трудно. Конан широко взмахнул мечом, превращая копы в весьма удобные ручки для метел — наконечники с мелодичным звоном посыпались на землю — и с ревом бросился на опешивших стражников.

Командир отряда поднял над головой саблю, пытаясь отразить удар огромного меча, но он не учел гигантской силы варвара: клинок разлетелся на куски, а лезвие из синеватой стали разрубило шлем и погрузилось в череп заморийца.

Высвободив оружие, Конан бросился бежать. У него не было никакого желания драться со стражниками. Их командира он даже пожалел мимоходом — попался же под руку... А ведь все из-за колдуна, чтоб он свернул себе шею!

Настроение у киммерийца испортилось окончательно.

* * *

К великому сожалению Конана, старый Гонза не сломал себе шею. Колдун вообще себе ничего не сломал, так как приземлился на отдыхающего под окном Сорката. Знаменитый вор, уже собиравшийся очнуться, снова погрузился в блаженный сон, из которого его не вывела ни яростная ругань чародея, ни боевой клич киммерийца, ни погром учиненный в таверне.

Устав ругаться, Гонза устроился поудобнее на постанывающем аренджунце и прислушался.

— Ушел, паршивец. Хвала Сету, цел остался. Дорого бы я дал, чтобы этот щенок уже завтра

болтался в петле, но он мне нужен! Именно он, проклятье! Жаль, что сегодня не получилось, придется хорошенько подумать, как подступиться к нему снова. И почему это он меня так сразу невзлюбил?! Еще этот аренджунский петух не вовремя оказался рядом!

Колдун со злостью ткнул несчастного Сорката кулаком под ребра.

— А может, он... Нет, звезды ясно сказали! Мне нужен Конан, разорви его Сет! Но клянусь своей печенью, как трудно иметь дело с варварами!

Покряхтывая Гонза встал на ноги. На соседней улице его ждали носилки и четыре дюжих раба-шемита, которые без дальнейших приключений доставили старого колдуна к его дому.

Гонза снимал несколько комнат неподалеку от дворца правителя Заморы. Он и в Офире жил рядом с дворцом, чтобы офирский владыка всегда мог иметь его под рукой.

Однако службой своей Гонза был не слишком обременен — Его Величество не страдал отсутствием самоуверенности и в чьих либо советах нуждался редко, чаще полагаясь на собственную голову. Он искренне думал, что маг может делать золотые монеты с его профилем прямо из воздуха, и всякий раз удивлялся, когда приходилось подписывать бумаги, по которым чародею все-таки причиталось небольшое жалование. Впрочем, Гонзе этой суммы вполне хватало. Делать золото из ничего он не умел, вернее не желал, относясь к желтому металлу с презрением и

видя в нем лишь средство для достижения своих целей.

Пока что цели не слишком облегчали его карман, ибо Гонза был колдун не совсем обычный. Он был чужд власти и не жаждал богатств, занимаясь искусством только ради самого искусства. Мир давно перестал его интересовать. В свою очередь миру тоже не было дела до маленького плешивого мага. Гонза не был известен заморским правителям, и хайборийского мира.

Знали его только жители офирской столицы. Знали — и боялись. Его часто видели на улицах, семенящего, потупившего взгляд, что-то вечно бормочущего себе под нос и непрестанно хихикающего. Ему запросто могла придти в голову идея проверить на первом встречном свои теоретические выводы.

Случалось, и проверял на первых порах. Очень скоро горожане усвоили, что под ногами мага лучше не путаться: теперь улицы, по которым он совершал свои прогулки, пустели в мгновение ока, лишь только раздавался крик: "Идет плешивый!"

Пробовали жаловаться правителю. Как-то Гонзу даже призывали к ответу. Колдун явился, раздраженный тем, что его оторвали от чтения древних манускриптов. Трясущиеся от страха горожане, тыкали в него пальцами и что-то говорили судьям. Морщась, будто от зубной боли, Гонза терпеливо выслушал и ничего не понял из их слов. Разозлившись, он одним взмахом руки заставил горожан замолчать.

— Ваше Величество,— заявил он.— Сейчас я очень занят. Пусть уважаемые свидетели лучше подготовятся к своей речи и излечатся от заикания. Тогда мы сможем закончить это дело быстрее и не отнимать драгоценного времени ни у вас, ни у меня.

И ушел. Обвинители продолжали молчать. И немудрено: каменным языком немного наговоришь.

Эта история весьма позабавила владыку, и он простил Гонзе его дерзкую речь.

При всех своих чудачествах, Гонза не был сумасшедшим. Холодный ум и железную волю подогревало еще одно чувство — тщеславие. Маг знал себе цену, и его уязвляло то, что он практически безвестен. Он жаждал славы, но славы заслуженной.

Он был горд, маленький колдун из Офира.

И не терпел глупых, с его точки зрения, проволочек. То, что Конан вышвырнул его в окно, разбудило в нем гнев не потому, что киммериец посмел поднять на него руку, а потому что из-за досадной драки в таверне откладывалось на неопределенный срок начало задуманного им нового опыта. Нет, не опыта — деяния! Которое прославит его имя в веках.

Существовало несколько способов заставить варвара выполнить его волю. Гонза выбрал самый простой. Справившись с первым приступом гнева, колдун решил не наказывать киммерийца и не запугивать его, как он собирался поступить сгоряча.

Поэтому нужно действовать как и прежде — соблазнять варвара щедрой платой. Он сыграет с киммерийцем в открытую — северные варвары ценят честную игру. Рассказать Конану все или почти все, и если понадобится — увеличить награду.

А сейчас нужно узнать, где находится киммериец. Это просто...

Конан ночевал в какой-то захудалой таверне далеко от злополучного постоялого двора. Спал он по-звериному чутко, положив рядом с собой обнаженный меч.

Под утро он вдруг проснулся, как от подземного толчка. Внезапно в закрытой комнате возник воздушный вихрь. Варвар тут же спрыгнул с постели. Грозно сверкнул в полумраке огромный меч.

— Тихо, мой юный друг, — раздался знакомый голос. — Не следует будить весь дом.

— О, Кром! — застонал Конан, — это опять ты?! Как ты сюда попал?

— Не через дверь, — спокойно сказал Гонза, присаживаясь на табурет. — Есть другие способы, чтобы оказаться в запертой комнате. Не забывай, кто я.

Конан наморщил лоб.

— И хотел бы, да не могу. Слушай, колдун, оставил бы ты меня в покое?

Лезвие меча многозначительно качнулось.

Колдун захихикал, но тут же спохватился. Он выглядел утомленным: под глазами набрякли мешки, лицо было бледным, осунувшимся.

— Мне показалось, что мы пришли к соглашению вчера вечером, и если бы не вмешательство этого Сорката, сейчас бы ты уже скакал к аквилонской границе, радуясь звону золотых в кошельке... Присядь, храбрый варвар, давай поговорим спокойно. Я не понимаю, ну почему ты так упрямишься? Ты часто рискуешь жизнью за гораздо меньшую сумму.

Конан сел на кровать. Меч, однако, не убрал, держал на коленях.

— Не люблю иметь дело с магами, — откровенно признался он. — Мне кажется, что никто из вас не умеет играть по-честному. И вообще, один ваш дух приносит несчастье. Вчера все было хорошо, но вот появился ты...

— И ты получил удовольствие от славной драки, хи-хи!

Конан невольно усмехнулся, вспомнив выражение лица Сорката перед тем, как тот отправился в свой полет.

— А насчет честной игры... Суди сам, — продолжал колдун уже серьезным тоном. — Я расскажу тебе все. Слушай. В Аквилонии, недалеко от границы с Аргосом, среди гор лежит чудесная долина. Те места заселены довольно густо: Пуантен — богатейшая провинция Аквилонии. Но в долине никто не живет. Люди обходят ее стороной — не потому что боятся, а потому что просто не подозревают о ее существовании. Заклятие, лежащее на ней, не позволяет простым смертным даже приблизиться к долине. Их начинает... ну, как бы, уводить в сторону. Незаметно

для самого себя человек огибает ее и оказывается в другом месте, не подозревая, что прошел мимо заповедного края. В этой долине находится одна вещь, которую тебе нужно украсть и принести мне.

— Красивая сказка,— сказал Конан без всякого интереса.— А как я туда попаду?

— Это моя забота. Я наложу на тебя заклинание...

— Что?! Все, разговор окончен.

— Конан, ты не так меня понял...

— Окончен, говорю! Чтобы на мне использовались все эти колдовские трюки!..

— Дурак! — колдун вышел из себя.— Я просто открою тебе внутреннее зрение! Оно есть у каждого человека, но почти никто не умеет им пользоваться! Мне понадобились многие годы, чтобы им овладеть. Ты же, с моей помощью получишь этот величайший дар в один миг! Мало того, ты даже ничего не почувствуешь. Увидишь долину и просто будешь знать, куда идти! Понял?

Конан хотел встать, но взгляд Гонзы пригвоздил его к месту. Мышцы не повиновались могучему киммерийцу. Ужас и ярость овладели варваром. Как будто издавека до него доносился голос колдуна:

— Видишь, что я могу с тобой сделать? Оставить бы тебя таким истуканом... хотя бы до конца нашего разговора, чтобы ты не перебивал старших, мальчишка! Не хочу. Приятнее беседовать с живым человеком, а не со статуей.

Конан боролся изо всех сил, пытаясь вырваться из невидимых тисков, но не мог пошевелить даже пальцем.

Колдун устало горбился на табурете и с усмешкой за ним наблюдал. Увидев, что Конан прекратил, наконец, свои бесплодные попытки, он заговорил снова:

— Обещай только выслушать меня до конца. Если тебе мое предложение не подойдет, я тут же исчезну, клянусь! Пойду разыщу Сорката или еще кого, хотя жаль, конечно.

От хихиканья и ужимок мага не осталось следа. Перед Конаном сидел пожилой человек, беспрельдно утомленный его, Конана, упрямством и несговорчивостью.

Невидимые пути внезапно исчезли. Рука Конана судорожно сжала рукоять меча, но тут же отпустила.

— Ладно, говори дальше,— пробурчал киммериец.

— Вот спасибо! Итак, продолжим. Долину ты найдешь. Я дам тебе подробный план. А вот войти в долину будет трудно. Тебе же необходимо проникнуть не просто в долину, а в самую середину леса, который там растет. Там ты найдешь...— колдун вдруг запнулся.

— Ну? — буркнул Конан.

— Цветок... Цветок необычный. Увидев его, сразу поймешь, что я имею виду. Его нужно сорвать, вынести из долины и доставить мне. Собственно говоря, это все. Тысячу золотых и коня ты получишь прямо сейчас, еще две тысячи пос-

ле того, как Цветок окажется у меня. Можешь задавать вопросы.

— Вот спасибо! — передразнил мага Конан. — Ладно. По большому счету, мне все равно, чего красть — цветок, булыжник или еловые шишки. Но все-таки интересно, зачем он тебе?

— Ты бы лучше спросил, какие опасности могут там встретиться, — сокрушенно вздохнул чародей. — Не все ли равно, как я использую то, за что тебе будет заплачено? Но я обещал быть с тобой честным...

На самом деле, колдуна разбирало страшное желание поделиться хоть с кем-нибудь, пусть даже с твердолобым варваром, своим грандиозным замыслом. Ему хотелось увидеть в этих голубых глазах восхищение, потрясение — да что там, хотя бы просто свет понимания...

— Наверное, ты прав, — зевая, сказал Конан. — Что ж, давай про опасности.

Взгляд Гонзы стал стеклянным. После долгого молчания он заговорил каким-то надломленным, невыразительным голосом.

— В этой долине с незапамятных времен обитает нечеловеческое племя. Как они называют себя сами — неизвестно, да и неважно. Люди зовут их Бессмертными.

— Так они существуют на самом деле? — удивленно воскликнул Конан.

— Да, но их осталось очень мало. Живут они в местах, подобных этой потаенной долине, но на всей земле найдется едва ли еще десяток таких мест. Обитатели долины народ особый. Если дру-

гие Бессмертные, разбросанные по всему свету, черпают Силы в своих преданиях и, по сути, рано или поздно попросту сгинут, то народ Цветка выполняет особую и очень важную миссию. Они охраняют свой Цветок.

— Зачем?

— Неважно.

Конан хотел было напомнить колдуну, что тот обещал ничего от него не скрывать, но Гонза продолжал монотонно бубнить, и, поразмыслив, киммериец решил, что дела этих Бессмертных его не касаются.

— Днем и ночью вокруг Цветка стоит стража. Кроме того, в сам лес тебе не удастся войти незамеченным: тебя обнаружат сразу. Хотя, возможно, за прошедшие столетия бдительность Стражей ослабла и охрана носит лишь ритуальный характер, но лучше на это не слишком рассчитывать. Воины они умелые и из лука — излюбленного оружия — стреляют без промаха даже в темноте — ты это учти. И еще. Кроме Бессмертных ты можешь столкнуться, скорее всего не в самом лесу, а на подходе, с ужасными существами, которые не водятся нигде на Земле.

— Слушай, колдун, а почему именно я? Почему не ты сам? Деньги бы свои поберег.

Отвечая, Гонза был предельно честен:

— На тебя мне указали звезды и гадания на разных предметах. Несмотря на туманность и некоторую странность предсказаний, все-таки выходило, что только ты сможешь принести мне Цветок.

— А Соркат? — ухмыльнулся Конан.

— У него нет и десятой доли твоей удачи. Что касается меня, то мне нет хода в заповедную долину. Я — маг, и против меня может быть применено колдовство. Магия Бессмертных! Знаешь, что это такое?

— Нет.

— И я не знаю,— прошептал Гонза.— А вот они земную магию знают! Рожденный задолго до появления первого человека, этот народ обладает глубочайшей мудростью, и мне в открытой схватке с ними не устоять. Пока в моих руках не окажется Цветок.

В комнате воцарилось молчание. За окнами занимался рассвет. Конан встал и задул свечу. Потом обернулся к колдуну.

— Пять.

— Хорошо,— сдался Гонза.— Две тысячи сейчас, три — потом... Пошли. Выберешь себе коня, а вечером я подарю тебе внутреннее зрение и дам план. Завтра утром ты должен быть уже в пути.

* * *

Конан не особенно спешил. Солнце вставало двенадцать раз, прежде чем он добрался до границы с Офиром. На путь от Ианты до Шамара у него ушло вдвое меньше. Оказавшись в Аквилонии, этом богатейшем и сильнейшем государстве хайборийского мира, он невольно сравнивал ее с теми странами, в которых уже успел побывать: Гипербореей, Бритунией, Заморой, Офиром...

Особой разницы он не увидел. А вот Шамар, крупный город, стоявший на правом берегу Тайбора, произвел на него впечатление.

Здесь не было восточной пестроты и суеты. Прямые улицы, в большинстве своем замощенные, строгие очертания домов, на рынках степенные торговцы вели себя солидно и с достоинством. Часто попадались и закованные в латы отряды городской стражи.

Юный варвар с любопытством глазел по сторонам, попутно ища вывеску какой-нибудь таверны. Хотя едва перевалило за полдень, Конан решил заночевать в Шамаре и продолжить свой путь на следующий день.

Таверн хватало, только в них не было свободных комнат из-за огромного числа иноземных торговцев. Через Шамар в Тарантию и Зингару шли караваны из Немедии и Офира — ближайших соседей Аквилонии, а также из далеких стран: Заморы, Хаурана, Бритунии, и даже из загадочной мрачной Стигии и сказочной Вендии... Такое паломничество объяснялось удобным расположением города: Шамар находился в очень выгодном месте — на севере горы, на юге — горы, на юго-востоке — широкие полноводные реки. Естественно, что караваны шли самой короткой и удобной дорогой.

Не раз этим же путем приходили и вражеские армии. Поэтому Шамар — эти восточные врата Аквилонии, являлся еще и сильнейшей крепостью, обнесенной мощной и высокой стеной с множеством башен.

Наконец Конан нашел на окраине грязный и вонючий постоялый двор, где он получил комнату и обед для себя и своего коня. Наскоро перекусив, киммериец решил прогуляться.

* * *

— Тупица! — шипел Гонза. — Так он будет год добираться до Пуантена!

Колдун не выпускал Конана из виду во время всего его путешествия и места себе не находил от бессильного бешенства. Каждое убегающее мгновение раскаленным железом терзало сердце сгоравшего от нетерпения чародея.

Напрасно он старался успокоить себя рассуждениями, что времени у него в избытке. Днем раньше, днем позже — какая разница! Не помогло. Теперь, когда так близок был решающий миг, Гонзу охватила бессонница. Он чувствовал, что сходит с ума из-за проклятой медлительности своего посланца.

Это произошло на второй день отъезда Конана из Шадизара. В спальню мага тихо вошел раб и низко поклонился.

— Ну? — прорычал Гонза, не оборачиваясь.

— Господин, вас спрашивают, — прошептал задрожавший шемит. Смуглое лицо раба было серым от страха.

— Кто?

— Он сказал непонятную, очень странную вещь...

— Да говори же, чтоб тебя демоны сожрали! — взревел колдун, топая ногой.

— Он сказал: "Передай господину, что его просит принять человек, на котором он отдыхал под окнами таверны "Дохлая кошка" несколько дней назад".

Казалось, Гонзу хватит удар. Маленькие глазки колдуна выкатились из орбит, из горла вырвалось какое-то бульканье. Раб в ужасе повалился на колени.

— Соркат! — выдохнул чародей. — Наглец! Ну, сейчас...

Знаменитый аренджунский вор, ожидавший в приемной, так никогда и не узнал, как он был близок к смерти.

Внезапно Гонза взял себя в руки. Шальная мысль мелькнула у него в голове, и колдун ненадолго задумался. Лицо его постепенно приняло обычное насмешливое выражение.

— Хи-хи! — Гонза ощерил в улыбке свои гнилые зубы. — Знает рыбак, когда сети тянуть! А я чуть было эту рыбку не упустил, старый дурак! Удачно, надо сказать, этот вор появился, вовремя!

Он беззлобно пнул раба ногой.

— Зови!

Соркат вошел и отвесил чародею учтивый поклон. Внешне он был спокоен, но Гонза, читавший в людских душах, как в открытой книге, видел, что аренджунец от страха сам не свой.

— Прошу меня простить...

— Прощаю. Ближе к делу! Я тебя знаю. Ты — Соркат, всем известный вор. Итак, чего ты хочешь?

Опешив от такого приема, Соркат, тем не менее, быстро пришел в себя.

— Я видел вас в тот вечер, господин, в известной вам таверне с человеком, который смертельно оскорбил меня...

— И, вероятно, хочешь найти этого человека.

— Да.

— И рассчитываешь, что я тебе помогу. Не знаю, правда, почему ты решил, что я стану тебе помогать. Тем не менее, мой ответ — да, я тебе помогу. Но на определенных условиях. Первое. У тебя есть верные люди?

— Да,— Соркат все-таки растерял весь свой невозмутимый вид. Вор совсем был раздавлен таким напором.

— Нужно человек десять.

— Да.

— Второе. Я пойду с вами. Третье. Мои приказы выполнять беспрекословно. Четвертое. За нарушение приказа я караю смертью. Пятое. Киммериец мне нужен живым... на время. Потом можешь его убить. Наконец, шестое, все вы получите щедрую награду. Ты согласен?

— Да,— казалось, Соркат, позабыл все остальные слова.

— Сейчас иди. К вечерней страже будьте у моего дома. Выезжаем сегодняшней ночью. Тебе все ясно?

— Да.

— Иди... Да, вот еще что: ты знаешь как зовут этого юнца? — не получив ответа, Гонза продолжил.— Его зовут Конан из Киммерии. Думаю, ты

о нем слышал. Так что позаботься о том, чтобы твои люди были из тех, кто умеет обращаться с мечом.

Соркат вышел, переваривая услышанное и рискуя при этом заработать себе язву желудка. А Гонза возбужденно ходил по комнате и, потирая от радости руки, хихикая, восклицал:

— Удачно, хи-хи, очень удачно! Десяток головорезов будет нелишним подспорьем. В дороге всякое может случиться, а Соркат жаждет мести, и ради того, чтобы добраться до глотки варвара, пойдет со мной куда угодно. Как мы быстро договорились! Люблю, когда вот так — честно, по деловому... Да, но этим мерзавцам придется платить...

Немного погрузнев, Гонза уселся за стол писать прошение на Высочайшее имя с просьбой выдать ему незначительную сумму в счет причитающегося жалования.

* * *

Недолго Конан задержался в Шамаре. Пришлось ему как можно скорее уносить ноги из города, подарив своего коня хозяину той таверны, где он обедал. Времени зайти за ним у Конана не было: он торопился улизнуть от дюжины стражников, настроенных не слишком к нему дружелюбно. Уж больно непочтительно обошелся варвар с их командиром. Сам храбрый сотник в погоне участие не принимал по весьма веской причине — он валялся без чувств. Кулак киммерийца опустил на его голову, и все бы обо-

шлось легким сотрясением, будь у того хоть капля мозгов.

Такого исхода не ожидал ни киммериец, ни стражники.

Варвар быстрее справился с охватившим его смятением и бросился бежать. Солдатам понадобилось чуть больше времени, чтобы вспомнить, что нужно делать с человеком, проломившим голову аквилонского нобиля среди бела дня посреди людной улицы.

В общем, погоня поначалу отстала, но на беду Конана, за углом, он столкнулся с другим патрулем.

Пришлось пробиваться, это заняло время, достаточное для того, чтобы стража его нагнала.

Конан наконец вырвался, но солдаты не отставали более, чем на двадцать шагов. Прохожие путались под ногами у варвара. Расчищая себе путь, киммериец невольно облегчал продвижение и солдатам.

— Не везет, — думал Конан. — И чего эти твердолобые командиры все время попадают под руку? Еще недавно в Шадизаре, сегодня, вот, — в Шамаре?.. Кто же мог знать, что та девчонка, которую прилюдно мордовал сотник — его родная сестра?

Киммериец всегда относился к женщинам с почтением и не мог пройти мимо этой сцены. Девушка завизжала, когда стражник рухнул под его ударом и с воплем «О, мой брат! Мой любимый Орест!» упала на бездыханное тело. Времени чесать в затылке у Конана не было. Что-то нераз-

борчиво буркнув, извиняясь, он помчался прочь. За ним — солдаты, подгоняемые истощенными воплями несчастной сестры покойного.

В конце концов, киммерийцу удалось сбить стражников со следа, схоронившись за оградой какого-то дома. Солдаты пробежали мимо. За ними, к искреннему облегчению Конана, брел нетвердой походкой и их командир с наспех перевязанной головой. Бедняга, видимо, плохо соображал, и все время пытался заехать по уху поддерживающего его солдата. Тот ловко уворачивался от тумачков и случайно заметил выглядывавшего из-за ограды Конана.

— Сюда! Ко мне! — заорал стражник и, бросив своего командира, тут же распластавшегося на мостовой, ринулся ловить варвара.

Конану вновь пришлось убегать. Правда, сейчас стало легче — потянулись городские пустыри, где он мог бежать гораздо быстрее.

Благодаря выигранному расстоянию Конан подошел к Южным воротам Шамара неторопливой походкой, делая вид, что вопящая толпа солдат и присоединившихся к ним сердобольных горожан в сотне шагов позади его совершенно не интересует.

— Чего это они? — недоуменно спросил вислоусый стражник, выпуская Конана за ворота.

— Ловят, наверное, кого-то, — безразлично бросил киммериец, проходя мимо.

Очутившись за городскими стенами, Конан припустил во весь дух, направляясь к недалекому лесу.

Таким образом, киммериец оказался на хорошо наезженной дороге, имея при себе только меч и кошелек с золотом. Потеря коня его не слишком огорчала. Когда с тобой столько денег, можно купить себе хоть десять лошадей.

Но тут Конан просчитался. Ни в этот день, ни на следующий он не нашел себе коня. О, щедрая и богатая земля Аквилонии! Здесь забыли о голоде, здесь почти задаром можно было достать еду, отличное вино и прекрасных женщин. Здесь продавалось все, кроме лошадей. По крайней мере, к югу от Шамара. Этих благородных животных невозможно было даже украсть, по причине отсутствия их в деревнях, а за высокие стены замков Конан проникать не хотел. Затруднительно переправить четвероногую скотину через стену высотой двадцать-тридцать локтей.

Поэтому он шел пешком, проклиная свое невезение.

Через четыре дня Конан уже стоял на правом берегу Хорота, где начинались земли Пуантена. В первом же городке у первого встречного он спросил:

— Где я могу купить лошадь?

— Вторая улица направо, у Келата-барышника, — последовал доходчивый ответ.

Конан уныло вздохнул, развел руками и побрел дальше. Он так устал от невезения, что смысл ответа не сразу дошел до него. Только пройдя с десятков шагов киммериец вдруг осознал сказанное и, буквально подпрыгнув от радости, бросился в указанном направлении, не обра-

щая внимания на закатившую глаза и медленно оседающую на землю пожилую степенную горожанку, для которой крик варвара прозвучал слишком неожиданно.

В полдень довольный киммериец уже ехал на черной, как смоль, четырехлетке, горячей аквилонской породы. Цену он заплатил, не торгуясь, хотя позднее нашел ее непомерно высокой. Тем не менее, в этот день он направился спать в прекрасном настроении.

Спал он крепко, но чутко — как всегда. Впрочем, шум, раздавшийся посреди ночи, мог разбудить даже курильщика черного лотоса.

Конан мгновенно проснулся.

Прислушавшись, он понял, что тревога была ложной. Просто какой-то отряд верховых, прибывший в неурочное время, хотел получить то, что можно обычно получить на постоялом дворе — корм лошадям, ужин для себя и крышу над головой до утра.

Пожав плечами, Конан снова лег и закрыл глаза. Он уже стал засыпать, когда до его слуха донесся голос, вернее несколько голосов:

— А эта комната?

— Она занята, господин, но вот следующая...

— Благодарю, любезный хозяин. Вот возьми.

— О, спасибо, спасибо...

— Наши люди переночуют в общей зале. Проследи, чтобы у них было все.

— Не беспокойтесь! Сделаю, как прикажете.

— И скажи им, чтоб не слишком, хи-хи, веселились! — прозвучала фраза, произнесенная тре-

тым собеседником, доселе молчавшим.— Соркат, эта комната моя, ты устраивайся в другом месте,— и говорившие проследовали дальше.

Конан сел на постели и задумался. Недобрая усмешка заиграла на его губах.

“Соркат и Гонза?... Здесь, вместе! Аренджуец и маг... Что все это значит?..”

Мысли вихрем метались в голове варвара, гнев душил его, в какой-то миг Гонза мог сильно пожалеть, что связался с киммерийцем. Но Конан мудро отложил расправу на потом.

“Колдун мне за это еще заплатит... но позже”.

Складывалось все очень скверно. Однако неожиданное стечение обстоятельств давало ему шанс натянуть нос чародею и этому выскочке Соркату. Хорошо, что от Шамара он шел пешком... Ох, хорошо, благодарение Крому! Ясно, что колдун с аренджунцем намеренно идут за ним и вот нагнали в этой таверне.

А если они преследуют его, то почему не спросили о нем у хозяина таверны? Тот бы им с готовностью подтвердил, что высокий варвар преспокойно спит себе в своей комнате.

“Могут, конечно, спросить и с утра... Или у Гонзы есть свои способы узнавать, где я сейчас нахожусь?”

Улыбка сбежала с губ Конана, голубые глаза загорелись мрачным огнем. Вот сейчас колдун раскинет свои магические игрушки и узнает, что киммериец находится в соседней комнате.

Варвар вскочил и бросился к окну. Бесшумно отворил ставни и тенью скользнул во двор.

Действительно, закрывшись в своей комнате, Гонза принялся искать киммерийца. Для этого ему не нужны были никакие амулеты, пусть ими пользуются гадалки. Он просто поудобней устроился на скрипучем стуле, откинулся на спинку и закрыл глаза.

В первую ночь после отъезда из Шамары маг уже пробовал отыскать киммерийца — и не сумел. Несколько удрученный, но не очень расстроенный, он не стал повторять попытки, зато сегодня решил найти Конана во чтобы то ни стало. По его мнению, варвар хоть и двигался со скоростью черепахи, должен был уже подъезжать к долине, куда и он собирался прибыть завтра к вечеру.

Но они-то с Соркатом неслись ураганом с двумя сменными лошадьми в поводу. Гонзе казалось, что он рассчитал все верно, но колдун не мог знать, что от Шамара Конан шел пешком.

Словом, Конана он не нашел. Стиснув зубы, Гонза снова погрузился в транс, ощупывая пространство своим мысленным взглядом. В окрестностях долины варвара не было. Чуть ближе — тоже нет. Еще ближе ...

Колдун вздохнул и расплылся на стуле. Конан бережно поддержал обмякшее тело и пристроил его поудобнее.

За несколько мгновений до этого Конан наблюдал за сидящим за столом Гонзой в щелочку между ставнями. Маг сидел с закрытыми глазами, но не спал, это было видно по его тяжелому прерывистому дыханию.

Конан тихонько стукнул в оконную раму — колдун на это никак не прореагировал.

Решение пришло мгновенно — дерзкое, безумное, но единственно верное. Инстинктивно Конан понял, что маг пытается найти его, а этого бы киммерийцу не хотелось.

Открыть ставни было для варвара детской забавой. Он бесшумно проник в комнату и, осторожно ступая, приблизился к Гонзе. Киммериец мог и не осторожничать — колдун был далеко и не слышал бы даже грохота землетрясения.

Ласковый шлепок по затылку отправил чародея еще дальше — в царство сна и забвения. Конан постоял немного, потом выскользнул обратно в окно, не забыв прикрыть за собой ставни.

Теперь, когда Конан знал о предательстве Гонзы, он задумался, почему не убил колдуна, и тут же ответил себе на этот вопрос: "Бессмертные. Заповедная долина. Чудесный цветок. Кто знает, не исчезнет ли мой магический дар со смертью чародея?"

А ему очень хотелось взглянуть на эти чудеса. Киммериец был любопытен и, как это свойственно юности — тщеславен. Украсть у Бессмертных волшебный цветок — это дело достойное короля воров! А когда цветок будет у него в руках, тогда он еще поторгнется с магом.

Конан принял решение — ехать вперед, как будто ничего не случилось. Тогда в путь, и не откладывая, прямо сейчас. Хозяину гостиницы заплачено вперед, так что наутро он шум поднимать не станет.

Весь следующий день Конан провел в седле, нещадно подгоняя лошадь. И к исходу вечера был у цели.

Солнце садилось за вершины гор. Перевал, на котором киммериец остановил измученного коня, был залит последними отблесками заката. Внизу, в долине, которую рассматривал Конан, прикрывая ладонью глаза, уже сгущались ночные сумерки. Вокруг не было ни души. Покой и тишина царили в горах, только звенели в высокой траве неугомонные цикады. Медвяный аромат луговых цветов слегка кружил голову.

Конан тронул повод и шагом направил гнедого по пологому склону в долину. Туда не вело ни единой тропинки, но внутреннее зрение, дар офирского мага, не подвело. Киммериец был уверен, что идет по верному пути, и точный план местности, с которым Конан часто сверялся, это подтверждал. К тому же врожденный инстинкт варвара говорил ему, что он подходит к чему-то неведомому, даже запретному для простого смертного. Но пока никакой опасности Конан не чувствовал, здесь было что-то другое — чего он не мог выразить словами.

Пологий склон казался бесконечным. Киммерийца медленно и лениво обволакивала темнота, свет солнца сюда уже почти не проникал. Проезжая мимо небольшой дубовой рощицы, Конан решительно натянул повод.

— Довольно, а то придется искать место для ночлега в темноте, — пробурчал он себе под нос.

Быстро расседлав и стреножив лошадь, киммериец набрал валежника и развел небольшой костерок. Кусок вяленого мяса, пара черствых сухарей, да фляга, полная вина — что еще нужно усталому путнику? Перекусив, он лег в траву и, закинув руки за голову, стал смотреть на небо, где зажглись уже первые звезды.

Несмотря на день, проведенный в седле, спать ему не хотелось.

На душе было спокойно и легко. Конан гнал прочь мысли о старом колдуне и о таинственных и грозных Бессмертных. Просто лежал и смотрел в ночное небо, чему-то загадочно улыбаясь, совсем забыв об осторожности. Да разве может здесь что-то ужасное произойти?

А ведь может, как-то отстраненно подумал Конан. Гонза предупреждал... И, наверное, прав был колдун. Нет на земле такого места, где человек мог чувствовать себя в безопасности — даже в собственной постели.

Конан недовольно поморщился и запер эту вздорную мысль на самых задворках своей души. Огромное, перевитое тугими мышцами тело варвара расслабилось, глаза зарылись, и только на губах продолжала блуждать легкая улыбка. Сейчас Конан, успевший за свою короткую жизнь прославиться как храбрый воин и как искусный гладиатор, как победитель черного мага Нэша, известный всей Заморе вор, человек, убивавший не задумываясь, если считал это необходимым, выглядел семнадцатилетним мальчишкой, каким он и был на самом деле.

Сон варвара был крепок. Ничто не потревожило его до самого утра, когда первые веселые лучики солнца брызнули киммерийцу в глаза. Конан зевнул, потянулся всем телом и легко поднялся на ноги. Огляделся, ища глазами лошадь, и улыбнулся, увидев мирно щипавшего траву скакуна — нет, двух.

Его конь и еще один... кобыла, маловата для жеребца... Кром, солнце прямо в глаза... А что там у нее на голове? Да ведь это же... это рог!

* * *

“Ее звали Тавронией, и здесь она оказалась случайно. Прелестная долина, правда? Там, откуда она пришла, тоже было неплохо, но не так хорошо. Вообще-то ей нужно в другое место, но проходя мимо Двери Миров в момент, когда Дверь открыта — всего один шаг, и она оказалась тут. О, нет причин для беспокойства. Она может покинуть этот мир и вернуться в свой в любой момент. Но раз уж так получилось, почему бы не осмотреться как следует. Она ведь никому не помешает? Давайте знакомиться. Мое имя ты знаешь. А тебя зовут Конан? Очень приятно. Ты с севера. Из Ким... Киммерии. Прости, очень трудное название. Впрочем, я, наверное, слишком бесцеремонно роюсь у тебя в памяти, прошу извинить. Но, что мне делать, если ты молчишь? Это, право, даже невежливо... Может я тебя напугала?.. Что?”

— Интересно, сколько будет стоить эта шкура с рогом на шамарском рынке? — пробормотал,

немного пришедший в себя Конан.— Иди-ка сюда, лошадка!

“Тут, кажется, какое-то недоразумение... Шкура с рогом? Сколько стоит? Я, знаешь ли, никогда не задумывалась над этим вопросом... Ого, какой ловкий!”

Единорог подошла совсем близко к неподвижно стоящему Конану — только руку протяни. Он и протянул — но недостаточно быстро, еще находясь под впечатлением от услышанного. Правда, нельзя назвать “услышанным” то, что не можешь слышать ушами. Слова рождались прямо в голове киммерийца, настойчиво и не слишком приятно вторгаясь в его сознание.

Пытаясь ухватить Тавронию за рог, киммериец промахнулся. Единорог легким, очень грациозным движением уклонилась, и в кулаке у варвара оказался только медвяно пахнущий воздух заповедной долины.

“Нет, благородный Конан, меня ты не поймешь! И не надо меня путать с тем четвероногим животным, что тарашит на нас свои круглые глаза. Сходство между нами только внешнее... И то сказать, не очень-то мы похожи. Разве может он сравниться со мной?”

— Ну, ты и болтать! — зарычал Конан, раздраженный своей неудачей.— У меня уже голова разболелась! — Киммериец понял, что поймать единорога будет нелегко. Несмотря на болтливость, она была очень осторожна.— Чего привязалась? Иди своей дорогой! Не до тебя — мне ехать надо.

Конан сердито принялся собираться, решив не обращать внимания на незваную гостью.

Снежно-белая, без единого пятнышка, только глаза черные, и грива золотом отливает. Маленькая, стройная, с точеными копытцами и очень аккуратной, будто вырезанной искусным скульптором головой.

Но тонкие сильные ноги, и вырез раздувающихся от возбуждения ноздрей ясно говорили, знающему толк в лошадях киммерийцу, что в жилах единорога течет горячая кровь.

“Наконец-то ты оценил меня по достоинству.”

— Слушай, чего ты хочешь от меня?

“Ты очень груб, Конан из Киммерии. Скажи, ты со всеми женщинами так разговариваешь?”

— Когда я вынужден говорить с женщинами, то жалею, что я не немой,— пробурчал Конан, седлая коня, и вдруг неожиданно прыгнул.

На этот раз его бросок был точен. Тело варвара сбило Тавронию с ног. У единорога внутри даже что-то хрустнуло, когда Конан прижал ее к земле.

Крик Тавронии, прозвенел в голове киммерийца с такой силой, что у варвара заныли зубы.

Черная тень пронеслась над упавшими в траву киммерийцем и единорогом. Нападавший промахнулся, и это стоило ему жизни. Оттолкнувшись руками от бока единорога, Конан вскочил и всем телом подался вперед, выхватывая висевший у него за спиной меч. Клинок пронзил темно-бурую массу, и варвар разглядел то, что напало на них. Его чуть не стошнило.

Чудовище внешне напоминало гиену, только размером побольше, и зубы имело соответствующие: две острых пластины, каждая, как лезвие мясницкого тесака.

Все тело твари было покрыто слизью. На задних огромных лапах красовались серповидные когти, которые еще скребли по земле, оставляя глубокие борозды.

Меч вошел монстру в бок почти по рукоять. Конан вытащил клинок, инстинктивно отпрянул от дернувшейся лапы и одним ударом снес чудовищу голову. Резко обернулся. Таврония уже стояла и, растерянно моргая, смотрела на киммерийца.

— Берегись! — крикнул варвар, бросившись вперед.

Еще два охотника — Сетово отродье — изготовились к прыжку! Оба прыгнули одновременно. Но очень неточно. Конан проскользнул между ними, и монстры столкнулись друг с другом. Один тут же сомкнул свои челюсти на горле собрата. Пока он пытался откусить ему голову, варвар прикончил его самого. Огромный двуручный меч киммерийца замелькал с быстротой спиц в ловких пальцах умелой вязальщицы.

Вскоре все было кончено. Варвар, брезгливо морщась, вытер о траву покрытый резко пахнущей кровью клинок.

— Медведь! Увален! Чуть ребра не сломал!.. — напустилась на него Таврония и уже более дружелюбно добавила. — Спасибо Конан, ты спас мне жизнь.

Киммериец подумал, что, наверно, все женщины одинаковы, будь они хоть на двух ногах, хоть на четырех.

— Я тебе очень благодарна, — нежный “голос” Тавронии назойливо продолжал звучать в раскалывающейся от непривычного способа общения голове варвара.

— Ладно, — пробурчал Конан, — Прощай!

— Постой!

— Мне некогда! — отрубил варвар, вскакивая в седло.

Таврония легко догнала взявшего с места в галоп киммерийца.

— Послушай меня, Конан...

— Не хочу.

— Почему ты так враждебно ко мне настроен?

— Я к тебе никак не настроен. Просто у меня есть дело, а ты мне мешаешь, и от твоей бесконечной болтовни у меня голова трещит.

После такого грубого ответа Таврония надолго замолчала. Даже немного замедлила бег, оставив на десяток шагов. Конан решил не обращать на нее внимание. После встречи с “гиенами” он четко понимал, что в этой долине надо всегда быть настороже. Долина больше не казалась ему тихим и прекрасным уголком, хотя солнце светило по-прежнему, и пьянящий аромат цветов кружил голову, и радовала глаз красота этого затерянного в горах леса.

Красота часто обманчива — чем дальше Конан жил, тем больше в этом убеждался. Под восхитительной внешностью порой скрывались ядо-

витые шипы. Сейчас киммериец внутренне был готов к любому нападению.

Но пока все было спокойно. Вскоре Конан добрался до опушки леса и, натянув поводья остановил коня. Некоторое время он приглядывался и прислушивался, но ничего тревожного не заметил. Только легкий ветерок слабо покачивал ветки деревьев, весело щебетали птицы, да гудели трудолюбивые пчелы. Конь под варваром, опустив голову, мирно щипал сочную, густую траву. Таврония понуро топталась поодаль и, вроде бы, была больше угнетена грубостью варвара, чем какими-нибудь еще сюрпризами.

Конан шагом проехался вдоль опушки и примерно через пол-лиги нашел бьющий из-под земли родник с кристально чистой и необычайно вкусной водой. Здесь он расседлал и стреножил коня, а сам, покосившись на молчавшего единорога, решительно вошел в лес.

Варвар бесшумно скользил от одного дерева к другому, настороженно поглядывая по сторонам. Иногда он подолгу замирал на месте, если слышался подозрительный шум, но всякий раз убеждался, что тревога казалась ложной — то птица перепархивала с ветки на ветку, то проходил неподалеку какой-нибудь зверь, невидимый в густой листве. Один раз киммериец чуть не столкнулся с дикой свиньей, спешащей куда-то по своим делам с выводком весело похрюкивающих полосатых поросят. Кабаны пробежали совсем рядом с Конаном, но не почувствовали замершего в двух шагах варвара.

Направление к цветку Конану было известно. Киммериец, безошибочно ориентируясь по подмигивающему сквозь сплетение ветвей солнцу, двигался вперед.

И чем дальше забирался он в лес, тем сильнее крепло в нем какое-то странное новое, непонятное чувство, которое понемногу овладело им целиком, и наконец заставило остановиться в задумчивости.

Что-то тут было не так. Вот только Конан не мог понять, что же именно. На опасности у него было врожденное чутье. Но сейчас дело было не в них, скорее наоборот...

Чувства цивилизованного человека часто слишком грубы, чтобы предупреждать его о чем-то тайном и необычном. Другое дело — чувства варвара, которые сродни инстинктам дикого зверя.

Место, в которое попал Конан, было как раз из таких. И одного осознания этого было достаточно, чтобы киммериец решил не спешить.

Конан опустился на землю, держа меч наготове.

Медленно поворачивая голову из стороны в сторону, киммериец напряженно размышлял.

Отгадка оказалась проста и в тоже время глубоко поразила варвара и усилила его тревогу.

Лес — он везде лес. А тут... Трава, деревья, кусты — вроде все, как обычно. Птицы поют, звери бродят ...

Но где сухие деревья, где под ногами кости мертвых ветвей? Нет болот, нет лощин, нет ко-

лючих кустарников, даже паутины, вечно липнувшей к лицу, и той нет!

Понемногу в душе Конана начали сплетаться два противоположных чувства — восхищение и страх.

Восхищаться здесь было чем. Теперь Конан удивлялся, почему не заметил сразу невиданного никем из людей совершенства. Наверное, потому и не заметил, что даже не подозревал, что подобное существует. И никто бы не заметил!

Лес был очень старым. Могучие вековые дубы с морщинистой корой, огромные ветвистые клены, твердые, как сталь, самшиты, обрамленные моховой бородой густые вязы... Молодые деревья тянулись к солнцу — гибкие, стремительные, радующиеся жизни. Над ними крона лесных великанов была пореже, чтобы света и влаги хватало.

Конан опустил глаза. Трава была ровная, ухоженная. Ему уже стало казаться, что даже листья дубов и кленов вырезаны резцом с величайшей осторожностью, каждый листок, каждый лепесток цветка... Стволы, ветви и листья, трава и цветы сплетались в удивительный прекрасный узор. Конан видел затейливые орнаменты на роскошных восточных коврах и западных гобеленах, но сейчас они казались ему убогими.

Киммериец замотал головой — это уже слишком. И все-таки его взгляд, восхищенно скользя вокруг, убеждал варвара, что в этом лесу все создано нечеловеческими руками.

Но этот лес не производил ощущение парка. В нем чувствовалась древняя мощь, суровость и

тайна. И ключ к этой тайне находился, по мнению варвара, именно там, куда он направлялся.

Запах тайны, который почувствовал киммериец, звал его в самую гущу леса, на загадочную поляну, где рос невиданный никем из людей Цветок, которым так жаждал завладеть офирский маг.

* * *

— Он вошел в лес, — сказал Гонза Соркату. — Теперь нам остается только ждать.

— А сколько ждать? — спросил его арендунец.

— Не знаю, но, наверное, недолго — день, может два.

— А если он вообще не выйдет из леса.

Колдун зашипел, как рассерженная кошка:

— Он должен выйти. И должен принести мне...

— Что? — спросил Соркат, видя, что колдун замолчал.

— Тебе необязательно это знать.

— Да, — только и сказал вор.

Колдуна он побаивался, чувствуя в нем человека вспыльчивого и быстрого на расправу. Обратит в камень, и бросит здесь стоять истуканом до скончания дней. Не раз и не два проклял Соркат тот миг, когда ему в голову пришла мысль навестить Гонзу и расспросить его о киммерийце. Злость на варвара толкнула арендунца на этот опрометчивый поступок. Теперь он уже не желал мести, как раньше. Будь его воля,

он удрал бы от чародея давно, но страх заставлял его следовать за магом до этой самой Заповедной Долины.

Страх имел под собой основу: еще в начале их путешествия один из людей Сорката выразил недовольство очень уж капризным характером колдуна.

Гонза дал ему выругаться, а потом только пальцами щелкнул — и вместо живого человека, сильного здорового мужчины в седле закачалось каменное изваяние, чуть не сломавшее хребет несчастной лошади. Статуя грянулась о землю, и у нее отвалилась голова...

— Вперед, не останавливаться! — приказал Гонза. — У меня нет ни времени, ни желания спорить с вами или объяснять свои поступки. Я плачу деньги, ваше дело — выполнять мои приказы и думать только о награде, которую вы получите после того, как мы вернемся из Аквилонии.

Люди Сорката — двенадцать отъявленных головорезов — с тех пор повиновались колдуну с беспрекословностью, достойной похвалы самых требовательных аквилонских или зингарских начальников, крутой нрав которых вошел в поговорку. Но лица их при этом были настолько мрачны и угрюмы, что Соркат серьезно беспокоился: не выдержат — вспыхнет мятеж, что тогда?! Впрочем, делиться своими опасениями он ни с кем не собирался.

Отряд спустился в долину тем же путем, каким не так давно проехал Конан — и вскоре наткнулся на изрубленные тела "гиен".

— Ого! — произнес Соркат, оглядывая мертвых чудовищ. — Это что, киммериец их так?

— Кто же еще, — хихикнул колдун. — Не следует тебе искать с ним встречи один на один. Но не сомневайся, когда вы скрестите клинки, я буду рядом, и ты убьешь его без труда.

Соркат промолчал. На лицах его подельников читалось откровенное восхищение, смешанное с животным ужасом.

— За мной! — приказал колдун. — Здесь был еще кто-то, — пробормотал он себе под нос, пустив коня в галоп. — Кто-то или что-то... Я чувствую это. И оно ушло вместе с варваром. Странно... Полны чудес окрестности Двери Миров! Думаю, что я не зря взял с собой этих разбойников. Мечу киммерийца уже нашлась здесь работа, а далеко не всегда можно защитить себя магией, особенно если приходится обращать ее против чудовищ. А вот холодная сталь — останется сталью. Думаю, и этим мерзавцам еще придется себя показать!

* * *

По мере того как Конан углублялся в чащу, в душе его рождались и крепились новые, доселе неизвестные ему чувства. Перед его глазами разворачивались картины, одна прекраснее другой. Грубая натура варвара была не лишена своеобразной поэзии. Выросший среди холмов, лесов и скал дикой Киммерии он тоньше и глубже видел и понимал окружающий мир, чем цивилизованный человек. Поэт, иногда выезжающий за город,

мог описать в своих стихах красоту лесов или лугов в таких выражениях, которые киммерийцу никогда бы на ум не пришли. Но зато Конан знал — как хорошо после долгой охоты упасть на мягкую траву и, вытянувшись во весь рост, глядеть в лазоревое небо, бездумно следя за плывущими в вышине облаками.

Да и как описать то, что каждое дерево, каждый куст и каждый цветок, каждая травинка в этом дивном лесу не просто росли, а жили своей собственной жизнью. Это надо увидеть, почувствовать.

Негромко переговаривались листья, тихо шелестела трава под ногами, смеялся прозрачный ручей, пробегая по перекатам... Человек был лишним в этом лесу. Конан чувствовал себя тут чужим. Обитатели долины — дикие звери и птицы совсем не боялись его, но замирали в немом удивлении и с укором своих по-человечески умных глаз провожали пробирающегося сквозь лес киммерийца. Конан видел это, и на душе его делалось неуютно.

Дверь Миров! В этом крылся намек на разгадку тайны. Впрочем, упрямый и любопытный варвар об этом как раз не задумывался. Бесшумной тенью он скользил в зеленом полумраке, пробираясь к намеченной цели. Конан шел уже долго, солнце достигло зенита, но в лесу по-прежнему царил прохлад.

И вдруг неожиданно киммериец вышел на открытое место. Небольшая поляна, покрытая роскошным цветочным ковром...

Больше варвар ничего не разглядел — перед ним возникла высокая фигура в зеленом плаще.

Не успев ни подосадовать на себя, ни даже вздрогнуть, Конан отпрянул в сторону, взмахивая мечом. Удар был стремителен и неотразим.

Широкое лезвие меча рассекло пустоту. Страж доказал свое превосходство, исчезая и появляясь как по волшебству. Киммерийца, впрочем, это не испугало.

— Остановись, смертный, мы не враги тебе! — прогремели под притихшим лесным пологом повелительные слова.

И Конан послушно замер, держа наготове меч, глядя прямо в бездонные глаза Бессмертного. Драться с ним действительно никто не собирался.

Страж был не один. Высокие, стройные воины, одетые во все зеленое, вооруженные луками и короткими мечами, все без доспехов. Капюшоны плащей откинута и длинные, вьющиеся волосы удивительного золотистого цвета падали им на плечи. Огромные, больше человеческих, глаза смотрели на пришельца без тени враждебности, с какой-то потаенной грустью.

Кроме глаз, Стражи ничем не отличались от людей, но Конану хватило одного взгляда, чтобы понять, что перед ним не люди. Варвар не смог бы объяснить, почему он так решил, тем более что в облике воинов, стоявших перед ним, не было ничего пугающего, скорее наоборот. Киммериец даже обрадовался, что не успел пролить ничью кровь.

Один из Стражей выступил вперед.

— Я — Андор, старший из Оставшихся. Кто ты, пришелец?

— Конан из Киммерии, — ответил варвар, отпуская меч.

— И ты пришел за Цветком? — Андор вздохнул и поник головой, и без того грустные глаза Бессмертного стали еще печальнее. — Пусть слушается то, что предсказано. Можешь взять его.

Конан решил, что ослышался.

— Ты ожидал другого? Готов был сражаться и даже погибнуть, но добиться своего? Нет. Пришла пора. Дверь Миров скоро закроется. Мы уйдем, а ты станешь хозяином Цветка. Я даже не спрашиваю, что ты собираешься с ним делать.

— Но почему? — Слова вырвались сами собой.

Конан оказался не готов к такому повороту событий. "Должно быть, здесь какая-то ловушка."

Андор будто прочел его мысли.

— Мои слова правдивы, мы не умеем лгать. Тебе нечего нас опасаться.

— Почему? — Этот вопрос бился в голове варвара, будто птица о прутья клетки.

— Пришло время, — был ему ответ. — Это решено не нами и не здесь. Мир стал другим. Исчезли старые силы, и на смену им пришли новые. Мы не властны над ними. Чтобы сохранить равновесие, нужно навеки закрыть Дверь Миров. Для этого надо сорвать Цветок. Но сделать это должен тот, кому передадим мы мир Земли. Хорошо, что ты сам пришел, человек. Иди же и делай свое дело.

Гонза с разбойниками расположился недалеко от опушки леса.

Усталые бандиты, пользуясь передышкой, повалились в траву, даже позабыв выставить часового. Да и чего им опасаться, если сам Гонза спокойно метался по лагерю, не думая об отдыхе. С такой охраной никакие чудовища им не страшны.

— Что-то не так, — бормотал колдун. — Я чувствую — что-то не так! Что? Киммериец в лесу. Он еще не погиб — я бы знал! Судя по солнцу, он уже должен быть недалеко от цели. Если его не задержат Стражи, он сорвет Цветок и принесет его мне, и тогда я буду... Рано! Рано об этом думать, старый ворчун. Может случиться еще все что угодно... Если уже не случилось. О, небеса и бездна, я умираю от беспокойства. Конечно, можно проследить за варваром... это проще простого, но мою магию неминуемо почувствуют Стражи, и что тогда? А что тогда? Что они могут мне сделать? Ох, лучше уж не думать об этом! Но... другого выхода нет! Я чувствую, что удача уплывает у меня из рук, и не понимаю причин! Надо рискнуть.

И колдун, опустившись на земаю, привычным усилием воли погрузил себя в транс.

Конан стоял перед Цветком, словно в забытьи. В нескольких шагах за его спиной молча застыли Стражи.

— Он прекрасен, неправда ли? — тихо спросил Андор.

Цветок казался вырезанным из тончайшего хрусталя, но он был живым. Высокий стебель темно-розового цвета и такого же цвета девять листьев на нем, казавшихся бархатными и прозрачными. Столько же было и лепестков. Цвет их менялся на глазах: то они казались совершенно бесцветными, то начинали играть и переливаться на солнце радужными цветами, то вдруг темнели, наливаясь пурпуром, будто внутри лепестков текла теплая кровь. И в этой смене ярких красок чувствовался живой ритм. У Конана возникло ощущение, что он стоит рядом с бьющимся сердцем.

— Творение Высших Сил, никем не понятое до конца,— торжественно заговорил Андор.— Осколок прошлого, свидетель минувших эпох! Да свершится предначертанное! Возьми его, Конан из Киммерии, пусть он принесет тебе счастье и удачу.

Киммериец с силой провел ладонью по лицу.

— Но... Что же случится, когда я его сорву? — севшим в один миг голосом спросил он.

— Ничего,— пожал плечами Андор.— Приди ты чуть раньше, хотя бы на пару дней, тогда трудно вообразить себе все последствия, которые могли произойти, даже если бы ты только прикоснулся к нему. А сейчас не случится ничего... Сила Цветка умрет и закроется Дверь Миров; когда последний из Бессмертных уйдет туда, где нас давно уже ждут...

— А если я не стану его срывать? — спросил насторожившийся варвар, ему не очень-то понравился ответ Бессмертного.

— Не будешь? — удивленно вскинул брови Андор, и в его голосе явственно прозвучало беспокойство.— Разве ты пришел сюда не за этим? Объясни, почему?

Конан вместо ответа пожал плечами.

Андор долго молчал, пристально глядя в немигающие голубые глаза киммерийца.

— А зачем тебе вообще понадобился Цветок? — наконец спросил он.— Сейчас, конечно, это не имеет значения, но...

— Собирался получить за него три тысячи золотых,— усмехнулся Конан.

— За Цветок?

— Да, за него. Я только вор, Андор. Меня наняли сделать работу, за которую обещали хорошо заплатить. И я не хочу быть героем...— Конан замолчал, отвернувшись к Цветку.— Я вор и должен выполнять условия договора, но со мной с самого начала повели нечестную игру, так что моя совесть спокойна. Денег, я не получу, но зато от души посмеюсь, когда увижу рожу старого Гонзы!

Конан нахмурился и замолчал, удивляясь своему многословию.

Воздух вокруг Цветка внезапно задрожал,azole лепестков возникло какое-то призрачное мерцание, длившееся всего лишь несколько мгновений. Потом также неожиданно вновь стало все как и прежде.

— Конан, время уходит! — тихо произнес Андор и вдруг заговорил быстро и горячо. — Сорви Цветок! Это уже необходимо. Мы не можем этого сделать, мы — не люди, и любой из нас, сорвавший его, умрет. Ты же останешься невредим. Потом получишь свои деньги, будешь счастлив и богат!

Конан упрямо помотал головой. Андор снова открыл было рот, намереваясь продолжить уговоры, но тут на поляну грациозно ступая, вышла Таврония.

“Приветствую вас, о доблестные и мудрые Стражи. Привет и тебе молодой варвар. О чем вы тут спорите?”

Конан стиснул зубы, чтобы не взвыть и отвернулся.

* * *

— Вот оно что! — Гонза вышел из транса и, вскочив, воздел руки со сжатыми кулаками к равнодушным небесам. Маг затопал ногами, изрыгая самые черные ругательства. — Смещение равновесия! И именно сейчас! О, проклятые боги! Неужели ничего нельзя исправить?!

Внезапно колдун успокоился. Его могучий ум, ум ученого, взял верх над эмоциями. Времени оставалось очень мало, и нечего было тратить его на пустое сотрясение воздуха.

“Думай Гонза, думай быстро и принимайся за дело!”

Суть сводилась к тому, что само существование Цветка становилось опасным. Он должен

быть сорван, и тем самым Дверь Миров закроется навсегда. Опасность отступит, а с Земли исчезнет величайшее чудо.

Этого Гонза не мог допустить. Следовательно, планы его в корне менялись.

“Конан не должен срывать Цветок! И все-таки мне не везет... или наоборот? Приди я завтра, и было бы поздно, а сейчас еще можно успеть, или я себе никогда не прощу опоздания. Ну же давай, ты ведь истинный маг, не то что все эти, носящие черные мантии набитые пугала с бритыми черепами! Ты умеешь думать и действовать быстро! Сейчас ты должен превзойти сам себя!”

* * *

Если Бессмертные и удивились появлению Единорога, то по их лицам этого было не понять. Спокойно и чинно они ответили на ее приветствие, поклонившись низко, но с достоинством.

— Привет и тебе, о Мудрейшая, — сказал Андор. — Давно ты не появлялась у нас.

— Привет, болтуня, — буркнул Конан и усмехнулся, заметив недоуменные взгляды Стражей.

Таврония казалась взволнованной: перебирала тонкими, будто точеными копытами и резко вскидывала голову, увенчанную витым рогом. Варвар откровенно любовался ею. Более совершенного существа ему видеть не приходилось.

“Тревога гложет меня, — сказала Таврония. Слова ее беспокойным колокольчиком зазвенели

в голове киммерийца, и Конан весь сжался в комок.— Неужели вы, Стражи, этого не чувствуете?”

— Как не чувствовать? — сказал Андор, чуть заметно пожав плечами.— Равновесие смещено. Если не сорвать Цветок, может случиться непоправимое, а этот глупый человек...

“Я не о том,— нетерпеливо ударила копытом о землю Таврония.— Неподалеку отсюда вершится запретное!”

— Что? Колдовство? Рядом с лесом?! — молчавшие спутники Андора вдруг заговорили все сразу, и в их голосах звучало не то что волнение, а чуть ли не ужас.

Андор страшно побледнел. Его красивое лицо исказилось.

— Это Гонза,— махнул рукой Конан.

— Гонза? Он маг? — как-то отстранено спросил Андор. Глаза его смотрели куда-то сквозь киммерийца, на лбу выступили крупные капли пота.

— Ну да. Он шел вслед за мной всю дорогу, а вместе с ним — дюжина бродяг. Вас же больше, чего бояться?

— Ты не понимаешь,— один из Стражей мягко коснулся длинными, тонкими пальцами плеча варвара.— Мечи тут не решат ничего. Применять магию рядом с Цветком, в такой момент — значит настезь распахнуть Дверь, сделать проход в этот Мир свободным для существ, обитающих Вовне, кошмарных порождений Мрака и Темных Бездн! Чем сильнее колдовство, тем сильнее от-

ветная магия Цветка. Последствия этого просто невозможно представить...

— Нет такого чудовища, которому пришлось бы по вкусу добрая сталь! — упрямо сказал Конан.— Несколько тварей я уже встретил сегодня утром!

— Сколько ты видели? Тройх? Четверых? Десяток? В открытую Дверь их могут хлынуть тысячи!

Андор вдруг резко вскинул руки над головой.

— Андор, нет! — крикнула Таврония, одним прыжком оказываясь рядом со Стражем.— Не хватало еще, чтобы и ты...

Внезапно стало темно, затем снова посветлело, да так, что Конан, вскрикнув, прикрыл глаза рукой. И снова за клубилась багровая тьма. Киммериец не сразу понял, что кроваво-красный свет исходил от вспыхнувшего алым огнем Цветка.

* * *

Лица аренджунских головорезов стали серыми от ужаса. Они стояли тесным кругом, взявшись за руки. В центре круга, раскачиваясь, стоял Гонза, торопливо бормочущий последние слова заклинания. Разбойники, не боявшиеся ни огня, ни воды, ни мечей, ни стрел, ни виселицы, испытывали животный страх перед магией, недоступной их слабым умам.

— Не бойтесь ничего,— напутствовал их Гонза.— Сейчас мы перенесемся за три или четыре лиги отсюда. Там будут... люди, и другие существа, похожие на людей... Неважно! Мы появимся

неожиданно, они, кажется, не заметили моего вмешательства. Убивайте всех! Об остальном не заботьтесь! Когда мы победим, вы станете богатыми людьми. А тебе, Соркат, представится возможность сразиться с Конаном, хе-хе! Желаю удачи!

Гонза избрал кратчайший путь — он лишь чуть-чуть изменил пространство и переправит всех их на поляну. И мощное заклинание, доступное немногим в этом мире, было им произнесено...

Конана спасла только скорость, с которой варвар отпрянул в сторону, когда меч непонятно откуда взявшегося бородача, коротко блеснув в мерцающем свете Цветка, устремился к его горлу. Через мгновение бородач уже опускался на землю с расколотым черепом: киммериец не успев не удивиться, не вообще подумать о чем-либо, нанес ответный удар. Брызги крови попали на лицо варвара, на белоснежную шкуру Тавронии и оросили лепестки Цветка.

— Не-е-ет! — не своим голосом закричал, увидевший это Андор. И без того огромные глаза Стража еще больше распахнулись от ужаса.

Он вцепился скрюченными пальцами в свои прекрасные волосы и сделал шаг к Цветку.

Это был последний шаг в его жизни. Соркат ударил Стража мечом в спину, и Андор умер мгновенно.

Гонза рассчитал верно: несмотря на численное превосходство Бессмертных, исход схватки был предreshен. Появление вооруженных до зубов опытных и умелых разбойников было слишком

внезапным — через несколько мгновений половина Стражей полегла на залитую кровью, истоптанную траву, остальные едва ли долго могли бы противостоять стремительному натиску.

Над бездыханным телом Андора, в двух шагах от Цветка неподвижно застыли колдун и Таврония. На них никто не обращал внимания, да и они не смотрели друг на друга.

— Кровь на Цветке, — потрясенно шептал Гонза. — Кровь...

— Это конец, — как эхо отозвалась единорог.

Для них двоих схватка, еще кипевшая вокруг, уже не имела значения.

Тем временем трое оставшихся живых Стража во главе с киммерийцем бросились в отчаянную атаку на разъяренных головорезов. Одним ударом Конан расправился сразу с двумя врагами, перепрыгнул через их тела и оказался лицом к лицу с Соркатом.

— Киммерийский щенок! — бросил тот в глаза юному варвару.

Зингарская ламира метнулась вперед с быстротой атакующей кобры. Как ни ловок был киммериец, но отразить удар, нанесенный умелой рукой аренджунца, не успел. Клинок прочертил на груди варвара глубокую борозду.

Но Конан этого не заметил. Его тяжелый меч поднялся вверх и через миг — упал прямо на подставленную противником шпагу. Соркат успел защититься и снова атаковал, отведя меч киммерийца легким движением. Вор был весьма искушен в смертоносной игре клинков. Но и Ко-

нан, помимо силы и ловкости, немало на своем коротком еще веку преуспел в искусстве ведения боя. Следуя за движением своего меча, он сделал полный оборот с коротким шагом к противнику, и ламира Сорката прошла мимо цели. А в следующий миг меч с хрустом погрузился в открытую грудь аренджунца.

И тут тяжелый удар сотряс землю. Почва вздыбилась, лес застонал. На ногах не удержался никто. Живые попеременно с мертвыми мгновенно оказались в общей куче, где бессильно барахтались, отчаянно пытались встать на ноги или хотя бы отползти в сторону. Новые толчки валили людей на землю. Потом удары сменились мелкой дрожью, будто всю землю охватил озноб.

Вспыхнул яркий свет, совсем не похожий на солнечный. Весь мир сжался до размеров цветочной поляны и в этом мире, залитом мерцающим могильным сиянием, жутким черным пятном вспухло то, что еще недавно Бессмертные с благоговением называли Цветком — творением Высших Сил.

Оставшиеся в живых люди и Стражи ворочались в кровавой куче изрубленных тел — избитые, растерянные, раздавленные животным страхом. Сжимая в руке эфес, варвар встал на ноги и с ужасом посмотрел на Цветок, вернее на то, чем он стал.

Лепестки почернели, как сажа, став абсолютно, неестественно темными. Они шевелились, двигались в каком-то странном завораживающем танце, то удлиняясь, то вдруг опадая, но все же

неуклонно разрастались, заметно увеличиваясь в размерах. Стебель вместе с листьями усох прямо на глазах и, обломившись от соцветия, осыпался на землю горстью пепла.

Конан наконец догадался, что он видит перед собой.

— Огоны! — выдохнул изумленный варвар, протянув к цветку руку и ощущая нестерпимый жар. — Черный огонь!

— Черное пламя! — откликнулась, оказавшаяся рядом Таврония. — Это худшее, что могло произойти.

— Что это? — пробормотал Конан, отступая на шаг.

— Это — смерть! — завопил кто-то за его спиной.

Тем временем огонь лизнул поверхность земли, и сейчас же на этом месте возникла опаленная пламенем прогалина. Присмотревшись, Конан увидел, что это дыра, черная бездонная дыра, сквозь которую едва пробивался свет призрачных далеких звезд. Она стала расти — все быстрее и быстрее, пока не слилась с "Цветком" в один гигантский полыхающий костер.

— Остановите его! — снова раздался чей-то срывающийся вопль. — Во имя Митры!

Люди и единорог медленно отступали перед неспешным, но неотвратимым, как сама Судьба, наступлением черного пламени, не в силах отвести от него глаз. Вскоре на пути стихии оказалось окровавленное тело того самого бородача, сраженного Конаном в самом начале схватки.

Огонь — теперь он разгорался еще быстрее, яростно набросился на несчастного, и тогда случилось то, чего Конан, как ему казалось, уже не сможет позабыть никогда. Бедняга скорчился, потом забился на земле в страшных муках и жутко закричал! Незрячие глаза с мольбой уставились на киммерийца, а потом тело исчезло. На месте, где только что лежал убитый человек, воцарилась могильная ночь.

Кошмарный вопль, сорвавшийся с губ мертвеца, эхом отозвался в замершем лесу и прижал к земле жалкую кучку растерянных людей.

Кто-то бросился бежать... Конан даже не оглянулся.

“Сгорело то, что еще жило в его теле,— услышал Конан голос единорога.— Сгорела и его душа... В черном пламени горит все — земная твердь, души людей, души зверей, деревьев и трав”.

Налетел неожиданный ветер. Он дул в спину варвару, прямо на черный огонь, и тот радостно пожирал эту новую пищу...

— Гонза! — заорал Конан, краем глаза заметив знакомую тщедушную фигурку, стоявшую на четвереньках. Он подошел к колдуну, и схватив его за воротник, рывком поставил на ноги.— Сделай так, чтобы этот проклятый огонь...

— Невозможно, Конан,— варвар не сразу понял, что старик беззвучно плачет.— Сил всех земных магов не хватит, чтобы загнать черное пламя в ту Бездну, откуда оно явилось! О, Митра! Теперь ты не дождешься моей души, а быть

может...— голос Гонзы упал до шепота.— И до тебя оно доберется... Ведь ты земной бог, а все, что с ней связано, должно неминуемо исчезнуть...

Конан содрогнулся. Он не боялся смерти, веря, что после нее его ждут у престола Крома, а на земле и без него как-нибудь обойдутся. Но теперь киммериец пытался себе представить, как может статься, что не будет не только земли и его, Конана — не будет вообще ничего.

Даже Богов.

Даже памяти о Земле...

И вот тут Конану впервые по-настоящему стало страшно.

Лежащие на поляне мертвецы один за другим пожирались ненасытным огнем. Их крики и стоны способны были довести оставшихся в живых до безумия.

— О, Мудрейшая! Ты! — рядом с Гонзой и Конаном оказался один из Стражей, единственный, оставшийся в живых.

“Я готова,”— спокойно ответила Таврония.

Конан с изумлением взглянул на нее. Единорог вскинула голову и покосилась на варвара своим карим глазом то ли с жалостью, то ли с какой-то непонятной киммерийцу печалью. Но страха в ее взгляде не было.

“Держись за меня, Конан! Ухватись за шею — и крепко держись! Не отходи ни на шаг. А еще лучше... обними меня. Обними и не отпускай!”

Конан нерешительно положил руку на тонкую шею единорога.

“Крепче!”

Жар от пламени становился невыносимым, но он не походил на жар обычного огня. Черный огонь обжигал изнутри, выжигая и сердце, и душу.

Но прикосновение к нежной шелковой шкуре единорога неожиданно принесло облегчение. Конан слышал, как Таврония мысленно разговаривает с оставшимся в живых Стражем и Гонзой.

“Калев! — обратилась она к Бессмертному. — Встань ближе ко мне! Мне ведома твоя сила — она невелика. Но сейчас даже малая помощь может иметь решающее значение. Мы с тобой в этом мире чужие, и это повышает наши шансы на победу. А ты, Гонза... Гонза! Послушай меня!”

Старый колдун медленно поднял голову и долгим взглядом посмотрел в ее глаза. В его тусклых зрачках появился слабый огонек, будто жизнь, уже покинувшая тщедушное тело старика, снова вернулась к нему.

“Объединим наши силы. Ты был прав, говоря, что всей мощи земных колдунов здесь не хватит. Вашей магией пламя не остановишь. Но я и Калев не принадлежим земному миру. А ты... Ты один стоишь тысячи магов! Я это знаю, вижу твою Силу!”

Гонза подошел к ним и встал между Стражем и ею.

— Я всегда себя мнил лучше многих, — печально сказал он.

“Ты сам не знаешь пределов своих возможностей. Объедини свой разум с моим, и я покажу тебе твою истинную мощь! Если мы выступим

вместе, то клянусь Началом Начал, остановим огонь из бездны!”

Гонза прикрыл глаза рукой и замер... потом он покачнулся и вскрикнул, как показалось Конану, с восторгом.

— Нам надо спешить, — отняв руки от лица, произнес чародей.

Киммериец взглянул на него и поразился происшедшим с магом переменам. Рядом стоял не мерзкий вертлявый, вечно хихикающий насмешник, не раздавленный и сломленный судьбой человек, смирившийся со своим поражением, а мудрый старец с ясным, умным взором.

— Нам надо спешить, — рассеянно повторил Гонза и вдруг заговорил быстрой неразборчивой скороговоркой. — Я еще должен сказать пару слов киммерийцу... Не стану скрывать, Конан, что с самого начала я хотел использовать тебя как оружие, а затем убить и смочить твоей кровью лепестки Цветка, конечно, предприняв все необходимые меры предосторожности. Сейчас я не думаю, что мне бы удалось обуздать черное пламя... Прости меня, киммериец, и прощай!

— Пора, — сказала Таврония, и они вчетвером шагнули прямо в огонь.

Стена пламени поглотила их...

* * *

Конан спал, и ему снился сон.

Он вновь находился в том самом лесу, где рос Цветок, и где-то рядом с ним приоткрылась таинственная Дверь Миров.

Снова ослепительно ярко светило солнце и звонко пели птицы. Он шел куда-то, ни о чем не думая — нагой, безоружный — слыша чей-то далекий призыв, вернее страстный зов, которому сладостно было повиноваться. Он шел быстро, почти бежал, и ветки деревьев ласкали его мускулистое тело, возбуждая своими прикосновениями.

И вдруг появилась она... Робко, застенчиво выступила навстречу из-под темной сени листвы. Она была прекрасна. Даже в этом волшебном лесу красота ее казалась неземной.

Тоже обнаженная, она стыдливо прикрывалась рукой, но когда он подошел ближе, вдруг резко опустила руки и каким-то отчаянно ребяческим жестом, почему-то показавшимся ему до боли знакомым, вздернула голову. Глаза ее оставались прикрыты длинными трепещущими ресницами, а томный блеск пламенеющих губ говорил о сильнейшем волнении.

Он подошел к ней и взял ее лицо в свои ладони.

Ресницы поднялись и, увидев самые прекрасные на Земле глаза, наполненные слезами, он весь затрепетал, и огонь пробежал по его жилам.

— Почему ты плачешь? — тихо и ласково спросил он.

Она отозвалась не сразу — просто не смогла справиться с волнением.

— Я боялась... боялась, что ты не примешь меня, — прошептали одни ее губы.

— Но кто ты? — спросил он.

— Твоя мечта... — она несмело улыбнулась.

— Разве можно не принять мечту?

— Тогда обними меня, обними меня крепко! — вдруг страстно прошептала она, и две тонкие руки обвились вокруг могучей шеи варвара. — Когда я увидела тебя в первый раз, ты спал — крепко, словно младенец, а неподалеку пасся твой конь... И вдруг из глубины ночи повеяло смертью. И я поняла, что ты — тот, кто вместе со мной способен встать на ее пути — и выстоять... Я не ошиблась...

— О чем ты говоришь? — удивленно спросил он, нежно прижав девушку к своей груди.

— Неважно, — улыбнулась она, — теперь это в прошлом. Поцелуй меня!

Как сладко в кронах пели птицы!

* * *

Конан очнулся, с трудом приподнялся и сел, тревожно оглядываясь по сторонам. Первое, что он увидел, был черный круг выжженной до камня земли, на границе которого он лежал. Немного в стороне стояла Таврония.

Белая шерсть ее стала пепельно-серой, легкое изящное создание, сейчас она была похожа на дремлющую старую лошадь у ворот живодерни... Но Таврония не спала. Когда Конан, морщась от боли, встал и подошел к ней, она повернула к нему голову с огромными, все понимающими глазами. Конан, увидев их, стиснул зубы, стараясь не выдать нахлынувших на него чувств.

— Ты смогла, — только и смог сказать он.

— “Мы смогли,— поправила она. Ее голос прозвучал в голове киммерийца не серебряным колокольчиком, как прежде, а скрипом ржавых дверных петель”.

— А Гонза и Страж...

— “Погибли. Мы творили сильнейшую магию, чтобы одолеть черное пламя, но, черпая Силу из запретного Источника, заплатили высокую цену. Ты не чародей, тебе суждена еще долгая жизнь, а мы свой путь прошли до конца”.

Конан стиснул кулаки.

— И ты...— голос киммерийца дрогнул.

— “И я,— печально ответила единорог.— Вся разница лишь в том, что они уже умерли, а мне еще разрешено остаться. Сколько — не знаю, может день, может год... Я ведь не простая, болтливая лошадь, какой ты считал меня еще сегодня утром”.

— Мудрейшая...

— “Меня звали и так... У меня много имен и обликий”.

Внезапно Конан вспомнил свой сон.

— “Это был только сон”,— тихо произнесла она.

Конан порывисто вздохнул. Разочарование было написано у него на лице.

Таврония опустила голову.

— “Прощай, Конан из Киммерии. Мне пора уходить”.

— Я пойду с тобой,— решительно заявил киммериец.

— “Нет! У тебя иной путь, он начинается прямо сейчас. Иди и забудь обо мне! Иди же! Не застав-

ляй меня страдать еще больше. Твой конь ждет тебя на опушке. Прощай!”

Он не смел с нею спорить, уходил, не оглядываясь, нашел своего коня и не встретил ни одного из наемников Гонзы.

И киммериец прошел свой путь: стал королем, чье имя гремело от Зингары до Кхитая, забыв черное пламя, Гонзу, Сорката и... ее.

* * *

Просидев всю ночь у костра, Конан вспомнил все. Вернее — почти все: то, что случилось с ним после того, как черное пламя, что поглотило четырех смельчаков, было подернуто вечным забвением.

Небо на востоке посветлело, и вскоре солнечные лучи рассеяли предрассветный туман. День обещал быть жарким. Конан встал, потянулся, с удовольствием ощущая каждый мускул своего могучего тела, и в задумчивости посмотрел на сладко спавшего Просперо — будить или еще слишком рано?

Воспоминания больше не терзали короля. Надо радоваться новому дню, еще столько незаконченных дел, поэтому нечего графу Пуантенскому спать так долго. Конан уже намеревался дружески ткнуть Просперо в бок, когда за его спиной вдруг подозрительно хрустнула сухая ветка.

Киммериец стремительно обернулся.

На другом берегу ручья, всего в двух десятках шагов, он увидел лицо, обрамленное гривой ис-

синя-черных волос. Под густыми сросшимися бровями сверкали голубые, как вода северных озер, глаза, которые внимательно смотрели на него.

...молодой кентавр, полускрытый листвою высокого кустарника решил, что седой старый воин и его спящий спутник не стоят слишком уж пристального внимания, взбрыкнул копытами и исчез в буйных зарослях.

СОДЕРЖАНИЕ

Энтони Уоренберг
КЛЯТВА КИММЕРИЙЦА

Глава первая	7
Глава вторая	59
Глава третья	105
Глава четвертая	165
Глава пятая	183
Глава шестая	207
Глава седьмая	241
Глава восьмая	269

<i>Джей Болтон. Святилище пиктов</i>	297
<i>Черное пламя</i>	337

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙ БОЛТОН
ЭНТОНИ УОРЕНБЕРГ

**КОНАН
И СВЯТИЛИЩЕ ПИКТОВ**

Руководитель проекта Дмитрий Ивахнов
Составитель Наталья Баулина
Художник Владислав Асадуллин
Художественный редактор Игорь Богданов
Серийное оформление Дмитрий Вяземский
Верстка: Ирина Федорова
Технический редактор Валентин Успенский
Корректор Светлана Митина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.05.00.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Палатин». Печать
высокая с ФПФ. Бумага типографская. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1107.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем:
197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.
366720, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Кирова, д. 13
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32
от 27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
НПП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Читайте в серии
«Перекресток миров»
новые книги

**Константина Бояндина
Сергея Герасимова
Андрея Дашкова
Александра Зорича
Дмитрия Скирюка**

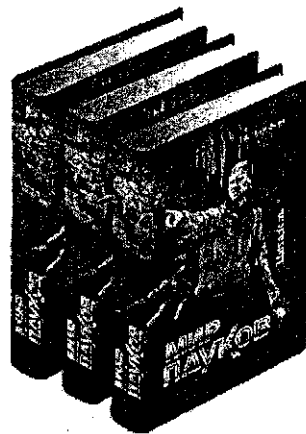

МИР ПАУКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:
«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАНИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА X

«ПАЛОМНИК»
НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

**ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»**

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САГА О КОНАНЕ

КОНАН
И АЛМАЗНЫЙ
ЛАБИРИНТ
31

КОНАН
И РАСКОЛОТЫЙ
ИДОЛ
32

КОНАН
И ЧАША
БЕССМЕРТИЯ
33

КОНАН
И ЛЕДЯНОЙ
СТРАЖ
34

КОНАН
И ТОРГОВЦЫ
ПРЕЗАМИ
35

КОНАН
И АЛТАРЬ
ПОБЕДЫ
36

КОНАН
И БИТВА
БЕССМЕРТНЫХ
37

КОНАН
И ПОЖИРАТЕЛЬ
ПЛОТИ
38

КОНАН
И БЕРЕГ
ПРОКЛЯТЫХ
39

КОНАН
И ОКОВЫ
БЕЗМОЛВИЯ
40

КОНАН
И ВЛАДЫЧИЦА
НЕБЕС
41

КОНАН
И ДРЕВО
МИРОВ
42

КОНАН
И КОЛЬЦО
ВЛАСТИ
43

КОНАН
И ЗОВ
ДРЕВНИХ
44

КОНАН
И ПРОРОК
ТЪМЫ
45

КОНАН
И ГНЕВ
СЕТА
46

КОНАН
И ХРАМ
НОЧИ
47

КОНАН
И КОРОЛЬ
ВОРОВ
48

КОНАН
И ПОДЗЕМНЫЙ
ОГОНЬ
49

КОНАН
И МЯТЕЖ
ЧЕТЫРЕХ
50

КОНАН
И КЛЕЙМО
ЗМЕЯ
51

КОНАН
И ХОЗЯИН
ОКЕАНА
52

КОНАН
И КОРОНА
МИРА
53

КОНАН
И ПОСЛАНИК
СВЕТА
54

КОНАН
И СТЫЖЕ
ЗЛО
55

КОНАН
И ЗВЕЗДЫ
ШАДУБАРА
56

КОНАН
И СКЛЕП
ХАОСА
57

КОНАН
И ЖРЕЦ
ТАРИМА
58

КОНАН
И СВЯТИЛИЩЕ
ПИКТОВ
59

ISBN 5-93698-018-9

9 785936 980183